В.И.Киселев

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ:

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

327
К-44
№99

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В.И.Киселев

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ:

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

14578

Дорогому Николаю Огаркову на добрую память от автора
В.Киселев
Москва 4 декабря 1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1988

К44

Ответственный редактор
Р. В. БОРИСОВ

Рецензенты
Е. Д. ПЫРЛИН, О. И. ФОМИН

В книге исследуются роль и значение палестинской проблемы в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке, исторические корни палестинской проблемы, превращение Палестинского движения сопротивления в самостоятельный фактор международных отношений на Ближнем Востоке, размежевание политических сил в арабском мире в вопросе путей и методов решения палестинской проблемы и арабо-израильского конфликта в период после подписания сепаратных кэмп-дэвидских соглашений. Особое внимание уделяется освещению принципиальной и последовательной политики Советского Союза в палестинском вопросе.

К $\frac{0800000000\text{-}116}{013(02)\text{-}88}$ 143-88

Владимир Иванович Киселев

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *В. М. Григорьева.* Младший редактор *Н. Н. Комарова.* Художник *А. Г. Кобрин.* Художественный редактор *Э. Л. Эрман.* Технический редактор *Г. А. Никитина.* Корректор *Л. М. Кольцина*

ИБ № 15940

Сдано в набор 18.01.88. Подписано к печати 27.04.88. А-03879. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15. Усл. кр.-отт. 15,25. Уч.-изд. л. 17,35. Тираж 1800 экз. Изд. № 6405. Зак. № 31. Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

ВВЕДЕНИЕ

Мир в Палестине может быть достигнут только посредством взаимопонимания, но не силой.

А. Эйнштейн

Евреи — наши двоюродные братья. Мы сосуществовали на протяжении веков. Сионизм выдвинул проблему, и все стало невозможным между евреями, арабами и христианами. Мы можем жить в одном доме, но никто из нас не может захватить весь этот дом и выгнать из него остальных.

Г. А. Насер

Палестинская трагедия — это не локальная трагедия; это трагедия всего мира, так как она порождена несправедливостью и представляет угрозу всеобщему миру.

А. Тойнби

Среди наиболее актуальных вопросов современных международных отношений важное место занимают проблемы Ближнего и Среднего Востока. Одна из таких проблем — едва ли не самая сложная и драматическая — судьба арабского народа Палестины, лишенного своей родины и превращенного фактически в народ-изгнанник.

Исторически сложилось так, что палестинский народ оказался в самом центре острой политической борьбы между силами империализма и национального освобождения, развернувшейся на Ближнем и Среднем Востоке после окончания второй мировой войны. Специфика этой борьбы заключается в широком использовании западными державами Израиля для подавления арабского национально-освободительного движения и сдерживания процесса политической и социально-экономической деколонизации арабского мира [1].

Арабский народ Палестины стал первой и главной жертвой политики территориальной экспансии, проводившейся сионистским руководством Израиля с первых дней появления этого государства на политической карте Ближнего Востока в ночь с 14 на 15 мая 1948 г. Всем ходом событий на Ближнем Востоке палестинский народ был выдвинут на передний край антиимпериалистической борьбы арабов и потому подвергался особен-

но сильному натиску со стороны империализма, сионизма и их союзников в арабском мире. Палестинская проблема превратилась в один из узловых пунктов всего комплекса арабо-израильских противоречий, в сердцевину арабо-израильского или ближневосточного конфликта. Можно сказать, что в ней как бы фокусируются все нити сложного и запутанного узла международных противоречий Ближнего и Среднего Востока: между неоколониалистской политикой западных держав и национальными интересами независимых государств региона, сионизмом и арабским национально-освободительным движением, внутренними разногласиями между самими арабскими странами, а также социальными противоречиями, существующими в антиимпериалистическом фронте арабских народов и его отдельных отрядах. Именно в этом кроется одна из главных причин острой политической борьбы, разгоревшейся вокруг палестинской проблемы как в самом арабском мире, так и за его пределами.

Отсутствие в течение длительного времени сколько-нибудь значительного прогресса в справедливом решении палестинской проблемы из-за обструкционистской позиции Израиля и Соединенных Штатов препятствует достижению всеобъемлющего урегулирования арабо-израильского конфликта, серьезно дестабилизирует обстановку на Ближнем и Среднем Востоке, таит в себе постоянную угрозу для всеобщего мира и безопасности. На рубеже 70—80-х годов эта угроза еще более усилилась в результате настойчивых попыток Соединенных Штатов добиться здесь господствующего положения при помощи кэмп-дэвидской политики сепаратных сделок, раскола арабского мира и применения методов военно-силового давления в отношении ряда стран Ближнего и Среднего Востока. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «произошло новое обострение обстановки в регионе. Ближневосточное урегулирование оказалось отброшенным назад»[2]. Стало еще более очевидным, что опасность возобновления военных действий между Израилем и арабскими странами будет сохраняться, «пока израильские армии остаются на оккупированных землях... пока лишены своих законных прав и живут в отчаянных условиях сотни тысяч палестинцев, изгнанных со своих земель, и арабский народ Палестины лишен возможности создать свое национальное государство»[3].

С точки зрения своего внутреннего содержания или «анатомии» палестинская проблема имеет несколько тесно взаимосвязанных между собой аспектов, предопределяющих ее место в общей структуре международных отношений региона Ближнего и Среднего Востока[4].

Первый и главный из этих аспектов — национальный, или собственно палестинский. Это — прежде всего вопрос национального самоопределения палестинского народа, восстановления его права на родину и создание своего государства в соответствии с резолюциями Организации Объединенных Наций. Национальное самоопределение более чем четырехмиллионного палестинского народа составляет основное содержание палестинской проблемы. Именно в предоставлении арабскому палестинскому народу права на самоопределение заключался главный политический смысл той части основополагающей резолюции ООН № 181 (II) от 29 ноября 1947 г. по палестинской проблеме, в которой говорилось о создании в Палестине двух государств — арабского и еврейского.

Суть второго, регионального, аспекта в том, что нерешенность палестинской проблемы затрагивает интересы и судьбы не только палестинского народа, но и всех арабов, так как со времени образования в VII в. Арабского халифата Палестина и в географическом и в историческом плане всегда была неотъемлемой частью арабского мира, а арабский палестинский народ — членом большой семьи арабских народов. Исторические судьбы арабского народа Палестины и в прошлом и в настоящем неотделимы от общей борьбы всех арабов за утверждение арабского мира в качестве самостоятельного, независимого фактора в мировой политике, за его полное освобождение от империалистического влияния.

Систематическое изгнание израильскими властями палестинцев за пределы Палестины с их исконных земель на Западном берегу р. Иордан, в секторе Газа и из восточной части Иерусалима не может не затрагивать национальные чувства, честь и достоинство миллионов арабов во всех уголках многоликого арабского мира. Трагедия палестинского народа воспринимается ими как вопиющая несправедливость, допущенная как раз в то время, когда большинство ранее угнетенных народов покончило с колониальным порабощением и добилось национальной независимости. Эта трагедия затрагивает также чувства всех честных людей планеты, в том числе народов социалистических стран.

Третий, международный, аспект проблемы заключается в том, что начиная с прошлого столетия и особенно в первой половине XX в. Палестина стала полем острого соперничества колониальных держав Запада за овладение этой стратегически важной территорией, находящейся на путях к богатым источникам сырья и рынкам сбыта Юго-Западной и Юго-Восточной Азии, Персидского залива и Дальнего Востока. Особенность международного аспекта палестинской проблемы состояла еще и в том, что на палестинской земле — в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете, Наблусе, Хевроне, районе Тивериадского (Генисаретского) озера, Мертвого моря и долины р. Иордан — находятся многочисленные культовые памятники трех религий: христианства, иудаизма и ислама. Что касается ислама, то для сотен миллионов мусульман, живущих в различных странах мира, Иерусалим наряду с Меккой и Мединой всегда был одним из крупнейших центров арабо-мусульманской культуры, средоточием многих исламских святынь.

решения арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы, особенно в послекэмп-дэвидский период.

Хронологические рамки работы охватывают период со времени образования в Палестине государства Израиль и первой арабо-израильской войны 1948—1949 гг. до середины 80-х годов, т. е. период, когда в развитии Палестинского движения сопротивления происходят качественные сдвиги, предопределившие постепенное превращение его в относительно самостоятельный фактор международных отношений в арабском мире, на Ближнем и Среднем Востоке. Вместе с тем специальная глава книги посвящена генезису палестинской проблемы и ее политической эволюции до 1948 г.

При подготовке настоящей работы автор стремился по возможности более полно использовать исследования советских авторов по ближневосточному конфликту и палестинской проблеме, а также публикации, изданные в других социалистических странах. В числе таких исследований необходимо отметить прежде всего работы А. П. Барышева, Р. В. Борисова, Е. Д. Дмитриева, А. М. Захарова, А. К. Кислова, В. И. Копина, В. П. Ладейкина, Р. Г. Ланды, Л. И. Медведко, В. И. Носенко, Е. М. Примакова, Р. Ш. Турдиева, О. И. Фомина [5].

Для исследования роли и места палестинской проблемы в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке большую ценность представляют труды советских авторов, посвященные истории и политике отдельных арабских стран в современный период, а также политике Соединенных Штатов Америки и других западных держав на Арабском Востоке. Среди этих трудов заслуживают упоминания исследования И. П. Беляева, А. М. Васильева, О. Г. Герасимова, Л. Н. Котлова, В. Б. Луцкого, Н. О. Оганесяна и ряда других авторов [6].

В трудах советских ученых-арабистов, посвященных палестинскому национально-освободительному движению, арабо-израильскому конфликту и позиции отдельных арабских стран, содержатся важные концептуальные оценки изменений, происходящих в арабском национально-освободительном движении на современном этапе, позволяющие лучше понять особенности формирования межарабских отношений. Настоящая работа, в которой наряду с другими вопросами рассматривается влияние внутренней эволюции Палестинского движения сопротивления на межарабские отношения, является в определенной мере продолжением и развитием трудов названных выше исследователей. При этом многие выводы и оценки, содержащиеся в этих трудах, во многих случаях служили для автора ориентиром при освещении широкого круга вопросов, связанных с раскрытием места и роли палестинской проблемы в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что региональный аспект палестинской проблемы в том виде, в котором он сформулирован в настоящей работе, еще не получил специального освещения. В отечественной и зарубежной литературе пока еще не появилось единого многопланового исследования, в котором анализ влияния палестинского аспекта арабо-израильского конфликта на международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке был бы выполнен на комплексной основе, с учетом широкого спектра внутренних и внешних факторов. Настоящая работа может в какой-то мере восполнить этот пробел.

В плане ближневосточной проблематики среди других работ заслуживает отдельного упоминания коллективная монография «Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока» [7]. Особенность ее в том, что она является плодом сотрудничества ученых социалистических стран: Советского Союза, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики и Чехословацкой Социалистической Республики. Построенная по проблемно-хронологическому принципу, эта монография включает в себя анализ ключевых проблем ближневосточной политики: палестинской проблемы, межарабских отношений, ближневосточного урегулирования, а также основных тенденций во внешней политике Турции и Ирана. Усилиями ученых социалистических стран, кроме того, был подготовлен и опубликован ряд оригинальных работ, посвященных Палестинскому движению сопротивления, проблеме ближневосточного урегулирования и национального самоопределения палестинского народа, а также общим вопросам политики западных держав и международных отношений в этом регионе мира [8].

Многочисленные исследования по Ближнему Востоку, в том числе по палестинской проблеме, появились в последние два десятилетия в странах Арабского Востока, Западной Европы и Америки. Научная ценность этих работ различна и требует в каждом конкретном случае отдельного анализа. Можно лишь сказать, что большинство этих книг и статей имеют, за малым исключением, одну общую черту: они несут на себе отпечаток субъективных оценок их авторов в зависимости от того, чьи классовые и политические интересы они выражают. Из всей этой обширной литературы наиболее ценными при подготовке данной работы были официальные документы Палестинского движения сопротивления и Организации освобождения Палестины, тексты отдельных заявлений, посланий, интервью и докладов лидеров ООП и ПДС [9], официальные документы правительств арабских стран и Лиги арабских государств (ЛАГ), а также материалы совещаний руководителей арабских стран в верхах [10], Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности и специализированных организаций и органов ООН (Комитета по осуществлению неотъемлемых прав арабского народа Палестины, Комиссии ООН по изучению положения на оккупированных Израилем палестинских территориях Западного берега р. Иордан, сектора Газа и восточной части Иерусалима, Ближневосточного агентства для помощи палестинским беженцам и организации работ — БАПОР и ряда других) [11].

Значительная часть фактического материала, использованного в книге, почерпнута автором из опубликованных в арабских странах монографий, мемуаров, научно-публицистических работ, очерков и статей. Среди них особого внимания заслуживают монографии Лейлы Кади, Б. Корани и А. Х. Десуки, Махди Абдель Хади, Зайяда ас-Сагира, Иссы аш-Шуайби, Зухейра Мохсена, Фейсала Хаурани [12].

Генезис палестинской проблемы и арабо-израильского конфликта подробно освещен в монографиях Эмиля Тумы, Абу-Лугда, Сами Хадави и Роберта Джона, Файеза Сайега, Аниса Сайега, Хейри Касмийи, Камаля Махмуда Хиллаха, Ахмеда Сузи, Валида Халиди [13].

Международные аспекты палестинской проблемы рассматриваются в работах Эдварда Саида, А. Сид Ахмеда, Хишама Шараби, Фавзи Турки и других арабских авторов [14].

Значение исследований, принадлежащих арабским, и в первую очередь палестинским, авторам, для изучения палестинской проблемы, и в частности ее международных и региональных аспектов, состоит прежде всего в том, что они основываются на множестве ценных документальных фактов. Многие из арабских авторов сами являлись непосредственными участниками или очевидцами описываемых ими событий. Знакомство с этими публикациями позволяет лучше понять арабскую и палестинскую точки зрения на проблемы взаимоотношений ПДС и ООП с арабскими режимами, а также различий в подходе к связям с ними со стороны различных палестинских организаций, входящих в ООП. Вместе с тем необходимо отметить, что большинство арабских авторов не анализируют классовую сущность палестино-арабских отношений, ограничиваясь лишь описанием событий.

В европейской, американской и израильской литературе вопросы внешнеполитической деятельности ООП и ее отношения с арабскими странами рассматриваются главным образом не как самостоятельная тема, а в контексте арабо-израильского конфликта и политики западных держав и Израиля на Ближнем Востоке.

Среди большого числа публикаций по этим вопросам, появившихся в последние два-три десятилетия в странах Западной Европы и Америки, преобладают работы, написанные с просионистских, произраильских позиций. Примером такого рода публикаций могут служить книги В. Лакера, Д. Жинневски, Дж. Гуревица, К. Гершмана, И. Хау, Ф. Ф. Хакера, С. Фридлендера, Д. Робинсона и ряда других авторов [15]. Общей особенностью этих книг является откровенная апология сионистской колонизации Палестины и в то же время почти полное игнорирование интересов коренного арабского палестинского населения, которое либо исключается из поля зрения авторов, либо отождествляется с «беженцами» или «террористами». Своего рода политическим кредо этой группы авторов служит

положение, сформулированное В. Лакером в его книге по истории сионизма: «В истории национальные государства не возникают в результате мирного развития и юридических контактов. Они развиваются в результате вторжений, колонизаций, насилий и вооруженной борьбы... Создание национальных государств требует совершения актов несправедливости. Местное население должно быть поглощено или ассимилировано, истреблено или изгнано» [16]. Эта империалистическая по своей сущности концепция полностью совпадает с тем, чем на практике занимались сионистские лидеры в Палестине в период создания на ее территории еврейского государства, и с той политикой, которую проводит в настоящее время израильское правительство.

В русле этой концепции рассматривает перспективы арабо-израильских отношений и профессор Иерусалимского университета С. Фридлендер в своей книге «Размышления над будущим Израиля». Автор оправдывает израильскую агрессию против арабских стран в июне 1967 г. и рекомендует наращивать производство вооружения, вплоть до организации производства ядерного оружия, которое при всех опасностях атомной войны, по его мнению, обеспечит Израилю военное превосходство [17].

Более близкими к теме избранного исследования являются публикации тех западных авторов, которые сосредоточивают свое внимание главным образом на процессах, происходящих в арабском мире, и на отношениях западных держав с арабскими странами. Упомянем работы американских ученых У. Квандта, Ф. Джабера, А. Леч, М. Керра, М. Хадсона, Дж. Кулей [18].

В последние два десятилетия по проблемам Палестины, арабо-израильского конфликта и международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке в западной литературе появился целый ряд исследований, авторы которых подходят к упомянутым проблемам с позиции критики сионизма и экспансионистской политики лидеров Израиля. Это прежде всего книги А. Лилиенталя, Н. Вайнштока, П. Демерона, У. Авнери, А. Тейлора, М. Родинсона [19].

Подчеркивая несовместимость сионистских концепций, которыми руководствуются в своей политике правящие круги Израиля, с интересами израильского народа и евреев других стран, упомянутые авторы видят решение арабо-израильского конфликта в идее мирного сосуществования Израиля с соседними арабскими странами и признании права арабского народа Палестины на самоопределение.

Концепция сосуществования в Палестине двух народов — арабского и еврейского,— основывающаяся на сложившихся на Ближнем Востоке реальностях, в 80-е годы находит все больше сторонников среди западных и израильских авторов, в их числе профессор Массачусетского университета Н. Чомски, английский журналист Б. Рамелсон, израильский публицист и исследователь А. Капелюк, известные французские ученые-востоковеды М. Родинсон и Ж. Берг [20].

Примечательным явлением в западной историографии по палестинской проблеме и арабо-израильскому конфликту в последние годы стало появление книг и статей, в которых дается объективный анализ истории палестинского народа и Палестинского движения сопротивления. Это — коллективная работа группы американских журналистов, посвященная защитникам палестинского лагеря Тель-Заатар, сборник статей и документов по Палестине и арабо-израильскому конфликту, изданный в Калифорнии под редакцией Р. Стемлера, книги французского журналиста Ж. Шальяна, американского исследователя У. Лэна (университет штата Миннесота), английских публицистов М. Адамса и К. Моена, посвященные истории Палестинского движения сопротивления [21].

Среди западноевропейской литературы заслуживают особого упоминания многочисленные очерки, статьи, репортажи, книги известного французского журналиста и исследователя, бывшего редактора газеты «Монд» Эрика Руло и книга французских журналистов и исследователей А. Греш и Д. Видаль «Ближний Восток: столетняя война». Рассматривая палестинскую проблему в международных отношениях на Ближнем Востоке на широком историческом фоне, А. Греш и Д. Видаль подробно анализируют политические, экономические и социальные проблемы палестинцев, роль ООП в борьбе за справедливое решение палестинской проблемы, причины ливанского кризиса, а также политику западных держав на Ближнем Востоке. Свое исследование авторы заканчивают выводом о том, что «сосуществование двух независимых государств — израильского и палестинского — является единственным решением проблемы, отвечающим моральным и политическим требованиям нашего времени» [22].

Характеризуя западную литературу по палестинской проблеме и арабо-израильскому конфликту, необходимо отметить, что многие публикации западных авторов заслуживают самого внимательного отношения и изучения. Во-первых, потому, что в некоторых из них содержится ценный фактический и документальный материал, который значительно дополняет общую картину событий; во-вторых, отраженные в них различные точки зрения авторов на события в арабском мире дают возможность для сравнительного анализа и сопоставления их со взглядами других исследователей, в частности арабских и палестинских; в-третьих, изучение таких публикаций помогает найти «угол преломления» некоторых западных концепций в политике руководителей ближневосточных стран по отношению к ПДС и ООП, особенно придерживающихся прозападной ориентации.

Вместе с тем многочисленность, разнообразие и качественная неоднородность материала поставили перед автором весьма непростую задачу тщательного отбора и проверки фактов и оценок. Это замечание в полной мере относится и к данным, почерпнутым из зарубежной периодической печати.

Глава первая

ГЕНЕЗИС ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

В истории появления и развития палестинской проблемы можно выделить, с известной долей условности, несколько крупных этапов, каждый из которых привносил в ее содержание свои особенности и черты. Едва ли не самым сложным и драматическим из этих этапов стал период после образования в ночь с 14 на 15 мая 1948 г. на территории Палестины государства Израиль и вспыхнувшей вслед за этим арабо-израильской или, как ее иногда называют, палестинской войной 1948—1949 гг. Эти события привели к разделу Палестины между враждующими сторонами и к изгнанию большей части арабского палестинского населения за пределы его родины. Они привели к военной конфронтации между Израилем и соседними арабскими странами, неоднократно перераставшей в кризисные ситуации, создававшие угрозу безопасности в мире.

Однако сами по себе эти события и трагедия арабского народа Палестины, связанная с утратой им родины, были скорее следствием, внешним выражением длительного процесса колониальной экспансии западных держав на Ближнем и Среднем Востоке в конце XIX — первой половине XX в.

Палестина в колониальных планах западных держав и сионизма в конце XIX — начале XX в. (1880—1917)

В последней четверти XIX в. капитализм вступает в свою высшую, империалистическую стадию развития, «начинается громадный „подъем" колониальных захватов, обостряется в чрезвычайной степени борьба за территориальный раздел мира» [1]. Ареной острого противоборства стал и регион Ближнего и Среднего Востока, где с давних пор сталкивались интересы различных европейских государств. На первый план в политике этих государств выдвинулся так называемый «восточный вопрос», сводившийся к решению судьбы арабских владений Турцией (Османской) империи, к борьбе за колониальный передел этих владений. Крупнейшие колониальные державы Европы того времени — Англия, Франция, Германия — избрали для себя предпочтительные зоны влияния и экспансии. Франция, за-

хватившая Алжир (в 50-е годы) и Тунис (в 1881 г.) предъявляла требование на сирийские вилайеты (области) Османской империи под предлогом защиты христианского меньшинства. Англия, оккупировав Египет (в 1882 г.) и Судан (в 1899 г.) стремилась к распространению своего влияния на Ирак и страны Аравийского полуострова. Основным соперником Англии и Франции в борьбе за «право» присвоить себе османское наследство выступала кайзеровская Германия, домогавшаяся установления своего контроля над всеми арабскими владениями Турции на Ближнем и Среднем Востоке.

Палестина вместе с Сирией, Ливаном и другими странами Арабского Востока также оказалась в числе тех подвластных Турции арабских территорий, которые стали объектом колониальных притязаний западных держав. Палестина привлекала западные державы прежде всего как выгодный стратегический плацдарм, значение которого особенно возросло после открытия в 1869 г. Суэцкого канала, проложившего кратчайший морской путь из Европы в Индию и страны Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Было очевидным, что контроль над Палестиной давал бы той державе, которой ее удастся заполучить, большие преимущества для укрепления своих позиций на всем Ближнем и Среднем Востоке, для прямого выхода к богатейшим источникам сырья и рынкам сбыта многих стран Азии и Африки. Это обстоятельство во многом предопределяло стремление конкурирующих европейских государств «не отстать» друг от друга в борьбе за овладение «палестинским перекрестком». Уже тогда Палестина стала одним из самых «чувствительных пунктов» международных отношений на Ближнем Востоке. При этом положение Палестины как крупного центра христианства, ислама и иудаизма, а также особенности этнического состава ее населения служили соперничавшим между собой западным державам дополнительным предлогом для проникновения в Палестину под видом охраны «святых мест» и религиозных общин.

Как и в других странах Ближнего и Среднего Востока, принадлежность населения к той или иной религиозной общине и национально-этнической группе, его приверженность своим собственным религиозным и национальным традициям всегда составляли неотъемлемую часть исторического развития Палестины. Эти так называемые национально-традиционные факторы формировались в течение многих столетий, и поэтому их влияние на политическую жизнь страны и на ее отношения с внешним миром имели не конъюнктурный, а постоянно действующий, устойчивый характер.

Тесная взаимосвязь внутренних национально-традиционных факторов с политикой внешних сил в отношении Палестины, с политической борьбой западных держав вокруг нее со времен «крестовых походов» европейских рыцарей в Палестину в XI—XII вв. и в период становления империализма на рубеже XIX—

XX вв. сохраняет свое значение и для понимания современных событий, связанных с арабо-израильским конфликтом. Поэтому представляется необходимым хотя бы кратко проследить развитие этой взаимосвязи в историческом контексте.

Процесс формирования этнокультурной общности арабских народов происходил в различных районах арабского мира неравномерно. В конце XIX — начале XX в. он наиболее активно протекал на Арабском Востоке в районе так называемого «Благодатного полумесяца», включавшего в себя Палестину, Сирию, Ливан, Ирак и современную Иорданию. Хотя в административном отношении весь этот район был разделен турецкими властями на отдельные провинции (вилайеты) и районы (санджаки), входившие в него арабские страны имели много общего. Палестина, в частности, в этническом и культурно-языковом плане была сходна с соседними странами: Сирией, Ливаном. Их население говорило на одном и том же диалекте литературного арабского языка и в своем большинстве исповедывало ислам (исключением был Ливан, где более половины населения составляли христиане). Эти три страны в географическом и экономическом отношении как бы дополняли друг друга, составляя единую территорию, которая называлась «Сирией» или «Великой Сирией».

Однако Палестине, как и любой арабской стране, наряду с чертами, общими для всего арабского мира, были присущи и местные национальные особенности, сложившиеся под влиянием внутренних и внешних исторических условий ее развития. Хотя Палестина, как уже упоминалось, в течение почти четырех столетий турецкого управления рассматривалась как часть «Великой Сирии» и не была строго определена в своих географических и административных границах *, население Иерусалима, Яффы, Хайфы, Газы, Наблуса, Назарета, Сафеда, Хеброна и прилегающих к ним сельских областей называло свои земли «Филастын», т. е. Палестина [2]. В сознании палестинских арабов — коренных жителей этой области, лежащей между горами Ливана, рекой Иордан, Синайской пустыней и Средиземным морем, это название всегда ассоциировалось с понятием «родина». И это понятие они никогда не смешивали ни с какой иной частью «Великой Сирии». В традиционно исторических границах Палестины в течение столетий у населявших ее жителей складывались устойчивые экономические, этнокультурные связи. Арабская в своей основе культура арабского палестинского народа, его обычаи и творчество испытали на себе воздействие культуры племен ханаан (или ханаанеев), обитавших в Палестине в глубокой древности и создавших там процветавшую цивилизацию [3]. Длительное сосуществование на палестинской земле различных религиозных общин способствовало формирова-

* В административном отношении северная часть Палестины входила во время турецкого управления в Бейрутский вилайет, а южная составляла Иерусалимский санджак Османской империи.

нию у палестинцев таких черт национального характера, как веротерпимость, открытость, доброжелательность по отношению к представителям других народов и религий.

В конце XIX в. в Палестине насчитывалось свыше полумиллиона жителей, главным образом арабов. Бок о бок с ними жили евреи, армяне, греки, ассирийцы, черкесы, курды. Среди них были мусульмане (сунниты, шииты, друзы), христиане греко-православного, римско-католического толка, армяно-грегориане, мароните, иудеи[4].

Еврейская община в Палестине насчитывала в то время примерно 24 тыс. человек, составляя 5—7% всего населения страны[5]. Но и эти евреи в большинстве своем не были аборигенами, а имигрировали в Палестину в средние века и в новое время, движимые в основном религиозными мотивами. Жили они по преимуществу в Иерусалиме, Хеброне, Яффе, в отдельных еврейских сельских поселениях. Их главным занятием были торговля, ремесло, а также исполнение религиозных служб и обрядов. Как отмечают многие арабские и западные авторы, еврейская и арабская общины в Палестине, равно как и в остальных арабских странах, мирно сосуществовали[6]. В Иерусалиме, Назарете, Вифлееме и других «святых местах» Палестины христиане, мусульмане и иудеи беспрепятственно отправляли свои религиозные культы.

Главным занятием палестинских арабов было земледелие, доходами от которого жило 60—70% арабского населения[7]. Бóльшая часть пригодной для обработки земли принадлежала крупным феодалам-помещикам, сдававшим ее в аренду крестьянам-издольщикам.

В конце XIX — начале XX в. в Палестине на базе местного ремесленного производства и мелких кустарных мастерских стали появляться первые промышленные предприятия, в основном мелкие, с числом рабочих от 6 до 10 человек, занимавшиеся обработкой сельскохозяйственного сырья. Большинство этих предприятий были сосредоточены в Иерусалиме, Хайфе, Наблусе, Яффе. Число рабочих, занятых в промышленности, не превышало 15% самодеятельного населения Палестины[8].

Несмотря на феодальный гнет Турции, в Палестине, как и в других странах Арабского Востока, постепенно развивались производительные силы, в недрах феодального строя возникали элементы нового капиталистического уклада. Вместе с Сирией и Ливаном Палестина втягивалась в орбиту мирового капиталистического хозяйства, ее экономическое развитие приспосабливалось к потребностям европейского рынка. В сельском хозяйстве расширялись плантации экспортных цитрусовых культур (апельсинов, лимонов).

По мере расширения внешней торговли росли города, в первую очередь портовые — Яффа, Хайфа, Акка, которые превращались в центры обслуживания внешней торговли. Зарождались национальная, преимущественно торговая, буржуазия и мест-

ный пролетариат. Эти объективные процессы были значительно ускорены экономическим проникновением в Палестину и сопредельные с ней страны западноевропейских монополий и банков. Западноевропейский капитал мало-помалу через посредство банков монополизировал все основные отрасли экономики страны: сельское хозяйство, торговлю, страховое дело, коммуникации, транспорт. В конце XIX — начале XX в. французским и английским компаниям были предоставлены концессии на строительство железных дорог Яффа—Иерусалим и Акка—Дамаск. В Палестине действовали отделения формально турецких, а фактически европейских банков: Палестинского коммерческого банка и Имперского Оттоманского банка (франко-английский капитал), банка «Лионский кредит» (французский капитал), «Дойче банк», Немецкого палестинского банка, Германского восточного банка, Банка Англо-палестинской компании и Восточного банка (английский капитал)[9]. «Практически,— пишет советский исследователь Л. Н. Котлов,— экономическую жизнь большей части арабских вилайетов (в том числе Палестины.— *В. К.*) контролировал финансово-монополистический капитал Западной Европы через посредство Управления оттоманского долга и подчиненных ему организаций, а также через филиалы крупнейших банков Франции, Англии, Германии и некоторых других стран, открывшихся в крупных городах Ирака и особенно Сирии»[10].

Активную деятельность в Палестине, Сирии, Ливане и других странах Арабского Востока развернули христианские миссионерские учреждения, проникновение которых в арабские страны началось еще в конце XVI в. В Иерусалиме, Бейруте, Дамаске и других городах действовали различные общества и школы христианских миссионеров, миссии католических орденов иезуитов, лазаристов, кармелитов, капуцинов, миссии Американской пресвитерианской церкви, основавшей в 1866 г. Сирийский протестантский колледж, впоследствии преобразованный в Американский университет в Бейруте, миссии греческой православной церкви. В 1849 г. в Иерусалиме была открыта русская православная духовная миссия, а в 1882 г. учреждено русское Императорское православное палестинское общество (в настоящее время Российское палестинское общество при Президиуме АН СССР). Официальная политика миссионерских организаций в Палестине была поставлена на службу политическим интересам европейских держав[11], вместе с тем в немалой степени способствуя расширению системы школьного образования[12].

Самым важным результатом начавшихся в конце прошлого века сдвигов в социально-экономической структуре стран Арабского Востока было возникновение предпосылок для всестороннего обновления общественной жизни. В конце XIX столетия в крупных городах Арабского Востока — Каире, Бейруте, Иерусалиме, Дамаске, Багдаде — были основаны арабские светские

87541

школы и университеты. Появилась арабская национальная интеллигенция, арабская художественная литература, газеты и журналы, начался подъем арабской культуры или, как его называют сами арабы, процесс «арабского возрождения». Он сопровождался зарождением арабского национализма с его главной идеей создания национального государства, восстановления независимости, утраченной еще в далекие времена турецкого завоевания.

Идеи арабского национализма проникали и в различные слои палестинского народа. Социально-экономическое и политическое развитие Палестины шло в русле общей тенденции к освобождению «арабской родины» от турецкого гнета, начинавшей набирать силу на Арабском Востоке.

В условиях пробуждения арабского национализма и обострения межимпериалистической борьбы за Ближний Восток, правящие круги западных держав были вынуждены изыскивать более завуалированные формы и методы осуществления своих планов колониальной экспансии в этом регионе. В правящих кругах западных держав все более утверждается идея колонизации Палестины евреями и создания там еврейского государства — ландскнехта Запада на Ближнем Востоке. Так, в 40-х годах XIX в. представители влиятельных кругов в Великобритании обратились к правительству с предложением дать официальное согласие на миграцию евреев из Европы в Палестину. Эту идею, в частности, поддерживал лорд Пальмерстон, влиятельный английский аристократ, считавший, что это предприятие, т. е. переселение евреев в Палестину, было бы объективно в интересах Британской империи на Арабском Востоке[13]. В последующие годы в связи с открытием в 1869 г. Суэцкого канала подобные проекты приобрели в Англии еще больше сторонников. Об этом свидетельствовали, в частности, выступления английской печати. «Учитывая общие стратегические соображения,— подчеркивал, например, в 1914 г. редактор газеты „Манчестер гардиан“,— крайне желательно, чтобы современные слишком сжатые границы Египта были расширены... чтобы буферное государство в Южной Сирии (т. е. Палестине — *В. К.*) могло бы действовать также эффективно, как в Индии, но более гладко... и, если это буферное государство станет доминионом или настоящей колонией, у нас появится источник большой силы в Восточном Средиземноморье как политической, так в конечном итоге и военной. К этому следует добавить, что единственно возможными колонизаторами Палестины в широком масштабе и на солидной основе являются евреи»[14].

Идеи использования еврейских поселений в Палестине для защиты интересов Запада вынашивались также представителями правящих кругов Франции, Германии и некоторых других стран[15].

Во временном плане возникновение таких идей совпало с зарождением политического сионизма — еврейского буржуазно-националистического течения, лидеры которого, исходя из постулата о «несовместимости» евреев с другими нациями, призвали решить «еврейский вопрос» путем создания в Палестине еврейского государства и переселения туда евреев из различных стран мира. В общих чертах идея массовой эмиграции евреев в какую-либо развивающуюся страну для того, чтобы основать там еврейское государство, была изложена в 1896 г. австрийским евреем — журналистом по профессии — Теодором Герцлем в брошюре «Еврейское государство»[16]. Для Герцля и некоторых его сторонников было не столь уж важно, где будет находиться такое государство — в Азии, Африке или Южной Америке. Сам он считал подходящей для этого и Палестину, и Уганду, и Аргентину. Но с точки зрения большей части его последователей, главным образом евреев из Восточной Европы, речь могла идти только о Палестине.

29—31 августа 1897 г. в швейцарском городе Базеле собрался первый сионистский конгресс, принявший программу сионизма («Базельский манифест»). Главным ее пунктом было создание «для еврейского народа в Палестине национального очага, гарантированного публичным правом». На том же конгрессе была учреждена Всемирная сионистская организация (ВСО), «объединяющая всех евреев, признающих программу сионизма и уплачивающих шекель»[17].

Принятие Базельским конгрессом программы политического сионизма и учреждение ВСО означало окончательное организационное оформление этого течения, которое, по замечанию Н. Вайнштока, «могло появиться лишь в эпоху империализма и явно представляло собой продолжение европейской колониальной экспансии»[18]. Положенная в основу сионизма идея «единой еврейской нации» и концентрации евреев на какой-либо территории в «своем государстве» была призвана отвлечь трудовые массы евреев от участия в революционной борьбе трудящихся за социализм, сохранить господство буржуазии и клерикальной верхушки (раввинов) над трудящимися.

В работах по национальному вопросу, относящихся к этому времени, В. И. Ленин убедительно доказал всю несостоятельность сионистской идеи об «особом еврейском народе» и доказал, что эта идея «совершенно ложная и реакционная по своей сущности»[19].

Политический сионизм с его концепцией создания в Палестине государства, состоящего исключительно из евреев, стал важным политическим фактором в борьбе империалистических сил за овладение этим районом. В то же время Базельский конгресс стал отправной точкой и в борьбе сионистов за «освоение» Палестины[20]. Сразу же после окончания его работы лидеры ВСО активно приступили к реализации принятой конгрессом программы. Первым шагом в этом направлении был поиск державы, способной покровительствовать деятельности ВСО по основанию для евреев «национального очага» в Пале-

стине. Однако в первые годы после Базельского конгресса, несмотря на всю настойчивость и изобретательность сионистских деятелей, им не удалось достичь сколько-нибудь значительных результатов в своих попытках добиться официального признания политического сионизма. Из всех государств, к которым они обращались — Турции, Германии, царской России, Ватикана,— большую благосклонность к руководителям ВСО проявила лишь Великобритания. Британские власти, видя, как активно действует Герцль (его согласилась заслушать Королевская иммиграционная комиссия), проявили готовность обсудить вопрос о создании еврейской колонии на египетской территории Эль-Ариш на Синайском полуострове. Когда предложение не прошло из-за сопротивления турецкого правительства и египетских властей, английский министр колоний Дж. Чемберлен подсказал Герцлю идею расселения евреев на территории английской колонии, которая позже получила название Кения, однако по недоразумению Герцль решил, что речь идет об Уганде, и это предложение стало называться «угандийским проектом» [21].

«Угандийский проект» вызвал разногласия в сионистском движении. Сторонники принятия этого проекта, возглавляемые Исраэлем Зангвилом, вопреки мнению большинства «палестинофилов», выступавших за создание «очага» только в Палестине, не считали отказ от «Сиона» идеологической жертвой. Будучи прагматиками, они доказывали, что местонахождение еврейского национального очага должно определяться «не мистической чепухой насчет „исторической привязанности", а существующими условиями» [22].

Внутренние разногласия и центробежные тенденции во Всемирной сионистской организации, объединявшей различные течения еврейских националистов, проявились и в вопросе выбора покровительствующей великой державы [23]. В конечном счете в канун первой мировой войны к ориентации на Англию постепенно склонилась и пронемецкая фракция ВСО. Когда поражение Германии в войне стало очевидным, бывшее немецкое течение сионизма обратилось за поддержкой к Англии [24]. Сближение ВСО с правящими кругами Великобритании, наметившееся еще до первой мировой войны и основывавшееся на общей заинтересованности в овладении Палестиной положило начало их союзу, который был официально оформлен и закреплен в конце войны так называемой декларацией Бальфура.

Уже в ходе первых дипломатических шагов ВСО на международном поприще довольно четко обозначились две наиболее характерные черты сионистской дипломатии, явно заимствованные ею от умудренных почти трехсотлетним колониальным опытом имперских политиков Великобритании: это, *во-первых,* ставка в империалистической «игре сил» не на одного, а на нескольких союзников в зависимости от изменения расстановки сил на международной арене и, *во-вторых,* тактика сионистской дипломатии, готовой ни перед чем не останавливаться,

использовать любые средства, в том числе выступать с взаимоисключающими обещаниями и обязательствами противоположным сторонам, навязывать общественному мнению свои представления об устремлениях сионистов, совершенно противоположные их подлинным замыслам, тщательно маскировать свои цели различного рода эвфемизмами и туманно-расплывчатыми формулировками. Например, принимая во внимание, что в то время Палестина была составной частью Османской империи, лидеры сионизма избегали говорить о своем намерении создать на ее территории чисто еврейское государство из-за опасения вызвать недовольство Турции. «Я сделал все, что мог, — призывал М. Нордау (один из лидеров политического сионизма и ближайших сподвижников Герцля. — *В. К.*), — чтобы убедить сторонников создания еврейского государства в Палестине, что мы должны найти какой-то эвфемизм, который отражал бы все, что мы имеем в виду, но так, чтобы не провоцировать турецких правителей упоминанием земли. Я предложил заменить слово „государство" синонимическим словом: Heimstätte. Такова история этого выражения, о котором столь много говорят. Оно было двусмысленным, но мы все понимали, о чем идет речь. Для нас оно означало Judenstaat (т. е. еврейское государство. —*В. К.*) в то время и означает то же самое и сейчас» [25].

Другим главным направлением в деятельности ВСО в период после Базельского конгресса была организация переселения евреев из так называемых «стран рассеяния» (диаспоры) в Палестину и создание на ее территории колоний еврейских поселенцев или ишува (на языке иврит «ишув» означает «поселение», здесь — еврейские поселенцы в целом). Это переселение протекало неравномерно, отдельными иммиграционными волнами. Волна иммиграции получила на иврите название «алия», что в переводе с иврита означает «восхождение». Первый этап колонизации евреями Палестины (1882—1914) был отмечен двумя такими «алиями»: первой в 1882—1903 гг. и второй — в 1904—1914 гг. Общая численность еврейского населения Палестины составляла в 1882 г. 24 тыс., в 1895 г.— 47 тыс., в 1900 г. — 50 тыс., в 1910 г.— 81 тыс., в 1914 г.— 85 тыс. [26].

Приведенные данные показывают неуклонное, хотя и медленное, нарастание процесса еврейской колонизации Палестины, состоявшего из двух взаимосвязанных частей: собственно иммиграции и создания поселений еврейских колонистов. При этом сионистские лидеры с самого начала во главу угла ставили задачу создания сельскохозяйственных поселений для закрепления иммигрантов на палестинской земле. «Костяком нашей деятельности,— не раз подчеркивал Х. Вейцман,— есть и всегда должна быть сельскохозяйственная колонизация» [27].

Первые такие поселения в Палестине еще во время «первой алии» (в 80-е годы XIX века) начали создавать еврейские иммигранты, прибывшие главным образом из России, Польши и Румынии. Первоначально эти поселения создавались по инициа-

тиве и на средства отдельных обществ (наиболее известным из них было общество «Ховевей Цион», т. е. «Возлюбившие Сион», возникшее в Одессе в 1881 г.), а также отдельных еврейских банкиров-филантропов (одним из них был Э. Ротшильд — глава крупнейшей в Западной Европе группировки еврейского монополистического капитала). Серьезную поддержку первым сельскохозяйственным поселениям еврейских иммигрантов оказало принадлежавшее Э. Ротшильду Палестинское еврейское колонизационное общество. После образования ВСО все дело по еврейской колонизации Палестины сосредоточилось в руках этой организации. Для осуществления планов колонизации Палестины по инициативе ВСО были созданы специальные экономические и финансовые учреждения, крупнейшими из которых был Еврейский колониальный трест, зарегистрированный в Лондоне в марте 1889 г. в реестре акционерных обществ, и его отделения — Англо-Палестинский банк (1902 г.) и Англо-Левантинский банк (1907 г.). На V сионистском конгрессе ВСО в 1901 г. был основан «Керен кайемет» (Еврейский национальный фонд — ЕНФ) — специальный орган ВСО для выкупа у арабских и турецких феодалов земель в Палестине и передачи их еврейским колонистам. ЕНФ стал главным учреждением еврейской сельскохозяйственной колонизации Палестины [28]. В 1908 г. ВСО основала в г. Яффе свой специальный центр — «Лэнд дивелопмент офис», руководивший расселением иммигрантов и помогавший им в налаживании хозяйства. Его директором был назначен известный немецкий экономист и сионистский деятель д-р Артур Руппин. Наконец, в 1910 г. на IX сионистском конгрессе было принято решение об организации специального кооперативного фонда «Керен хайесод» и учреждении колонизационного общества Эрец Израэль (1911 г.) для управления им [29].

Постепенно колониально-поселенческая диятельность ВСО в Палестине приобретала черты классического колониального предприятия, во многом схожего с созданием английских колоний в Восточной Африке — Северной и Южной Родезии (в настоящее время независимые республики Замбия и Зимбабве).

На землях, скупавшихся у местных феодалов сионистскими банками, Еврейским национальным фондом, Еврейским колонизационным обществом и отдельными частными лицами, создавались капиталистические земледельческие хозяйства плантационного и фермерского типа. В этих хозяйствах, специализировавшихся главным образом на выращивании цитрусовых и винограда, применялись капиталистические формы эксплуатации. В фундаментальном исследовании А. Руппина, посвященном экономике Палестины и Сирии в начале XX в., говорилось, что в еврейских земледельческих колониях использовались современные орудия труда и широко применялся труд наемных рабочих, значительную часть которых составляли арабы. Например, в еврейских земледельческих колониях в районе г. Яффы с населением 8 тыс. человек был занят 2381 наемный рабочий-еврей

и вдвое больше рабочих-арабов [30]. «Надо иметь в виду,— пишет А. Руппин,— что численность арабов, работающих в колониях, раза в два, в три превышает численность работающих в колониях евреев. Имеются колонии, а в их числе важнейшая „Петах-Тикво“ („Врата надежды“), в которых, при широком развитии еврейского предпринимательства, еврейский труд имеет весьма скромное значение» [31]. Решающим при этом было не только то обстоятельство, что еврейские колонисты не обладали навыками земледельческого труда, но главным образом то, что труд арабских наемных рабочих оплачивался значительно ниже, чем труд рабочих-евреев. В то время как еврейские рабочие получали за поденную работу 1,2—2 франка в день, заработная плата арабских рабочих была в полтора раза меньше. Еврейские рабочие, производительность труда которых была, по свидетельству А. Руппина, ниже, чем у арабских, привлекались обычно за высокую плату в качестве надсмотрщиков, распорядителей, бригадиров и т. п., а арабы — на низкооплачиваемые земледельческие работы [32].

В целом становление крупных капиталистических земледельческих хозяйств в еврейском секторе Палестины повторяло классическую колониалистскую «схему», в соответствии с которой земли этих хозяйств должны были обрабатывать арабские безземельные крестьяне. Их становление шло за счет эксплуатации коренного арабского населения страны. «Еврейские иммигранты, прибывшие в „святую землю“ в 1904 г.,— пишет Н. Вайнштok,— замечали, что еврейские колонии были еврейскими лишь по названию, фактически на несколько десятков евреев приходились сотни арабов [33].

Вся колониально-поселенческая деятельность ВСО протекала на фоне систематической и целенаправленной идеологической обработки еврейских масс в духе сионизма. Лидеры сионизма прилагали немалые усилия к тому, чтобы разрушить веками существовавшие традиционные миролюбивые отношения между арабами и евреями, проживавшими в Палестине и других странах Арабского Востока. Они стремились помешать сближению и сотрудничеству евреев-иммигрантов (в большинстве своем выходцев из неимущих или малоимущих слоев) с коренным арабским населением, поскольку это противоречило сионистской идее создания в Палестине своего «чисто еврейского государства». В частности, они выдвинули рассчитанный на обман еврейских трудящихся масс лозунг: «Земля без народа — народу без земли», который служил во все периоды сионистской деятельности своего рода девизом сионизма для оправдания и «обоснования» сионистской колонизации Палестины.

Создание первых сионистских поселений в Палестине сопровождалось проявлениями националистического высокомерия евреев по отношению к местным жителям — палестинским арабам. Как отмечал один из видных арабских прогрессивных ученых-историков Эмиль Тума, «еврейские поселения, создававшиеся

в Палестине, с самого начала направлялись идеологией национальной исключительности и шовинизма, опирались на поддержку империалистических кругов Запада. Это предопределило начало строительства „еврейского национального очага" не в сотрудничестве с арабским народом, живущим в этой стране в течение столетий, а в противовес его интересам»[34].

Колониальная политика империалистических держав, и прежде всего Англии, выступавшей главным поборником идеи создания в Палестине «еврейского очага», и развернутая ВСО практическая колониально-поселенческая деятельность по еврейской колонизации этой страны не могли не вступить в противоречие со стремлением арабского народа Палестины к свободному и независимому развитию. Притязания империализма и сионизма на Палестину и их проникновение в эту страну проявили и обострили национальные чувства палестинцев, привели к зарождению движения сопротивления, развивавшегося как часть общеарабского национально-освободительного движения против турецкого господства, колониальной экспансии европейских держав. Анализируя истоки палестинской проблемы, Э. Тума в своей книге «Корни палестинской проблемы» пишет, что она возникла в результате столкновения трех противоборствующих сил: британского империализма, сионизма и арабского национально-освободительного движения. Своеобразие политической борьбы в Палестине в рассматриваемый исторический период заключалось в том, что поднимавшемуся арабскому, и в частности палестинскому, национально-освободительному движению пришлось противостоять колониальной экспансии западных держав в условиях сохранявшегося официального суверенитета Турции над этой страной. Это обстоятельство давало западным державам и лидерам ВСО дополнительные возможности для политического маневрирования. Англия, в частности, надеялась использовать антитурецкие настроения в арабских вилайетах Турции для того, чтобы привлечь арабов на свою сторону; ВСО со своей стороны стремилась не упустить момент для того, чтобы проникнуть в Палестину и предъявить на нее свои «права», используя заинтересованность английских правящих кругов в присутствии еврейских поселенцев в этой стране для борьбы против арабского национально-освободительного движения[35].

Тщательная маскировка западными державами и лидерами сионизма своих планов, а также сравнительно небольшие масштабы еврейской иммиграции в Палестину в 1880—1914 гг. объясняют отчасти тот факт, что антиарабская направленность и колонизаторская сущность планов империализма и ВСО на Ближнем Востоке в то время еще не были ясны широким народным массам и общественности арабских стран. В Палестине и сопредельных с ней арабских странах в политическую активность был вовлечен довольно ограниченный круг лиц — главы некоторых знатных родов, часть интеллигенции, студенчество, но отнюдь не широкие слои населения. Многие тогдашние руко-

водители арабского национального движения верили посулам западноевропейских держав и лидеров ВСО, надеясь обрести в их лице союзников в борьбе за освобождение от турецкого владычества.

В полной мере реальность угрозы нового порабощения арабский народ Палестины стал ощущать после опубликования английским правительством так называемой декларации Бальфура и предоставления Великобритании мандата Лиги Наций на управление Палестиной.

Декларация Бальфура и оформление англо-сионистского альянса в Палестине (1917—1922)

Одним из важных последствий первой мировой войны (1914—1918) был окончательный развал Османской империи[36]. В самый разгар войны между представителями Англии, Франции и России (позднее к ним присоединилась Италия) состоялись тайные переговоры, завершившиеся подписанием в марте 1916 г. секретного соглашения Сайкс — Пико о разделе арабских территорий Турции на сферы влияния европейских держав. По условиям этого соглашения Франция должна была получить под свой контроль бóльшую часть современной Сирии, а Англия — бóльшую часть современного Ирака. Палестиной, на которую претендовали одновременно и Англия и Франция, первоначально должна была управлять международная администрация[37].

Соглашение Сайкс — Пико было несовместимо с заверениями, которые годом ранее Англия дала правителю Мекки и Хиджаза шерифу Хусейну аль-Хашими, предоставить арабским странам независимость после окончания войны в том случае, если арабы выступят на стороне союзников против Турции. Такие обязательства содержались в переписке между Генри Макмагоном, английским верховным комиссаром в Египте, и шерифом Хусейном аль-Хашими в 1915—1916 гг.[38]. Как правитель Мекки и Хиджаза, шериф Хусейн аль-Хашими имел тогда статус хранителя исламских святынь в священных городах ислама и, рассматривая себя в качестве «потомка пророка», претендовал на то, чтобы выступать от имени всех арабов.

Арабы выполнили свои обещания, данные Англии. В мае 1916 г. они подняли восстание против османского владычества и сражались на стороне англичан против турецких войск, во многом способствуя победе союзников на Ближнем Востоке. В ноябре — декабре 1917 г. английской армии удалось очистить от турецких войск всю территорию Палестины, которая перешла под контроль английского военного командования. Примерно через год, 1 октября 1918 г., английские войска совместно с арабскими вооруженными отрядами вступили в Дамаск, а 30 октяб-

ря того же года на борту английского крейсера «Агамемнон» в порту Мудрос Турция подписала акт о капитуляции [39].

В период войны и непосредственной подготовки к Парижской мирной конференции представители Англии заверяли арабских лидеров в своей готовности выполнить данные ими обещания и способствовать созданию единого независимого арабского государства, однако на практике вся их деятельность была направлена на то, чтобы помешать созданию единого арабского государства. Вслед за подписанием соглашения Сайкс — Пико представители английского правительства вступили в переговоры с ВСО относительно создания в Палестине «национального очага» для «еврейского народа». Благодаря помощи своих многочисленных и влиятельных сторонников в правящих кругах Англии руководителям ВСО удалось добиться от английского правительства поддержки своих планов колонизации Палестины. 2 ноября 1917 г. английское правительство опубликовало письмо тогдашнего министра иностранных дел Англии лорда Бальфура к еврейскому банкиру Ротшильду, в котором говорилось, что «правительство Его величества относится благосклонно к установлению в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия, чтобы облегчить достижение этой цели» [40].

Итак, в декларации Бальфура «одна нация торжественно обещала другой нации страну, принадлежащую третьей нации» [41]. При выработке декларации, так же как и в случае с заключением соглашения Сайкс — Пико, с представителями правящих кругов арабских стран не консультировались. В Палестине содержание декларации замалчивалось, и она официально не издавалась там вплоть до введения в стране английской гражданской администрации в 1920 г.

В феврале 1918 г. о своем согласии с декларацией заявила Франция, 9 мая 1918 г.— Италия, 31 августа того же года ее одобрил президент США Вильсон, а затем, 30 июня 1922 г., конгресс США. По словам Ллойд Джорджа, в конце 1917 г. ставшего премьер-министром Англии, «декларация Бальфура не являлась простым актом милосердия. Следует понять, что речь идет о сделке, в обмен... на поддержку евреями всего мира дела союзников» [42]. Считалось, что такая декларация окажет мощное воздействие на мировое еврейство и обеспечит Антанте поддержку еврейских финансовых кругов [43]. Обязательство, данное лордом Бальфуром ВСО, фактически аннулировало прежние обязательства британского правительства перед Францией (по соглашению Сайкс — Пико), равно как и перед арабами (по соглашению Макмагона — Хусейна) [44].

Таким образом, подготовка декларации Бальфута и выбор времени для ее обнародования определялись не только стратегическими интересами колониальной политики Англии на Ближнем Востоке, но и военно-политической ситуацией, сложившейся в Европе в конце войны в результате военных действий и революционных событий в России. К принятию решения выступить

с декларацией о Палестине в немалой степени английское правительство подталкивала и активная деятельность лидеров ВСО во главе с ее тогдашним председателем Хаимом Вейцманом. Пользуясь обстановкой острейшего политического кризиса, который империализм переживал в связи с первой мировой войной и победой пролетарской революции в России, лидеры сионизма стремились не упустить момент для того, чтобы вырвать у воюющих группировок, и в частности Англии и ее союзников по Антанте, обещание содействовать их колониальному предприятию в Палестине [45].

Провозглашение Великобританией в одностороннем порядке декларации Бальфура представляло собой дипломатическую акцию, оказавшую крайне негативное воздействие на дальнейшее развитие международных отношений на Ближнем Востоке. Указывая на далеко идущие последствия этой акции, авторы аналитического документа, подготовленного Специальным Комитетом ООН по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа, в 1978 г. подчеркивали, что декларация Бальфура практически на каждом этапе развития палестинской проблемы играла первостепенную роль. «Декларация,— говорилось в документе,— определила направление дальнейшего развития событий в Палестине, она была включена в мандат. Ее осуществление вызвало сопротивление со стороны арабов и привело к восстанию. Она породила нескончаемые трудности, с которыми мандатарий столкнулся в последние годы правления, восстановив друг против друга англичан, евреев и арабов. Она в конце концов привела к разделу и породила существующую сегодня проблему... Декларацию поэтому можно считать источником проблемы Палестины» [46].

На всех последующих этапах развития палестинской проблемы декларация Бальфура занимала центральное место в сионистско-израильских юридических притязаниях на Палестину. Прибегая к самому вольному толкованию текста декларации, руководители ВСО всякий раз преподносили свои действия по переселению евреев из Европы в Палестину и колонизацию этой страны как «законное право», предоставленное им декларацией Бальфура. Между тем такие видные специалисты в области международного права, как С. Линовиц, В. Маллисон считают, что «с юридической точки зрения декларация сама по себе не имеет никакой юридической силы, ибо Великобритания не имела никаких суверенных прав на Палестину» [47]. На Парижской мирной конференции союзные державы ввели на всех арабских территориях Турции систему мандатов, установление которой предусматривалось статьей 22-й Устава Лиги Наций, подписанного 28 июня 1919 г. и явившегося составной частью Версальского мирного договора. При окончательном распределении мандатов Верховным советом держав на конференции в Сан-Ремо 25 апреля 1920 г. мандат на управление Палестиной, Трансиорданией и Ираком было решено передать Англии, а мандат на

Сирию и Ливан — Франции. По настоянию Англии в текст мандата на Палестину были включены условия декларации Бальфура, что в еще большей степени подчеркивало его антиарабскую и колониалистскую сущность.

В преамбуле мандата говорилось, что «мандатарий должен взять на себя ответственность за проведение в жизнь декларации, провозглашенной 2 ноября 1917 г. правительством Его британского величества и одобренной вышеуказанными державами... и что в этой декларации признается историческая связь еврейского народа с Палестиной» (последняя фраза была включена в основной текст документа под давлением сионистов) [48].

Главные статьи мандата на Палестину гласили: держава-мандатарий, т. е. Великобритания, «имеет всю полноту законодательной и административной власти...» (статья 1); «мандатарий несет ответственность за создание в стране таких политических, административных и экономических условий, которые обеспечат создание еврейского национального очага...» (статья 2); «соответствующее еврейское учреждение (им стало Еврейское агентство — орган ВСО, созданный в конце 20-х годов в Палестине.— *В. К.*) будет признано в качестве общественного органа, который должен сотрудничать с администрацией Палестины и консультировать ее по экономическим, социальным и другим вопросам...» [49]. Игнорирование прав и интересов палестинских арабов было очевидным, несмотря на то что они составляли более 90% населения, в тексте документа о них вообще не упоминалось и лишь дважды были сделаны оговорки об обеспечении интересов «других групп населения» [50]. «По прочтении текста мандата складывалось впечатление,— признавал английский генерал Глабб,— будто евреи являются единственной общиной, с которой английским властям предстоит иметь дело, и мандат установлен исключительно ради претворения в жизнь идей сионизма» [51].

Решения конференции союзников в Сан-Ремо о передаче стран Арабского Востока под мандатное управление Англии и Франции и установление английского мандатного режима в Палестине (июль 1920 г.) явились тяжелым ударом для всех арабских народов. Это фактически означало раздел арабских стран между западными державами, крайне затруднявший их борьбу за национальную независимость. Установление же английского мандатного режима в Палестине привело не просто к ее фактическому превращению в английскую колонию. «Оккупировав Палестину и поставив ее на службу сионистских планов,— подчеркивалось в одном из аналитических документов Палестинской коммунистической партии,— британский империализм стремился закрепить раздел арабских стран, вбить клин в самое сердце арабского мира с целью помешать его народам добиваться национального объединения» [52].

Опасность нового колониального порабощения британским империализмом и сионизмом не могла не вызвать протест

арабского народа Палестины, народов всего арабского мира. В начале 1918 г., вскоре после публикации декларации Бальфура группа палестинских патриотов образовала в Каире Комитет действий против декларации и соглашения Сайкс — Пико [53]. В городах Палестины, оккупированной английскими войсками, создавались исламско-христианские ассоциации, которые на своей конференции в Яффе в феврале 1919 г. потребовали предоставления Палестине независимости в рамках арабского единения с Сирией [54]. Арабские националисты Палестины приняли участие в состоявшемся в Дамаске 5 июня 1919 г. Всеобщем сирийском конгрессе, участники которого отвергли декларацию Бальфура и призвали добиваться независимости Сирии. В резолюции конгресса, в частности, говорилось: «Мы выступаем против притязаний сионистов на создание еврейского государства в называемой Палестиной южной части Сирии и против расселения сионистов в какой-либо части нашей страны, ибо не признаем их права на землю и рассматриваем их как серьезную угрозу нашему народу с национальной, экономической и политической точек зрения. Наши еврейские соотечественники должны иметь одинаковые с нами права и обязанности» [55]. 14 декабря 1920 г. в Хайфе состоялась первая всепалестинская политическая конференция, в которой участвовали представители широких слоев арабского населения Палестины. Конференция была посвящена конкретным проблемам Палестины, в частности она потребовала запрещения еврейской иммиграции и установления в стране национального правления [56].

Антиимпериалистическое движение в Палестине в 20-е годы развивалось в русле общего подъема освободительной борьбы арабских народов после первой мировой войны (антиимпериалистические восстания в Египте в 1919 г., в Сирии и Ираке в 1920 г.). Большое влияние на этот подъем оказала победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, которая нанесла сильнейший удар колониальной системе империализма, создала предпосылки для успешной борьбы за национальное освобождение народов колониальных и зависимых стран, в том числе и народов Арабского Востока. В числе первых внешнеполитических акций Советского правительства было провозглашение недействительными всех соглашений о разделе стран Ближнего и Среднего Востока на «сферы влияния», заключенных царской Россией, и предание гласности скрывавшегося от арабов соглашения Сайкс — Пико. «Это,— отмечает Э. Тума,— помогло снять ту пелену, которой британские империалистические эмиссары пытались закрыть глаза деятелям национального движения на Арабском Востоке, убеждая их в том, будто Великобритания верна своим обещаниям и сочувствует делу арабского освобождения» [57]. Советское правительство решительно выступило против системы мандатов, навязанных после первой мировой войны народам арабских стран, квалифицировав ее как новую форму колониального порабощения. «И ко-

гда говорят о раздаче мандатов на колонии,— отмечал в те годы В. И. Ленин,— мы прекрасно знаем, что это — раздача мандатов на расхищение, грабеж, что это — раздача прав ничтожной части населения Земли на эксплуатацию большинства населения земного шара» [58].

В мае 1923 г. Советское правительство направило правительствам Великобритании и Франции ноту, в которой говорилось: «Палестина и Сирия в настоящее время находятся в так называемом мандатном состоянии. Российское правительство не признает этой новой формы международного положения». В ноте подчеркивалось, что «правительства Великобритании и Франции фактически удерживают этим путем в своих руках власть в Сирии и Палестине» [59]. Впоследствии при вступлении СССР в Лигу Наций (в сентябре 1934 г.) Советское правительство подтвердило свое непризнание системы мандатов и протекторатов. Оно заявило, что Советский Союз не может одобрить статью 22-ю Устава Лиги Наций о системе мандатов и отказывается участвовать в работе Постоянной мандатной комиссии Лиги Наций.

В воззваниях Коминтерна постоянно обращалось внимание на необходимость поддержки рабочими европейских государств национального движения арабских народов за достижение независимости, раскрывалась роль сионизма как орудия империалистической экспансии на Ближнем Востоке. В подготовленных при непосредственном участии В. И. Ленина «Тезисах по национальному и колониальному вопросам» для II конгресса Коминтерна, состоявшегося в 1920 г., говорилось, что «ярким примером обмана трудящихся масс угнетенной нации... произведенного объединенными усилиями империализма Антанты и буржуазии соответствующей нации, может служить *палестинское предприятие сионистов, как и вообще сионизм...*» [60] (курсив наш.— *В. К.*).

Палестинское национально-освободительное движение в 20-х годах развивалось главным образом в рамках общеарабских национальных требований предоставления независимости объединенному арабскому государству в составе Сирии, Палестины и Ливана. Требования палестинских националистов по конкретным, касающимся только Палестины проблемам (прекращение еврейской иммиграции и отказ от декларации Бальфура, установление национального правления) не подразумевали подмены или отказа от общеарабских национальных требований» [61].

В основной своей массе арабы не питали расовой или религиозной неприязни к евреям как этнической или религиозной группе, рассматривая их как часть населения Палестины. Кризис в Палестине разразился не из-за мнимой несовместимости между евреями и арабами, как утверждают авторы многих просионистских публикаций, а из-за экстремистской политики сионистских лидеров, угрожавшей законным правам палестинских арабов. «Мы хотим подчеркнуть,— говорилось в одном из документов палестинского национального движения тех лет,— что еврейское население Палестины, жившее здесь до войны, никогда не испытывало затруднений в отношениях со своими арабскими соседями. Оно пользовалось теми же правами и привилегиями, что и другие граждане Оттоманской империи, и никогда не вело агитации за декларацию Бальфура 2 ноября 1917 г. *За декларацию Бальфура ратовали сионисты, жившие за пределами Палестины*» [62] (курсив наш.— *В. К.*).

Сионистская колонизация Палестины и обострение борьбы вокруг палестинской проблемы (1922—1939)

Раздел стран Арабского Востока между Англией и Францией на «сферы влияния» и установление британского мандатного режима в Палестине коренным образом изменили всю обстановку в этом регионе. Они открыли перед западными державами и Всемирной сионистской организацией широкие возможности для расширения колониальной экспансии и ускорения еврейской колонизации Палестины. Еще в ходе Парижской мирной конференции лидеры ВСО выдвинули проект создания «еврейского национального очага» в Палестине, в который они произвольно включили кроме собственно Палестины значительную часть территорий Ливана, Сирии, Иордании и Египта. Они настаивали также на том, чтобы границы «еврейского очага» включали порт Акаба, открывая свободный доступ к Красному морю [63].

В течение всего периода английского мандата важнейшим направлением политики ВСО оставалось всемерное увеличение иммиграции евреев в Палестину. Вслед за двумя довоенными «алиями» после окончания первой мировой войны (осенью 1918 г.) началась третья «алия», в течение которой в Палестину переселилось 36 тыс. евреев, в основном из стран Восточной Европы. Во время четвертой «алии» (1924—1931) в Палестину переехало 84 тыс. евреев, главным образом из Польши. Пятая, самая крупная «алия» (1933—1939) оказалась рекордной по числу иммигрантов — 226 тыс., из которых около трети составляли евреи — выходцы из Германии [64]. В 1939 г. в Палестине проживало уже свыше 445 тыс. евреев, что составляло почти 30% общей численности населения страны (1,5 млн. человек). Увеличилась и общая площадь земельных участков, находившихся в руках евреев,— с 650 тыс. дунамов (один дунам = 0,1 га) в начале действия мандата до почти 1500 тыс. дунамов в 1939 г. (при общей площади пригодных для обработки земель 2600 тыс. дунамов) [65].

На фоне общего роста еврейской иммиграции в Палестину в 1918—1938 гг. процесс переселения протекал неравномерно, резко сокращаясь в отдельные годы. Так, в период четвертой

«алии» (1924—1931) за один только 1925 г. в Палестину прибыло 33 135 еврейских иммигрантов, за 1926 г.— 13 081, в то время как за 1927 г. только 2713 и за 1928 г.— 2178. Более того, в 1927—1928 гг. начался отток евреев из Палестины. Например, в 1927 г. из страны выехало 5071 человек, т. е. еврейская эмиграция на 2358 человек превысила иммиграцию [66]. Многим арабским лидерам тогда казалось, что сионизм вот-вот «выдохнется» и палестинская проблема с «помощью Аллаха» разрешится сама собой.

Однако дальнейшие события показали, что эти надежды были не более чем иллюзией. Руководители ВСО срочно предприняли ряд мер по привлечению дополнительных капиталов еврейских финансовых магнатов, прежде всего американских евреев-миллионеров, для поддержки иммиграции и колонизации Палестины [67]. В конечном счете проведенные ВСО кампании по сбору средств в пользу переселенцев дали возможность ее руководству справиться с трудностями. В конце четвертой «алии» (1930—1931) иммиграция евреев в Палестину вновь стала, хотя и медленно, возрастать. «Иммиграционный кризис» 1927—1928 гг. высветил уязвимость и искусственность всего колониального предприятия сионистов в Палестине, прямую зависимость его жизнеспособности от постоянного притока иностранного капитала и новых партий иммигрантов.

В 30-е годы большое влияние на процесс сионистской колонизации Палестины несомненно оказали события в Германии: падение Веймарской республики (28 января 1933 г.) и приход к власти Гитлера (30 января 1933 г.). Начав с антикоммунистической кампании и расправ с демократическими силами, нацистский режим перешел к «очищению» Германии от представителей «неарийских» этнических групп, и в первую очередь от евреев. Евреи вытеснялись с ключевых позиций, которые они занимали в ряде отраслей экономики, культуры и общественной жизни страны, их собственность экспроприировалась в пользу «третьего рейха». Это не помешало, однако, представителям Еврейского агентства в Иерусалиме вскоре после прихода нацистов к власти установить с ними контакт, а в августе 1933 г. заключить в Берлине соглашение, известное в литературе как «соглашение Хаавара», о переводе капиталов немецких евреев в Палестину. По этому соглашению всем евреям, пожелавшим выехать из Германии в Палестину и внесшим 1 тыс. фунтов стерлингов в один из немецких правительственных банков, выдавалось специальное иммиграционное свидетельство — «сертификат» на право перевода любой суммы из своих капиталов в Палестину. Соглашением предусматривалось, что на средства, переведенные в Палестину, иммигранты смогут покупать исключительно товары германского экспорта [68].

«Хаавара» не была чисто экономической сделкой или только средством «спасения капиталов немецких евреев», как это утверждали сионистские деятели, оправдывая заключение соглашения с режимом, который открыто провозгласил антисемитизм в качестве своей официальной политики. Не менее важное значение имела и политическая сторона соглашения, которая по планам сионистских деятелей из Еврейского агентства в Иерусалиме и ВСО заключалась в вовлечении немецких евреев в процесс еврейской колонизации Палестины. Сторонники соглашения «Хаавара» в руководстве ВСО рассматривали «трансфертную сделку» с нацистским правительством Германии прежде всего как тактический шаг, направленный на то, чтобы поколебать недоверие немецких евреев к идее переселения в Палестину и подтолкнуть их к эмиграции в эту страну [69]. Кроме того, сионистские деятели из числа сторонников прогерманской ориентации рассчитывали, что «трансфертная сделка» и распространение антисемитизма в Германии повлияют на эмиграцию в Палестину евреев не только из Германии, но и из сопредельных с ней стран Центральной и Восточной Европы — Чехословакии, Австрии, Польши. И эти расчеты сионистов в значительной мере оправдались. Пятая «алия» (1933—1939) по числу евреев, прибывших в Палестину, более чем в два раза превысила две предыдущие. Хотя евреи-переселенцы из самой Германии составляли лишь около трети всех иммигрантов пятой «алии» (большинство их были выходцами из Польши и других восточноевропейских стран), немецкие евреи превосходили их с точки зрения «качественного состава». Среди иммигрантов из Германии значительную часть составляли предприниматели, торговцы, чиновники, лица свободных профессий, располагавшие собственным капиталом и имевшие опыт капиталистического предпринимательства. Наряду с ними среди переселенцев из Германии было немало молодых людей, прошедших специальную подготовку в сионистских молодежных организациях. Как впоследствии отмечалось в официальных израильских публикациях, «евреи из Германии и Австрии сделали (в 1933—1939 гг.) важный вклад в прогресс „ишува". Они составили первую крупную партию иммигрантов из стран Западной и Центральной Европы, их профессионализм и опыт привели к подъему деловой активности...» [70].

Указывая на этот «вклад», американский автор Жанетт Абу-Лугд отмечала, что «если бы политика Германии в начале 30-х годов пошла по иному пути, то, возможно, в 40-х годах не было бы ни „палестинской проблемы", ни арабо-израильского конфликта» [71].

Используя резкое обострение политической обстановки в Европе в 30-х годах, связанное с утверждением в Германии фашистского режима, руководству ВСО и Еврейского агентства удалось получить немалые политические дивиденды: в частности, склонить на свою сторону слои еврейского населения, которые прежде игнорировали сионизм, обеспечить значительный приток денежных средств и иммигрантов в Палестину и, наконец, использовать ненависть к фашизму со стороны широких

масс евреев для установления своего влияния в еврейских общинах в Европе и Америке.

Однако, несмотря на характерную для лидеров сионизма тактику маневрирования между империалистическими державами, которой они придерживались в 30-е годы, они не меняли общей ориентации на Англию, остававшуюся в те годы их главной союзницей. В течение всего периода между первой и второй мировыми войнами колонизаторская деятельность сионистских организаций в Палестине проходила под покровительством английского правительства и английских мандатных властей. Сионистская колонизация Палестины в период английского мандата имела свои особенности, которые яснее всего выражали три основных лозунга, характеризовавшие, по словам израильских коммунистов, всю сионистскую политику тех лет: «захват земли», «захват труда» (предоставление рабочих мест в первую очередь евреям), «за продукцию страны» (сосредоточение всего сельскохозяйственного и промышленного производства в руках еврейской общины) [72].

Практическая деятельность сионистских организаций (ВСО, Еврейского агентства, Гистадрута), проходившая под этими лозунгами, неизбежно вела к углублению антагонизма между еврейской общиной и арабским населением Палестины, к выгоде третьей стороны — британского империализма. Еврейские иммигранты, прибывавшие в Палестину и подвергшиеся там сионистской обработке, вливались в замкнутую общину, изолированную от коренного арабского населения. По мере ее численного роста она постепенно превращалась в «новое общество», закладывавшее «основы чисто еврейского государства», создания которого добивались лидеры сионизма. Наиболее характерной чертой этого «нового общества» в Палестине было, по выражению французского ученого-востоковеда М. Родинсона, «расистское состояние умов». М. Родинсон писал, что стремление создать «чисто еврейское государство, в котором господствовали бы евреи, в арабской Палестине в XX в. не могло не привести к ситуации колониального типа с развитием (с социологической точки зрения совершенно естественного) расистского состояния умов и в конечном счете к военному столкновению двух этний» [73].

Политика поощрения сионистской колонизации Палестины, проводившаяся английскими мандатными властями, вызвала деформацию всей социально-экономической структуры страны, фактический раскол ее экономики на два изолированных сектора: еврейский — капиталистический и арабский — с преобладанием феодальных и полуфеодальных отношений.

По мере расширения масштабов сионистской колонизации Палестины в 1920—1939 гг. отношения между евреями и арабами принимали все более напряженный характер. Среди арабского населения то и дело происходили стихийные вспышки возмущения действиями сионистов и поддерживавших их английских мандатных властей, забастовки протеста и выступления с требованиями положить конец колонизации арабских земель. Арабское национальное движение набирало силу, постепенно приобретая антиимпериалистическую направленность. В 1920—1939 гг. в Палестине произошло пять крупных восстаний палестинских арабов — в 1920, 1921, 1929, 1933 и 1936—1939 гг. Если в первое десятилетие мандатного режима выступления палестинских арабов против еврейской колонизации носили чаще всего стихийный характер и нередко выливались в межнациональные столкновения, то с начала 30-х годов доминирующей чертой арабского национального движения стал протест широких народных масс против политики британского империализма и требование предоставления Палестине независимости [74].

Особенности национально-освободительного движения в Палестине наиболее ярко проявились во время самого крупного восстания палестинцев против мандатного режима в 1936—1939 гг. Одной из основных причин восстания был рост еврейской иммиграции, страх арабских крестьян быть изгнанными с их земли.

25 апреля 1936 г. арабские национальные партии, возникшие в начале 30-х годов,— Истикляль («Независимость»), Хизб ад-Дифаа (Партия обороны), Хизб аль-Араби (Арабская партия), Партия реформ и Партия национального блока (1935) — объединились вокруг Верховного арабского комитета (позже он стал называться Высшим арабским комитетом) во главе с муфтием Иерусалима и председателем Верховного мусульманского совета Палестины Хадж Амином аль-Хусейни. Комитет призвал все арабское население Палестины к всеобщей забастовке в поддержку требования об образовании национального правительства. Забастовка охватила практически все слои арабского населения. В ней участвовали рабочие, феллахи, ремесленники, торговцы, учащиеся, представители интеллигенции и национальной буржуазии, профсоюзные, женские, молодежные, спортивные организации. Остановилась работа на предприятиях транспорта и связи, закрылись арабские рынки, магазины, фабрики, население прекратило уплату налогов. Нация бастовала. Как христиане, так и мусульмане поднялись, чтобы сказать «нет» британскому правлению в Палестине. Единым для всех бастующих стал лозунг «Независимость для Палестины». «Может быть, впервые в этот период,— отмечали Р. Джон и С. Хадави,— выковалось единство всего нееврейского населения Палестины, мусульман и христиан, умеренных и экстремистов, которых объединила общая решимость продолжать всеобщую забастовку до тех пор, пока английское правительство не изменит свою политику, начав с прекращения еврейской иммиграции». Арабы прямо требовали также создания национального правительства, ответственного перед представительным советом [75].

Всеобщая забастовка арабского народа Палестины, продолжавшаяся шесть месяцев — до октября 1936 г.— была самой длительной в истории Палестины и всего Арабского Востока.

Однако примечательной ее чертой, как и всего палестинского восстания, были не только ее продолжительность и размах, но и активные формы борьбы: участники забастовки оказывали упорное сопротивление английским войскам и полиции, минировали и перегораживали дороги, пускали под откос транспорт с английскими военными подкреплениями и техникой, формировали вооруженные отряды партизан, которые вступали в бой с английскими войсками и полицией. На некоторое время партизанским отрядам палестинцев даже удалось вытеснить английские оккупационные войска из многих районов страны — Галилеи, Хеврона, Вифлеема, Бейт-Джалы. В докладе английского Верховного комиссара, направленном в Лондон в конце июня 1936 г., констатировалось, что Палестина «находится в стадии зарождения революции... За пределами основных городов, дорог и железнодорожных путей существует лишь слабый контроль» [76].

Против восставших палестинцев английские власти бросили свыше 20 тыс. солдат и офицеров. Королевский военно-воздушный флот обстреливал арабские города и деревни. Карателя арестовывали и казнили арабских патриотов, сжигали арабские деревни, подвергали «коллективным наказаниям» палестинские общины (если раздавался выстрел — страдала вся деревня). В боях против палестинских повстанцев активное участие принимали вооруженные отряды сионистов, подготовленных и вооруженных мандатными властями. Для нападения на арабские деревни и операций против партизан англичане формировали из сионистских поселенцев специальные «ночные эскадроны». Кроме того, 2800 евреев получили должности унтер-офицеров (констеблей) в английской полиции. Эта «сверхштатная» полиция стала легальной «верхушкой» широкой нелегальной военной организации Хагана, к которой уже принадлежало большинство мужской части еврейского населения Палестины. Эти же констебли получили разрешение заниматься военной подготовкой жителей еврейских поселений» [77].

Курс английского правительства на подавление палестинского восстания военной силой и привлечение сионистов к карательным операциям против повстанцев не поколебал решимости арабов продолжать борьбу за независимость Палестины. Этому в большой степени способствовала солидарность и поддержка их требований народами арабских и мусульманских стран. В Дамаске, Багдаде, Бейруте, Аммане, Каире, возникали комитеты защиты Палестины, группы арабских добровольцев из Сирии, Ирака и других арабских стран нелегальными путями направлялись в Палестину, чтобы присоединиться к партизанским отрядам палестинцев. Мусульмане Индии, Бирмы, Цейлона объявили пятницу 16 мая «Днем Палестины», в этот день они молились за нее в мечетях. В Бомбее, например, в одной из таких молитв участвовало 100 тыс. человек [78].

Как отмечала Лейла С. Кади, палестинское восстание 1936 г. дало новый импульс разраставшемуся в Сирии и других соседних с Палестиной арабских странах народному движению за национальное освобождение и арабское единство. Но, по ее мнению, это восстание консолидировало в арабском мире и консервативные тенденции, выразителями которых тогда выступали представители феодально-родовой знати, тесно связанные с Великобританией. Одним из конкретных проявлений таких тенденций явилось совместное обращение четырех арабских монархов: королей Ирака, Саудовской Аравии, эмира Трансиордании и имама Йемена к Высшему арабскому комитету 8 октября 1936 г. с настоятельным призывом прекратить всеобщую забастовку и восстание, полагаясь на «добрые намерения нашего друга (!) Великобритании». Обращение заканчивалось обещанием арабских монархов продолжать оказывать помощь палестинцам в достижении их чаяний [79]. Уступая нажиму арабских монархов, а также давлению внутренних правых сил, в основном крупных земельных собственников, Высший арабский комитет 11 октября 1936 г. призвал народные массы прекратить борьбу. 12 октября всеобщая забастовка прекратилась и повсюду возобновилась работа.

Однако вскоре после опубликования в июле 1937 г. доклада комиссии Пила *, рекомендовавшего разделить Палестину на два государства — арабское и еврейское,— восстание вспыхнуло с новой силой, охватив к концу 1937 г. всю страну. Партизанские силы заняли ряд городов и осадили Иерусалим. «Ситуация в стране такова, что гражданская администрация и контроль практически отсутствуют»,— говорилось в донесении английских властей в сентябре 1938 г., когда восстание достигло своей кульминации [80].

Во время второй фазы палестинского восстания (с июля 1937 по март 1939 г.) арабские и мусульманские страны оказались в еще большей степени вовлечены в события в Палестине. Наиболее ярко это проявилось в широком движении протеста против английского проекта раздела Палестины. Массовые демонстрации протеста против этого проекта прошли в Сирии, Ливане, Ираке, Трансиордании. Правительство Ирака под влиянием народных выступлений официально объявило о своем несогласии с проектом, несмотря на союзные отношения с Великобританией.

Для народных масс арабских стран Палестина стала новым полем битвы против империализма и сионистов, в лице которых они видели не просто переселенцев из европейских стран, а колониальных захватчиков, посягавших на их земли и саму жизнь. Палестинское восстание 1936—1939 гг. во многом способствовало укреплению у народов арабских стран чувства национальной общности, их стремления вести совместную с палестинцами

* Комиссия во главе с лордом Пилом, учрежденная английским правительством и направленная в Палестину в 1936 г. для обследования положения дел на месте.

борьбу за сохранение «арабской Палестины» как неотъемлемой части «арабской родины» и святыни ислама, за объединение арабских стран. В поселке Блудане на границе Сирии и Ливана состоялись две общеарабские конференции, в которых участвовали делегации Египта, Ирака, Сирии, Ливана, Трансиордании и Палестины. Обе эти конференции проходили под знаком осуждения плана раздела Палестины, предложенного комиссией Пила, и необходимости защиты Палестины от сионистской экспансии [81]. Взаимосвязь между палестинской проблемой и движением за арабское единство, проявившаяся в конце 30-х годов, в середине 50-х годов стала основой для возникновения концепции освобождения Палестины через достижение арабского единства.

Другим важным моментом в реакции арабского мира на события в Палестине (на второй фазе восстания 1936—1939 гг.) был разрыв между активными формами поддержки палестинских повстанцев со стороны широких масс в арабских странах (стихийные демонстрации протеста, присоединение добровольцев из соседних арабских стран к отрядам палестинских партизан) и официальной политикой монархических режимов. Правители Ирака, Трансиордании, Саудовской Аравии, Йемена, Египта, формально обладавших статусом независимых государств, выступали за компромиссное решение палестинской проблемы на основе прекращения сионистской колонизации и предоставления этой стране независимости в рамках английского мандата.

Их позиция в отношении будущего Палестины в период мандата была двойственной и противоречивой. С одной стороны, под давлением народного движения и в силу объективных противоречий с колониальной политикой Англии они выступали за отмену мандата, за прекращение еврейской иммиграции и предоставление Палестине независимости, с другой стороны, искали соглашения с правящими кругами Англии, а позднее и Соединенных Штатов. Это были приверженцы идей правого, феодально-монархического национализма, соединявшего в себе борьбу против колониализма под знаменем джихада (священной войны всех мусульман против «неверных») с возможностью заключения с ним сделки ради сохранения своей власти. Такая позиция определялась самой социальной природой и классовыми интересами правящей элиты арабских стран, в которую входили представители родо-племенной верхушки феодально-родовой знати, городской аристократии, крупных торговцев. Политический курс этого руководства складывался под воздействием роли, которую оно играло в прошлом как посредник между народными массами и османской администрацией (а в мандатный период — английскими мандатными властями). Правящая верхушка палестинского арабского общества также состояла из выходцев из богатых и влиятельных феодальных родов: Хусейни, Нашашиби, Халиди, Алами, Хатиби, Хади, контролировавших со времен османского владычества общественно-политическую жизнь в этом районе, а затем и деятельность возникших в период мандата буржуазно-помещичьих партий *.

Анализируя причины доминирующего положения феодальных родов в руководстве палестинского национального движения в 30-е годы, палестинские коммунисты отмечают, что это «стало возможным в силу деформации структуры, которой подверглась арабская экономика под воздействием сионистской колонизации; арабская промышленная буржуазия оставалась практически в зародышевом состоянии и в стороне от руководства национальным движением» [82].

Уступая нажиму короля Ирака Гази и короля Саудовской Аравии Ибн Сауда, Высший арабский комитет пересмотрел принятое ранее решение бойкотировать прибывшую из Лондона Королевскую комиссию Пила. В самом комитете обострились разногласия между фракцией Хусейни, выступавшей за продолжение восстания, и фракцией Нашашиби, связанной с эмиром Трансиордании Абдаллахом и готовой пойти на сделку с англичанами. Эти разногласия привели к выходу из ВАК Партии обороны, контролировавшейся кланом Нашашиби. Воспользовавшись раскольнической позицией этой партии и разногласиями в главном координационном центре восстания — Высшем арабском комитете, английские власти объявили его и все местные национальные комитеты незаконными организациями, пятеро наиболее видных лидеров восстания были арестованы и сосланы на Сейшельские острова, а остальные бежали из страны. Амин аль-Хусейни был смещен с должностей председателя Мусульманского верховного совета и председателя Главного комитета вакфов (религиозных фондов, собиравших в год до 60 тыс. палестинских фунтов). Амин аль-Хусейни избежал ареста, укрывшись на территории мечети Омара, святость которой английские войска не решились нарушить, опасаясь вызвать возмущение мусульман. Через некоторое время Амину аль-Хусейни удалось покинуть Палестину и укрыться на первое время в местечке Джуния в Ливане.

Наряду с репрессиями против руководителей восстания английские войска предприняли против наиболее крупных отрядов палестинских партизан карательные операции, в которых участвовала треть английской армии, в том числе королевские военно-воздушные силы. Превосходство английских войск в вооружении, а также слабая координация действий между отрядами повстанцев позволили англичанам нанести ряд тяжелых ударов по вооруженным формированиям палестинских партизан и к на-

* Из всех этих партий только партия «Истикляль», выражавшая интересы весьма слабой национальной буржуазии и состоявшая в основном из молодых националистов из среды арабской интеллигенции и чиновничества, занимала более или менее независимую позицию. Однако ее влияние было недостаточным для того, чтобы открыто противостоять власти феодальных кланов.

чалу 1939 г. окончательно захватить инициативу. Большой потерей для палестинцев была гибель в бою с англичанами в марте 1939 г. Абдель Рахима аль-Хадж Мухаммеда — выдающегося военного руководителя повстанцев. «Именно Абдель Рахим аль-Хадж Мухаммед больше всех старался сплотить арабов и призывал их к совместным действиям против английского империализма и сионистского колониализма...» [83].

Примиренчество по отношению к империализму, бывшее всегда характерной чертой политики монархических режимов арабских стран в палестинском вопросе, не только подрывало единство действий национально-патриотических сил в Палестине и арабских странах, но и создавало английскому правительству благоприятные условия для всякого рода политических маневров. Одним из таких маневров было опубликованное 17 мая 1939 г. заявление о политике в Палестине, известное как «Белая книга Макдональда». В ней провозглашалось, что целью английской политики в Палестине является самоуправление и создание через десять лет независимого палестинского государства. В «Белой книге» содержались также обещания ограничить еврейскую иммиграцию в Палестину в пределах 75 тыс. человек в последующие пять лет и несколько уменьшить количество земли, скупаемой сионистскими фондами [84].

Туманные обещания Англии через десять лет предоставить независимость Палестине, изложенные в «Белой книге Макдональда», породили колебания среди части арабских национально-патриотических сил. Американский исследователь Джеймс Зогби писал по этому поводу, что «...не только сила (английской армии.— *В. К.*) положила конец палестинскому восстанию... если говорить прямо, то это были английское лицемерие и близорукость проанглийски настроенных арабских королей Иордании, Ирака, Саудовской Аравии... эти обещания сбили с толку и внесли разлад в палестинское национальное движение» [85].

Сила и размах восстания 1936—1939 гг. пошатнули английский колониальный режим, вынудив Англию после двух десятилетий мандатного управления признать наконец неотъемлемые права палестинцев и обещать предоставить им, хотя и на словах, независимость. Резонанс, который получило это восстание в арабском и мусульманском мире, показал, что проблема Палестины становилась важным фактором крепнувшего освободительного движения на Арабском Востоке, постепенно выходившего из-под контроля преданных британским колонизаторам монархов и феодальных правителей.

Кроме чисто внутренних факторов, связанных с развитием событий в Палестине, пересмотр политики английского правительства, несомненно, вызвали изменения обстановки в мире в конце 30-х годов, в первую очередь нарастание военной опасности. Правящие круги Великобритании сознавали неизбежность столкновения с гитлеровской Германией. В Лондоне, несомненно, были осведомлены о разработанных в Берлине и Риме планах вторжения на Ближний Восток, в которых важное место занимало использование «палестинского плацдарма» для захвата всего региона. Один из вариантов плана предусматривал, что германские войска должны были вступить в Сирию с территории Турции и именно в Палестине встретиться с итало-германскими войсками, наступающими из Ливии через Египет.

Стремясь обеспечить успех своих замыслов, нацистские средства массовой информации развернули массированную антианглийскую кампанию, призывая арабов Палестины к восстанию против сионистских поселенцев и их английских покровителей [86]. В то же время в среде арабских националистов, сознававших свою неспособность самостоятельно противостоять политике Великобритании и сионистской экспансии, возникла идея искать поддержки у стран «оси» [87]. В Палестине эту идею разделяла группа националистов из окружения муфтия Амина аль-Хусейни. Сам же муфтий во время второй мировой войны перебрался из Ливана вначале в Багдад, а затем в октябре 1941 г. в Берлин. После переезда под покровительство нацистских властей он постепенно превратился из арабского, палестинского националиста, по существу, в прислужника фашистской Германии. В этих условиях английские обещания предоставить независимость Палестине могли бы, по расчетам Лондона, воспрепятствовать попыткам части арабских националистов обратиться за помощью к нацистской Германии и фашистской Италии.

Таким образом, уже в преддверии второй мировой войны политическая борьба вокруг палестинской проблемы начала выходить за рамки собственно Палестины. Кроме палестинских арабов, добивавшихся прекращения сионистской колонизации и предоставления независимости Палестине, в эту борьбу были вовлечены соседние страны Арабского Востока, сионистское движение и главные противоборствующие империалистические державы Запада.

Кризис британского мандата и резолюция ООН по палестинской проблеме № 181 (II) от 29 ноября 1947 г.

Сопротивление палестинского народа английскому мандатному режиму, кульминацией которого было восстание 1936—1939 гг., показало всю бесперспективность английской «политики двойных обязательств». Английской колониальной администрации в Палестине удавалось в течение определенного времени контролировать положение в стране, разжигая с помощью сионистов национальную арабо-еврейскую рознь. Однако никакие репрессии и карательные меры английских властей не могли сдержать подъема национально-освободительной борьбы арабского народа Палестины, с новой силой развернувшейся после окончания второй мировой войны под лозунгами ликвидации

британского мандата и предоставления Палестине независимости.

На весь ход этой борьбы огромное воздействие оказало коренное изменение в соотношении сил на мировой арене в результате разгрома гитлеризма и японского милитаризма во второй мировой войне. Возросшая экономическая мощь и политический авторитет Советского Союза, сыгравшего решающую роль в разгроме фашизма и японского милитаризма, выход социализма за рамки одной страны и образование мировой системы социализма, распад колониальной системы империализма и общее ослабление его позиций в мировом масштабе — все это способствовало глубоким переменам в мировой политике, экономике, в сознании миллионов людей. Эти перемены затронули и арабские страны, народы которых постепенно включались в активную политическую жизнь, в борьбу за свои попранные права, за национальную независимость. Эта новая тенденция в политической эволюции арабского мира нашла полное понимание и поддержку у Советского Союза. Еще в ходе второй мировой войны в Заявлении Советского правительства от 3 июля 1941 г. подчеркивалось, что для СССР цель войны состоит не только в ликвидации нависшей над ним опасности, но и в освобождении народов, порабощенных гитлеровскими оккупантами, в создании широкого фронта борьбы за демократию и свободу во всем мире [88].

24 сентября 1941 г. Советское правительство выступило с декларацией, в которой говорилось, что «Советский Союз осуществлял и осуществляет в своей внешней политике высокие принципы уважения суверенных прав народов. Советский Союз в своей внешней политике руководствуется принципом самоопределения наций... Советский Союз отстаивает право каждого народа на государственную независимость и территориальную неприкосновенность своей страны, право устанавливать такой общественный строй и избирать такую форму правления, какие он считает целесообразными и необходимыми в целях обеспечения экономического и культурного процветания своей страны» [89].

Советский Союз последовательно защищал интересы независимости всех порабощенных империализмом стран на конференции в Сан-Франциско в 1945 г., когда был принят Устав Организации Объединенных Наций и обсуждался вопрос послевоенного устройства мира и будущих отношений между различными странами и народами. Исходя из провозглашенных им высоких принципов, Советский Союз установил в 1943 г. дипломатические отношения с Египтом, а в июле 1944 г. с Сирией и Ливаном. СССР сыграл решающую роль при рассмотрении в ООН вопроса о приеме Сирии и Ливана в ООН, вопреки противодействию Великобритании, Франции и США. Советский Союз решительно поддержал в Совете Безопасности требования Сирии и Ливана о выводе с их территорий английских и французских войск (1946 г.) и требование Египта о прекращении английской оккупации долины Нила (1947 г.).

Все эти выступления Советского Союза в защиту свободы и независимости арабских народов и установление дипломатических отношений с рядом арабских стран ознаменовали собой появление принципиально нового фактора в развитии международных отношений в арабском регионе. В конце второй мировой войны, когда большинство арабских стран еще оставалось под иностранной оккупацией, моральная и дипломатическая поддержка Советским Союзом национальных требований той или иной арабской страны оказывала большое революционизирующее воздействие на весь арабский мир.

Пример Египта, Сирии и Ливана, которые первыми из арабских стран добились принятия в Организацию Объединенных Наций и вышли на широкую арену международной политики, оказывал влияние и на положение в остальных странах Арабского Востока, в том числе и в Палестине. Так же как и в Египте, Сирии и Ливане, подъем национального движения в Палестине в конце второй мировой войны и в первые послевоенные годы отличался заметным ростом политической активности широких народных масс, а также появлением новых демократических организаций. В годы войны в Иерусалиме возникла Лига арабских студентов, призывавшая к борьбе с фашизмом и национальному освобождению Палестины. Осенью 1943 г. в Палестине под руководством коммунистов была создана Лига национального освобождения, ставшая авангардом всех арабских трудящихся и демократической интеллигенции страны. «Создание Лиги именно в тот период, когда Советский Союз одерживал блестящие победы в борьбе против фашизма,— говорилось в одном из документов Палестинской коммунистической партии,— было прямым отражением целого ряда социальных и экономических перемен, происшедших за годы второй мировой войны в структуре арабского общества Палестины, приведших к увеличению численности рабочего класса и повышению его роли в общественно-политической жизни страны» [90].

Лига выдвинула программу демократического решения палестинской проблемы, которая предусматривала упразднение мандата, вывод английских войск и создание демократического государства, гарантирующего права всех его граждан, как арабов, так и евреев. Однако эта программа встретила резкое противодействие империалистических и сионистских кругов, а также феодально-буржуазного руководства арабским палестинским национальным движением; последнее утверждало, что сосуществование с евреями в условиях независимого демократического режима невозможно, и требовало создания арабского государства, а также возвращения всех евреев, переселившихся в Палестину после первой мировой войны, в те страны, откуда они прибыли [91].

Представители демократических сил Палестины подчеркивали, что главным препятствием на пути национального освобождения Палестины и образования независимого и демократиче-

ского государства, в котором бы равным образом уважались права всех его граждан, была политика британского империализма, несмотря на общее ослабление своих позиций в мире, стремившегося любой ценой сохранить свои господствующие позиции на Арабском Востоке. Но в Палестине, в отличие от остальных стран Арабского Востока, на пути к национальному освобождению было еще одно дополнительное препятствие — сионистский колониализм, в развитии которого вторая мировая война стала поворотным моментом. «Первая мировая война позволила евреям-сионистам вырвать у союзников обещание дать им „землю обетованную“ и получить к ней ключ, чтобы войти туда на правах привилегированного народа. Теперь вторая мировая война должна была представить для них удобный случай для создания своего государства, что всегда было мечтой сионистов. История свидетельствует, что сионисты подготовились к тому, чтобы не упустить этот случай.

Двусмысленность декларации Бальфура и палестинского мандата хорошо служила этой цели. Теперь, когда в „Белой книге“ 1939 г. было указано, что „правам и положению других групп населения не должен быть нанесен ущерб“, мандат не только перестал служить целям сионизма, но и грозил помешать одной из его главных задач — созданию еврейского большинства в Палестине путем иммиграции. Встала проблема: какие необходимы условия для того, чтобы покончить с властью англичан в Палестине, а силу сионизма использовать на цели земельных приобретений» [92].

По мнению многих исследователей, в том числе Р. Джона и С. Хадави, из монографии которых взят приведенный выше отрывок, руководители ВСО и Еврейского агентства видели эти условия в форсировании еврейской иммиграции для создания еврейского большинства в Палестине. В конце 1946 г. численность еврейского населения Палестины достигла 608 тыс. человек, составив почти треть всего населения Палестины (1850 тыс.). Бóльшая часть прироста еврейского населения приходилась на легальную (440 тыс. человек) и нелегальную (65 тыс. человек) иммиграцию, в совокупности составившую к этому времени 505 тыс. человек. Количество земли, перешедшей в руки еврейских иммигрантов, увеличилось с 650 тыс. дунамов в 1922 г. до 1625 тыс. дунамов к концу 1946 г. [93].

Готовясь к решающему этапу борьбы за Палестину, сионисты придавали первостепенное значение созданию собственных крупных вооруженных формирований, находившихся на полулегальном положении. Согласно докладу англо-американского комитета по расследованию [94], в конце 1946 г. они имели следующую структуру.

Основой вооруженных формирований еврейского ишува являлась «Хагана», управлявшаяся из одного центра и состоявшая из трех территориальных соединений, а именно:

— стационарно дислоцированные силы, состоявшие из поселенцев и городских жителей, численность которых оценивалась в 40 тыс. человек;

— полевая армия, костяк которой составляла полиция еврейских поселений, обученная ведению мобильных операций, численностью 16 тыс. человек;

— кадровая армия (Палмах), полностью отмобилизованная и обеспеченная транспортом, численностью в 2 тыс. человек в мирное время и 6 тыс. человек в военное [95].

Кроме Хаганы существовали еще две вооруженные организации: Иргун цвей леуми, сформированная в 1935 г. отколовшимися членами Хаганы, и группа Штерн, отделившаяся от Иргуна в начале второй мировой войны. Эта организация, руководившаяся особым засекреченным командованием, совершала в основном диверсионные и террористические акции против английских властей [96].

Еврейское агентство и Всемирная сионистская организация использовали эти вооруженные формирования для оказания давления на английскую администрацию с тем, чтобы заставить ее снять в еврейской иммиграции в Палестину ограничения, введенные в соответствии с «Белой книгой» 1939 г. В конце второй мировой войны и в первые годы после ее окончания этими вооруженными формированиями, и в первую очередь Иргун цвей леуми и Штерн, были проведены серии террористических актов против арабских политических деятелей и ответственных чиновников английской колониальной администрации в Палестине и на Ближнем Востоке (например, убийство 6 ноября 1944 г. в Каире лорда Мойна, английского министра, ответственного за координацию политических акций Англии на Ближнем и Среднем Востоке, взрыв в отеле «Царь Давид» 2 июля 1946 г., где помещался генеральный секретариат Верховного комиссара Великобритании в Палестине, и т. д.) [97]. В 1946—1947 гг. 2 тыс. человек из Палмаха, тысяча активистов Иргуна и 2 сотни фанатиков из Штерна развязали в Палестине настоящую войну. Это была война не столько против колониальных порядков, сколько за возможность самостоятельного колониального освоения чужой земли, за осуществление целенаправленной программы, утвержденной на чрезвычайной конференции сионистских организаций Америки, Европы и Палестины в отеле «Билтмор» в Нью-Йорке в мае 1942 г. и предусматривавшей создание в Палестине еврейского государства как «интегрированной части» нового демократического (т. е. западного) мира, аннулирование «Белой книги», неограниченную еврейскую иммиграцию и расселение евреев в Палестине, сформирование еврейской армии под собственным флагом [98].

Если непосредственно в Палестине руководители ВСО и Еврейского агентства делали основной упор на использование вооруженных террористических групп и организаций, то на международной арене, прежде всего в Европе и в Америке, их главные усилия были направлены на интенсивную обработку широ-

ких кругов общественности в духе поддержки сионистской программы. Это направление деятельности сионистских организаций сравнительно мало освещено в литературе, между тем оно оказало немалое влияние на исход политической борьбы вокруг палестинского вопроса как в самой Палестине, так и на международной арене, особенно в преддверии его обсуждения в Организации Объединенных Наций.

Для привлечения на свою сторону государственных деятелей и общественного мнения западных государств ВСО, Еврейское агентство, Всемирный еврейский конгресс и другие сионистские центры прибегали к различного рода обещаниям. В частности, они обещали западным державам предоставить в их распоряжение на территории будущего еврейского государства военные базы, направленные против СССР и других социалистических стран. Один из лидеров международного сионизма, председатель Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдман, заявил, например, 24 октября 1946 г., что сионисты готовы предоставить Англии полное право на создание военно-морских и военно-воздушных баз в Палестине, если она согласится на создание еврейского государства на 65% палестинской территории. Создание баз было предложено также и Соединенным Штатам Америки [99].

С аналогичным заявлением о готовности будущего еврейского государства служить США и Англии плацдармом в их борьбе против СССР выступил и глава исполкома Еврейского агентства — Бен-Гурион во время беседы с членами англо-американской комиссии по расследованию положения в Палестине в 1946 г. [100].

Нельзя не заметить, что столь кощунственные предложения сионистских лидеров делались всего год спустя после окончания второй мировой войны, в исходе которой решающая роль принадлежала Советскому Союзу, спасшему десятки и сотни тысяч евреев от истребления [101].

Особенно активную деятельность в пользу расширения еврейской иммиграции в Палестину и создания там еврейского государства развернули сионистские и еврейские организации Соединенных Штатов. Руководители и функционеры этих организаций оказывали давление на сенаторов и конгрессменов, правительственные органы и общественные круги, стараясь склонить их к поддержке билтморской программы. «В Соединенных Штатах, как и в Англии,— отмечают Р. Джон и С. Хадави,— сионисты шаг за шагом упорно завоевывали поддержку церковных групп, журналистов, служащих правительственных учреждений, постепенно реализуя свою программу „инъекции сионистского политического национализма в каждую щель на американской сцене". Эти хитроумные действия сионистов,— замечают авторы,— в сочетании с тем обстоятельством, что благонамеренные христиане среди американцев, как правило, не знали, в чем состоит истинная сущность сионизма, привели к тому, что сионизм добился поддержки значительной части нееврейского населения США» [102].

Если лидеры ВСО и Еврейского агентства рассматривали поддержку Соединенными Штатами их требований создания еврейского государства в Палестине как одно из решающих условий успеха своего колониального предприятия, то готовность американской администрации пойти навстречу сионистским требованиям определялась прежде всего ее политикой после второй мировой войны. Утвердив свое положение в качестве ведущей капиталистической державы, Соединенные Штаты взяли курс на установление американской гегемонии во всем мире, в том числе и на Ближнем и Среднем Востоке. Усиленно создавая представление об исключительной значимости этого региона для Запада, в особенности в снабжении энергетическим сырьем (нефтью), они разработали собственную долговременную политическую стратегию на Ближнем Востоке. Сущность ее сводилась к достижению следующих основных целей: предотвратить рост влияния Советского Союза на Ближнем и Среднем Востоке и недопустить установление нормальных межгосударственных отношений между СССР и ближневосточными странами, оттеснить западноевропейских конкурентов (главным образом Англию и Францию), обеспечить стабильность и процветание так называемой Pax Americana — мировой американской империи.

Таким образом, объективное переплетение интересов сионистского руководства ишува в Палестине и американского империализма предопределило еще в конце второй мировой войны возникновение нового американо-сионистского альянса взамен англо-сионистского союза в прошлом. К 1946 г. произошла начавшаяся еще в годы второй мировой войны окончательная переориентация Всемирной сионистской организации на союз с Соединенными Штатами. США взяли теперь на себя роль главного покровителя сионизма. Уже в августе 1945 г. новый президент США Трумэн потребовал от британского правительства допустить в Палестину 100 тыс. евреев из Европы. В следующем, 1946 г. США настояли на отправке в Палестину совместной англо-американской комиссии для обследования положения на месте, что фактически было началом прямого вмешательства США в решение палестинского вопроса.

Открыто провозглашенный в «билтморской» программе сионистов курс на превращение Палестины в еврейское государство и на неограниченную еврейскую иммиграцию в эту страну, а также практические действия ВСО и Еврейского агентства по претворению этого курса в жизнь побудили арабские страны к более активному противодействию сионистской экспансии. Важная роль в разработке общеарабской политики в отношении Палестины принадлежала Лиге арабских государств (ЛАГ), образованной 22 марта 1945 г. [103]. Еще в ходе подготовки к образованию ЛАГ в октябре 1944 г. правительства арабских стран приняли резолюцию по Палестине — «Александрийский прото-

кол». Она гласила, «что Палестина является важной частью арабского мира и что права арабов в Палестине не могут быть задеты без ущерба для мира и стабильности в арабском мире. Не может быть худшей несправедливости и агрессии, чем разрешение проблемы европейских евреев путем совершения другой несправедливости — в отношении палестинских арабов различных религий и исповеданий» [104].

В специальном приложении к Уставу Лиги арабских государств, подписанному в Каире 22 марта 1945 г., говорилось, что «существование Палестины и ее государственная независимость с правовой точки зрения — факт такой же бесспорный, как и независимость других арабских стран... хотя внешние признаки этой независимости в силу сложившихся обстоятельств еще отсутствуют, это не должно препятствовать ее (Палестины) участию в работе Совета Лиги» [105].

Отдельные руководители арабских стран — членов Лиги арабских государств, ссылаясь на резолюцию Лиги по палестинской проблеме, пытались предостеречь западные державы от последствий осуществления сионистских планов в Палестине. Примечательным документом в этом отношении является письмо короля Ибн Сауда американскому президенту Рузвельту, опубликованное 18 октября 1945 г., т. е. уже после смерти Рузвельта 12 апреля 1945 г. «С помощью лживой пропаганды, которую ведет сионизм втайне по всему миру,— писал Ибн Сауд,— сионисты маскируют свои враждебные приготовления против арабов, намереваясь создать на глазах у демократических стран свою собственную форму фашизма в арабском мире», отвергающую право арабов жить в своей собственной стране,— «право, гарантированное им в силу тех самых принципов справедливости и гуманности, которые союзники провозгласили в своей Атлантической хартии и повторяли потом много раз...». «Мы прямо заявляем, что помогать сионизму в Палестине — значит ставить под угрозу не только Палестину, но и соседние с ней страны...» [106].

Другим событием, непосредственно повлекшим за собой коллективное вмешательство арабских стран в палестинские дела, было выдвижение после второй мировой войны Соединенных Штатов в качестве активного участника решения проблемы Палестины, начавшееся с создания по их настоянию англо-американской комиссии по расследованию положения в этой стране [107]. В опубликованном по завершении расследования докладе (апрель 1946 г.) требование палестинских арабов предоставить Палестине независимость отклонялось под тем предлогом, что это может привести к гражданской войне между арабами и евреями. Комиссия фактически рекомендовала сохранение режима мандата, который сама держава-мандатарий признала неприемлемым [108].

Реакцией правительств арабских стран на доклад англо-американской комиссии был созыв в Иншасе (Египет) совещания глав арабских стран. В этом первом в истории арабского мира

совещании участвовали: король Египта Фарук, президент Сирии Шукри Куатли, наследный принц Ирака Абдул Иллах, принц Сауд (Саудовская Аравия), принц Сейф уль-Ислам (Йемен). В принятом участниками этого совещания заявлении говорилось, что «палестинская проблема касается не только палестинских арабов, но и всех арабов; арабские страны должны оказывать поддержку Палестине и усилиям ее народа сохранить арабский характер страны; арабские государства не согласны с продолжением еврейской иммиграции, поскольку это противоречит политике, изложенной в „Белой книге“ 1939 года» [109].

Совещание уполномочило Совет ЛАГ разработать практические меры, направленные на защиту Палестины. В соответствии с этой рекомендацией Совет ЛАГ созвал чрезвычайное заседание в Блудане (Сирия) 8 июня 1946 г. на уровне премьер-министров, министров иностранных дел и членов парламентов арабских государств — участников иншасской встречи, глав государств. В резолюции, принятой на этом заседании, говорилось, что арабские государства будут вынуждены принять необходимые меры, в том числе отказаться от предоставления Англии и США каких-либо новых концессий и пересмотреть уже существовавшие соглашения о концессиях, отказаться от участия в международной организации, которая была создана для проведения в жизнь рекомендаций англо-американской комиссии, и рассмотреть возможность передачи палестинского вопроса на рассмотрение Совета Безопасности ООН [110].

Комментируя решения арабского совещания в Блудане, Л. Кади отмечала, что «они были направлены против Великобритании и Соединенных Штатов и их нефтяных компаний, имевших нефтяные концессии в Ираке и Саудовской Аравии. Тем самым арабские правительства начинали сознавать, что нефть могла бы быть использована как политическое оружие» [111]. Однако большинство этих решений осталось на бумаге. ЛАГ ограничилась направлением меморандума правительствам США и Великобритании, в котором отвергались рекомендации доклада совместной англо-американской комиссии и предлагалось начать переговоры о заключении соглашения, которое учитывало бы права арабов [112].

В то время как прогрессивные силы Палестины и арабских стран настаивали на скорейшей ликвидации английского мандатного режима и на создании независимой палестинской республики, правящие феодально-буржуазные круги арабских стран, а также лидеры воссозданного англичанами Высшего арабского комитета Палестины добивались независимости Палестины путем поиска соглашения с западными державами [113].

Сложный узел противоречий, сложившийся в Палестине в результате колониальной политики Великобритании и сионизма, оказалось не так-то просто распутать. Характеризуя ситуацию тех лет, авторы аналитического документа Комитета ООН по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа писа-

ли: «Сионистская организация, чувствуя за своей спиной поддержку в форме массовой иммиграции, как легальной, так и нелегальной, хорошо оснащенных войск и помощи из-за границы, не собиралась идти на компромисс в отношении своей давней цели, к достижению которой она была столь близка,— к созданию еврейского государства в Палестине. Палестинские арабы, поддерживаемые другими арабскими народами, были полны решимости оградить и уберечь свою страну и не допустить усиления в ней господства евреев в результате продолжавшейся иммиграции. Дело зашло в полный тупик, и неизбежность массовых насилий в Палестине стала очевидной» [114].

В конечном счете Великобритания 18 февраля 1947 г. объявила о своем решении отказаться от роли державы-мандатария и передать вопрос о дальнейшей судьбе Палестины на рассмотрение Организации Объединенных Наций. Кризис политики мандатного режима Англии в Палестине стал, таким образом, свершившимся фактом.

Палестинская проблема обсуждалась на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в апреле — мае 1947 г. и на второй сессии Генеральной Ассамблеи в сентябре — ноябре 1947 г., на специальной сессии Генеральной Ассамблеи в сентябре — декабре 1948 г., а также на многочисленных заседаниях Специального комитета ООН по Палестине. Эти обсуждения происходили в условиях, когда Соединенные Штаты и их союзники имели численный перевес в ООН и Совете Безопасности и почти неограниченное влияние на представителей большинства зависимых от них развивающихся стран. Немалое влияние на ход рассмотрения палестинской проблемы в ООН оказывала также общая атмосфера, в которой проходили заседания, характеризовавшаяся прежде всего сочувствием к евреям — жертвам нацизма. При этом сионистские организации и пропаганда со своей стороны всеми средствами пытались расположить мировое общественное мнение и ООН в пользу создания в Палестине еврейского государства.

При рассмотрении палестинского вопроса в ООН выявились два диаметрально противоположных подхода. Коалиция западных держав и сионистов использовала сложившуюся в Палестине напряженную обстановку, ими же самими созданную, для того, чтобы сорвать справедливое демократическое решение палестинской проблемы. США и Англия пытались еще более запутать эту проблему, рассчитывая посредством ООН добиться своих собственных колониалистских целей в Палестине. Англия, в частности, надеялась, что ООН окажется бессильной найти решение палестинской проблемы и вновь поручит ей продолжить управление страной и сохранить, таким образом, прежнее влияние в Палестине. Соединенные Штаты в свою очередь связывали обсуждение вопроса о Палестине в ООН с планами вытеснения Англии и установления своего преимущественного влияния в этой стране путем поддержки сионистских требований. США пытались с самого начала направить обсуждение вопроса о Палестине на Генеральной Ассамблее по американскому сценарию: Специальному комитету Объединенных наций по Палестине (ЮНСКОП), куда не входил ни один представитель арабских стран и Африки, был рекомендован раздел Палестины на еврейское и арабское государство. План раздела, в своих общих чертах воспроизводивший прежние колониальные планы раздела, подготовленные еще в период английского мандата («План Пила» 1937 г., а затем «план Моррисона — Грэйди» в 1946 г., уже с участием американцев), предусматривал передачу примерно 55% территории Палестины евреям, которые в то время составляли 30% населения и владели только 6% земли, и 45% — арабам, численность которых составляла 1,2 млн. человек и владевших свыше 90% земли [115]. США и их союзники твердо стояли за раздел, полагая, что это позволит им играть определяющую роль в будущей судьбе Палестины. Наконец, сионисты, действуя главным образом через американских представителей, добивались от ООН принятия резолюции в духе сионистских требований — создания в Палестине еврейского государства и неограниченной еврейской иммиграции в эту страну [116]. В общем же, каждая из сторон: Соединенные Штаты и Англия и сионисты, домогаясь своего господства над Палестиной, в то же время в ходе рассмотрения палестинской проблемы на специальных сессиях Генеральной ассамблеи и Комитета ООН старались всеми мерами не допустить принятия такой резолюции, которая предусматривала бы *свободное самоопределение арабского палестинского народа* (курсив наш.— *Авт.*). Представитель США Г. Джонсон выступил, в частности, против обращения арабских стран (Египта, Ирака, Сирии, Ливана и Саудовской Аравии) с требованием включить в повестку дня заседаний Генеральной Ассамблеи вопрос о прекращении мандата над Палестиной и провозглашении ее независимости, заявив, что США «не согласны с желанием арабов вовлечь Ассамблею во всестороннее обсуждение палестинской проблемы» [117]. Вместо этого по настоянию делегации США Специальному комитету ООН был навязан в качестве важного вопрос изучения положения евреев в лагерях для перемещенных лиц в Европе. За этим шагом явно просматривалось желание американской делегации искусственно связать палестинскую проблему с вопросом о положении евреев в европейских странах, т. е. с тем, чего именно и добивались сионисты.

В противоположность линии США и их союзников в палестинском вопросе Советский Союз с самого начала настаивал в ООН на демократическом решении этой проблемы, исходя из всестороннего учета интересов арабского и еврейского населения Палестины. Советская делегация выступала за незамедлительную отмену британского мандата на Палестину, эвакуацию с ее территории английских войск, прекращение всякого иностранного вмешательства в дела этой страны. В отличие от

США и Англии Советский Союз поддержал просьбу арабских стран включить в повестку дня рассмотрение палестинской проблемы в их трактовке, а именно как «прекращение мандата над Палестиной и провозглашение ее независимости» [118]. Во время утверждения повестки дня работы Специального комитета ООН по палестинскому вопросу советская делегация совместно с делегацией Индии внесла поправку, предлагавшую принять предложение арабских стран рассматривать в качестве главного вопроса его работы вопрос о предоставлении независимости Палестине.

Делегация СССР считала наиболее приемлемым предложенный на рассмотрение сессии Генеральной Ассамблеи ООН проект создания в Палестине единого независимого арабо-еврейского государства с равными правами для арабов и евреев. Только в случае невозможности принятия такого проекта делегация СССР не исключала возможности обсуждения другого проекта, предусматривавшего решение проблемы на основе раздела Палестины на два самостоятельных демократических государства — арабское и еврейское.

Позиция Советского Союза при обсуждении палестинского вопроса на специальной сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в своих основных положениях совпадала с позицией прогрессивных сил Палестины, считавших, что первой и основной предпосылкой справедливого решения палестинского вопроса было бы предоставление всему населению права свободно и самостоятельно определить судьбу своей страны. Такой позиции придерживались, в частности, палестинские коммунисты, которые подчеркивали, что «единственным путем к обеспечению реального решения палестинской проблемы является ликвидация мандата, вывод британских войск и создание независимого демократического палестинского государства, гарантирующего права всех его граждан, как арабов, так и евреев» [119].

В условиях нараставшего в арабских странах движения солидарности широких масс с требованиями палестинского арабского народа правительства арабских государств — членов ЛАГ предприняли попытки выработать совместную линию действий в ООН. В период между 1 сентября и 29 ноября 1947 г. состоялись совещания представителей Политического комитета и Совета ЛАГ в Сафаре (Ливан) и Аллее (7—15 октября 1947 г.), на которых были приняты решения выступить против плана раздела Палестины, заявить о возможных санкциях против государств, игнорирующих права арабов, оказать материальную помощь палестинским арабам [120].

Однако, как отмечает Л. Кади, «совместное выступление арабских стран в ООН (в духе упомянутых решений) не дало результата из-за политического маневрирования и давления. Если бы арабские государства попытались использовать свои экономические ресурсы (например, нефть) в качестве политического оружия, то они могли бы оказать несравненно большее давление на западные державы для достижения своих целей. И это было бы вполне оправданным шагом, поскольку сами западные державы как раз использовали экономическую помощь другим государствам — членам ООН для того, чтобы заставить их голосовать в пользу их планов в палестинском вопросе». Критикуя руководителей арабских государств за их отказ использовать на практике нефть как политическое оружие, Л. Кади указывала далее, что главной причиной такого отказа было нежелание арабских правителей идти на какие-либо шаги, ущемлявшие интересы западных держав, что могло создать угрозу собственным интересам правителей арабских стран [121].

В итоге острых дебатов 29 ноября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН на своем 128 пленарном заседании приняла резолюцию № 181 (II), в которой намечались пути решения палестинской проблемы. В разделе резолюции, озаглавленном «План раздела Палестины на основе экономического союза», предусматривалось: 1) прекращение действия мандата Великобритании на Палестину «в возможно короткий срок, но не позднее 1 августа 1948 г.»; 2) вывод к тому же сроку вооруженных сил мандатария; 3) создание на территории Палестины «через два месяца после окончания эвакуации вооруженных сил страны-мандатария, но ни в коем случае не позднее 1 октября 1948 г.» двух независимых государств — арабского и еврейского; в отношении Иерусалима предусматривалось его выделение в обособленную единицу, пользующуюся специальным режимом. «Осуществление от имени ООН административной власти в Иерусалиме» возлагалось на Совет ООН по опеке [122]. В соответствии с содержавшейся в резолюции рекомендацией Генеральной Ассамблеи территория Палестины расчленялась на шесть частей, из которых три предназначались для еврейского государства, а три другие, с анклавом вокруг города Яффа — арабскому государству; кроме того, выделялась отдельная международная зона Иерусалима (см. Приложение № 4). Еврейскому государству отводилось в общей сложности 14,1 тыс. кв. км., или 56% всей территории Палестины, на которой к моменту принятия резолюции жило 509 780 арабов, включая племена кочевников-бедуинов, и 499 020 евреев. Арабскому государству отводилось — 11,1 тыс. кв. км, или 43% территории с населением 749 тыс. арабов и 9520 евреев, интернациональной зоне Иерусалима выделялось 177 кв. км, или 0,6% общей площади Палестины с населением 105 540 арабов и 99 690 евреев [123]. Из приведенных данных видно, что евреи тогда не составляли большинства ни в одной из трех предполагавшихся зон раздела Палестины.

У будущих государств не были четко определены границы, их должна была уточнить и демаркировать специальная Палестинская комиссия ООН, на которую также возлагалось подготовить в течение двух месяцев после вывода английских войск из

Палестины конституционные основы создаваемых государств и затем передать их правительствам суверенитет над соответствующими частями палестинской территории.

Резолюция № 181 (II) была принята 33 голосами, 12 — против и 10 — воздержались [124]. Как показали итоги голосования, резолюция № 181 (II) была принята отнюдь не единодушно. В общей сложности вместе с воздержавшимися против нее выступили представители 22 стран, среди которых были почти все крупные страны Азии, Ближнего и Среднего Востока. Среди государств, голосовавших за принятие резолюции, были кроме Соединенных Штатов и европейских стран в основном страны Латинской Америки, находившиеся под сильным влиянием США и сионизма [125].

Столь неоднозначное отношение государств — членов ООН к резолюции № 181 (II) объяснялось главным образом их различным подходом к сформулированному в проекте резолюции положению о разделе Палестины. Если первые два пункта резолюции: об отмене английского мандата на Палестину и выводе английских войск из этой страны не вызвали каких-либо серьезных замечаний, то рекомендация о разделе Палестины уже на первом этапе работы специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН привела к острой дискуссии. Представители Высшего арабского комитета Палестины и арабских стран категорически отвергли план раздела, который, по их мнению, противоречил букве и духу устава ООН, принципам справедливости и естественному праву палестинских арабов на независимое развитие.

Мнение арабских стран по проекту большинства в наиболее полной форме было изложено в выступлении представителя Высшего арабского комитета Палестины Раджаб аль-Хусейни перед членами Специального комитета (ни представители Высшего арабского комитета, ни Еврейского агентства непосредственно не участвовали в работе сессий Генеральной Ассамблеи, но им была предоставлена возможность изложить свое мнение перед членами Специального комитета.— *В. К.*).

«...Сионистские притязания на Палестину не имеют под собой ни юридических, ни моральных оснований,— отметил аль-Хусейни.— Во-первых, претендовать на Палестину в силу своих якобы „исторических связей" с ней стали евреи-ашкенази (выходцы из стран Европы.— *В. К.*), между тем как в действительности их праотцы не имели к Палестине никакого касательства. Сефарды же (евреи — выходцы из стран Востока.— *В. К.*) — а именно их в основном надо считать потомками древних израильтян — в большинстве своем осуждают сионизм. Во-вторых, религиозные связи евреев с Палестиной, поскольку их разделяют с ними христиане и мусульмане, также не дают им права претендовать на эту страну. В-третьих, сионисты претендуют на создание еврейского национального очага в Палестине в силу декларации Бальфура. Но английское правительство не имело

права распоряжаться Палестиной, ибо оно оккупировало ее от имени союзников как освободитель, а не как завоеватель. Декларация Бальфура противоречила Уставу Лиги Наций и была аморальным, несправедливым и незаконным обещанием». «Палестинские арабы,— сказал в заключение аль-Хусейни,— исполнены твердой решимости противиться всеми средствами любому плану, намечающему рассечение, разъединение или разделение их страны или же предоставление меньшинству ее населения особых, преференциальных прав и статуса» [126].

Позицию Высшего арабского комитета Палестины и арабских стран разделяли большинство стран Азии, Ближнего и Среднего Востока. В специальной телеграмме Джавахарлала Неру и Мухаммеда Али Джинны на имя генерального секретаря ООН говорилось: «Мы сочувствуем евреям, ставшим жертвами нацистских преследований в Европе, но Палестина — это арабская страна, и такой она должна остаться».

Делегат Ирана Адль заявил, что предлагаемый проект не имеет никаких правовых оснований. Суммируя решительные возражения арабских стран и многих стран Азии против плана раздела, некоторые западные газеты отмечали, что «арабы, составляющие большинство населения Палестины, не смогут согласиться, чтобы их право на самоопределение урезывалось в силу потребностей пришельцев, в чьем бедственном положении арабский мир ни в коей мере не виноват» [127]. Как только стали известны итоги голосования, делегации арабских стран и ряда других стран Азии заявили, что они не будут рассматривать рекомендацию Генеральной Ассамблеи о разделе как обязательную, так как считают, что она противоречит Уставу ООН.

Анализируя острую дискуссию на Генеральной Ассамблее ООН по проекту резолюции № 181 (II), многие исследователи отмечают, что на исход голосования по этой резолюции во многом повлияла противоречивость интересов различных государств и политических сил, участвовавших в решении вопроса о судьбе Палестины. Например, для Соединенных Штатов, как ведущей державы Запада, поддержка сионистских притязаний на Палестину, пусть поначалу даже в форме разделения ее на две части, означала прежде всего шаг на пути к вытеснению и замещению Великобритании в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке; в этом отношении можно говорить об объективном переплетении экспансионистских устремлений США и ВСО на том этапе в деле захвата Палестины. Великобритания со своей стороны считала, что в создавшейся ситуации и при сложившемся соотношении сил раздел Палестины даст, может быть, единственную возможность противостоять натиску США и ВСО, используя зависимые от нее режимы короля Иордании Абдаллаха, короля Египта Фарука и монархического правительства Ирака во главе с английским ставленником генералом Нури Саидом. Иными словами, позиция США, Англии и ВСО не имела ничего общего с интересами ни коренного арабского на-

селения Палестины, ни евреев и диктовалась исключительно колониалистскими устремлениями.

С совершенно иных позиций подходили к рекомендациям Специального комитета о разделе Палестины делегации социалистических государств, и в частности Советского Союза. Советская делегация при обсуждении вопроса о Палестине требовала отмены английского мандата, вывода из страны английских оккупационных войск, прекращения вмешательства извне во внутренние дела палестинцев. Она высказывалась, как уже отмечалось, за создание в Палестине единого демократического арабо-еврейского государства. Однако, учитывая реальное положение в Палестине, превратившейся к тому времени в арену вооруженных кровавых столкновений между еврейской и арабской общинами, Советский Союз проголосовал за образование двух отдельных государств.

«Возникает вопрос,— заявил представитель делегации СССР на заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной рассмотрению рекомендации Специального комитета,— почему большинство делегаций, представленных на Генеральной Ассамблее, остановилось на этом варианте (имеется в виду раздел Палестины.— *В. К.*), а не на каком-либо другом. Объяснить это можно только тем, что всякие другие варианты решения вопроса о Палестине оказались нереальными и непрактичными. При этом я имею ввиду также и вариант создания единого независимого арабо-еврейского государства с равными правами для арабов и евреев. Опыт изучения вопроса о Палестине, включая опыт работы Специального комитета, показал, что арабы и евреи в Палестине не хотят или не могут жить вместе. Отсюда следовал логический вывод: если эти два народа, населяющие Палестину... не могут жить вместе в пределах единого государства, то ничего не остается, как образовать вместо одного два государства — арабское и еврейское. Никакого иного практически осуществимого варианта, по мнению советской делегации, нельзя придумать...» [128].

Таким образом, лишь убедившись в невозможности найти решение на основе прежнего предложения о создании единого демократического арабо-еврейского государства, советская делегация проголосовала за резолюцию № 181 (II). Кроме того, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН в своей основе носила антиколониалистский характер, поскольку она требовала ликвидации британского колониального господства в Палестине и принимала во внимание в той или иной форме интересы двух национальных общин: палестинских арабов и евреев (ишув).

Глава вторая

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА В РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В 1948—1963 гг.

Принятие Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных наций резолюции № 181 (II) от 29 ноября 1947 г. имело далеко идущие последствия для всего дальнейшего развития событий в Палестине и международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Сама по себе эта резолюция, несмотря на неравнозначность ее отдельных частей, предусматривала практически все аспекты возможной мирной эволюции к независимости двух предполагавшихся палестинских государств — арабского и еврейского. В документах международного сообщества было рекомендовано, «чтобы Совет Безопасности определил как угрозу миру или акт агрессии, согласно статье 39 Устава ООН, всякую попытку изменить силой то решение, которое проводится в жизнь настоящей резолюцией» [1].

Если бы заинтересованные стороны, и в первую очередь ведущие западные державы — Соединенные Штаты и Великобритания, проявили готовность выполнить содержавшиеся в этой резолюции рекомендации в полном объеме, то решение палестинской проблемы, возможно, и стало бы реальностью или по крайней мере подготовило бы необходимые предпосылки для его достижения. Однако последующие события показали, что Соединенные Штаты и Великобритания отнюдь не считали эти рекомендации ООН обязательными для себя и рассматривали дебаты в ООН скорее как своего рода «дипломатический пролог» к новой фазе борьбы за преобладающее влияние в Палестине и на Арабском Востоке в целом. Фактически сразу после принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции № 181 (II) они взяли курс на саботаж выработанной ООН процедуры осуществления на практике ее рекомендаций. Так, например, представители США неоднократно заявляли о том, что план создания в Палестине двух государств практически невыполним, и требовали пересмотра резолюции. В конце марта 1948 г. в развитие этой линии президент Трумэн выступил с предложением передать Палестину под опеку Организации Объединенных Наций [2]. Выступая с таким предложением, он, видимо, рассчитывал на то, что в условиях преобладающего влияния США в ООН в те годы американская администрация могла бы играть решающую роль в определении дальнейшей судьбы Палестины.

Однако созванная в апреле 1948 г. по настоянию США новая специальная сессия Генеральной Ассамблеи отвергла этот план [3].

Правительство Великобритании также не проявляло какой-либо заинтересованности в выполнении рекомендаций резолюции № 181 (II), так как главную задачу оно видело в сохранении своего влияния в Палестине и на Арабском Востоке, в недопущении их перехода полностью в «сферу влияния» Соединенных Штатов. Уже после принятия резолюции № 181 (II) английское правительство продолжало маневрировать. Вскоре после завершения работы специальной сессии ООН в декабре 1947 г. оно объявило о досрочном прекращении срока действия мандата к 15 мая 1948 г. и приступило к постепенному свертыванию деятельности мандатной администрации в Палестине. Эти меры значительно затруднили деятельность организованной согласно резолюции № 181 (II) Специальной Комиссии Организации Объединенных Наций по Палестине (Палестинская комиссия), которая так и не смогла переехать в Иерусалим и ограничилась лишь проведением консультаций в нью-йоркской штаб-квартире ООН. Исподволь готовилась и эвакуация английских войск из Палестины, которая была проведена 14 мая 1948 г. без предварительного уведомления Палестинской комиссии и Совета Безопасности ООН. Поспешный вывод английских войск не позволил организовать вооруженную милицию, которая должна была помогать Комиссии в осуществлении ее функций в Палестине. Фактическое самоустранение английских властей от участия в подготовке к созданию Организацией Объединенных Наций временных административных органов управления в Палестине в переходный период привело к резкому обострению напряженности в стране. Общее число жертв междоусобных столкновений между арабами и евреями только за первые три месяца после принятия резолюции № 181 (II) достигло 869 убитых и 1909 раненых [4].

Никак не пресекая бесчинств сионистских экстремистов, терроризировавших арабское население, английские власти использовали их для разжигания антиеврейских настроений среди палестинских арабов и арабов других арабских государств. В то же время Великобритания явно подталкивала короля Трансиордании Абдаллаха к захвату части палестинской территории, предназначенной ООН для арабского палестинского государства. Так, в марте 1948 г. во время англо-трансиорданских переговоров об условиях нового договора о дружбе и союзе министр иностранных дел Англии Бевин дал ясно понять Абдаллаху, что Англия поддержит в случае необходимости вступление на территорию Палестины Арабского легиона под командованием английского генерала Глабб-паши (Арабский легион составлял основную боевую силу иорданской армии — *В. К.*). Единственным условием Бевина было обязательство Иордании не вводить части легиона на территорию, выделенную ООН для еврейского государства [5].

Наряду с маневрами США и Англии большим и едва ли не самым главным препятствием на пути практического осуществления в полном объеме резолюции № 181 (II) было противодействие этому со стороны сионистского руководства еврейского ишува в Палестине.

Образование государства Израиль и арабо-израильский конфликт

Принятие Организацией Объединенных Наций резолюции № 181 (II), казалось бы, открывало перед руководителями Еврейского агенства и Всемирной сионистской организации благоприятную перспективу для того, чтобы начать строительство демократического и миролюбивого еврейского государства, как то предполагали страны — члены ООН. Но в этом случае они должны были, так же как и арабская сторона, соблюсти разработанную ООН процедуру проведения в жизнь этой резолюции. Она включала, в частности, демаркацию границ еврейского и арабского государств, представление в ООН декларации об обязательствах этих государств перед своими гражданами и ряд других положений. Но выполнение этих условий закрыло бы путь к расширению еврейской колонизации Палестины, оставляя по-прежнему в компактной массе арабский палестинский народ, более чем в два раза превосходивший по численности еврейское население Палестины.

Действия сионистского руководства в конце 1947 г. и начале 1948 г. показали со всей очевидностью, что оно рассматривало резолюцию всего лишь как своего рода индульгенцию на осуществление своей далеко идущей экспансионистской программы в Палестине. Сразу же после принятия резолюции № 181 (II) Еврейское агентство и ВСО начали прилагать энергичные усилия к тому, чтобы еще до официального прекращения срока действия британского мандата захватить как можно больше земель в Палестине, вытеснить с них арабское население и любой ценой не допустить образования палестинского арабского государства. Только в период с декабря 1947 по февраль 1948 г. сионистскими экстремистами было спровоцировано более двух тысяч инцидентов, целью которых было заставить палестинских арабов бежать из страны. В марте — апреле 1948 г. руководители Еврейского агентства приступили к осуществлению стратегического плана «Далет», который предусматривал поэтапный захват всей территории Палестины и постепенное изгнание оттуда арабского населения [6].

К концу срока действия британского мандата (15 мая 1948 г.) отряды Хаганы и других сионистских военных формирований не только «очистили» от арабов области, отведенные ООН для еврейского государства, таким путем «обеспечив» в них еврейское большинство, но и оккупировали ключевые пунк-

ты и районы на территории предполагавшегося арабского государства. В результате этих акций около четверти миллиона палестинских арабов были изгнаны из своих родных мест. «Арабы,— признавал Бен-Гурион,— не вошли ни в одно даже самое отдаленное еврейское поселение, в то время как Хагана... захватила многие арабские позиции и „освободила" (кавычки автора — *В. К.*) Тиберию и Хайфу, Яффу и Сафед... таким образом, та часть Палестины, где действовала Хагана, была почти полностью „освобождена" от арабов» [7]. Бóльшая часть Иерусалима, который в соответствии с рекомендацией ООН должен был получить международный статус, также была оккупирована отрядами Хаганы.

Вскоре после завершения эвакуации английских войск и администрации заранее уведомленное об этом сионистское руководство буквально через несколько часов после ухода англичан, в ночь с 14 на 15 мая 1948 г. провозгласило создание в Палестине еврейского государства — Израиль. «Еврейское государство,— отмечал в 1948 г. в своем отчете посредник ООН в Палестине шведский граф Бернадотт,— родилось не в атмосфере мира, как на то выражалась надежда в резолюции ООН, но в насилии и кровопролитии» [8].

Образование на территории Палестины государства Израиль внесло совершенно новый элемент во всю политическую обстановку и международные отношения на Ближнем Востоке, что было связано главным образом с особенностями создания израильского государства и его положением среди других ближневосточных стран.

Во-первых, израильское государство появилось на политической карте Ближнего Востока не в связи с процессом деколонизации и антиколониальной революции, как это имело место в случае с большинством арабских стран, а в результате сионистской колонизации Палестины при поддержке Англии, США и других западных держав путем вытеснения коренного населения — палестинских арабов. Оно возникло как колониально-поселенческое государственное образование, почти все население которого к моменту провозглашения независимости состояло из евреев-переселенцев, иммигрировавших в Палестину преимущественно из стран Европы и Америки и совершенно чуждых по своей социокультуре местному арабскому населению [9].

Во-вторых, социально-экономическая и социально-политическая структура ишува возникла, в отличие от арабского общества в Палестине и в соседних странах, не на базе докапиталистической экономики, а была «трансплантирована» еврейскими переселенцами из развитых капиталистических стран Европы на местную почву. Экономика еврейского ишува развивалась в органической связи с западноевропейским, а затем американским капитализмом при постоянной и все возраставшей финансовой помощи еврейской и нееврейской монополистической буржуазии стран Запада. В результате к моменту появления Израиля как

государственного образования еврейского ишува в Палестине возникла своеобразная экономическая модель развитого капиталистического общества «западного образца», по уровню социально-экономического развития значительно превосходившего соседние страны и экономически абсолютно изолированного от них.

В-третьих, Израиль, в соответствии с «Декларацией независимости Израиля», был провозглашен не только еврейским, но и сионистским государством, т. е. государством евреев всего мира. Сионистская концепция «возвращения избранного народа» на «землю обетованную» предполагала непрерывную иммиграцию, которая одновременно исключала возможность возвращения в родные места палестинских арабов, изгнанных оттуда сионистами [10].

Эти особенности Израиля в сочетании с идейно-политической концепцией сионизма, положенной в основу всей политической структуры и государственной власти в израильском обществе (все евреи в мире «единый народ» или «единая мировая нация»; «Израиль — центр мирового еврейства» или «родина всех евреев»; евреи — «особый» народ и т. п.), с самого начала существования Израиля наметили основное направление его развития и место в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке. Эти особенности предопределили, в частности, и намеченную еще Т. Герцлем в программе раннего сионизма стратегию территориальной экспансии Израиля за счет соседних арабских государств и враждебной политики ко всем силам национального освобождения.

Поспешное провозглашение создания еврейского государства, состоявшееся в обстановке развязанного Хаганой и другими вооруженными сионистскими формированиями террора против палестинских арабов в период между 29 ноября 1947 г. и 14 мая 1948 г., явилось вызовом арабам, фактическим провоцированием военного конфликта с соседними арабскими странами. Оно вызвало в арабском мире волну протестов и сопротивление палестинцев. Хотя приблизительно четверть палестинских арабов в этот период была вынуждена оставить свои родные места, остальная, бóльшая их часть, состоявшая в основном из крестьян, не покинула страну. Многие из них создавали небольшие партизанские отряды деревенского ополчения, а также вместе с добровольцами из других арабских стран сражались в рядах «Армии спасения» под руководством Фавзи Каукаджи.

Однако отряды палестинских ополченцев по своей численности, вооружению и подготовке значительно уступали Хагане. Не получая военной помощи из-за границы, палестинцы вынуждены были применять устаревшее оружие, служившее им еще во времена восстания 1936 г. На всю Яффу, например, было всего восемь пулеметов. Кроме того, в соответствии с сохранявшим свою силу английским чрезвычайным законом, введенным в 1936 г., хранение палестинцами оружия каралось смертью.

Лишь небольшая часть палестинцев получила начальную военную подготовку в двух полувоенных организациях «Аль-Наджда» и «Аль-Футувва», остальные же едва умели обращаться с огнестрельным оружием. Лига арабских государств также не организовала военную подготовку палестинцев и не обеспечила их оружием. Причина этого состояла в том, что правители большинства арабских стран — членов ЛАГ не захотели обострять отношения с Англией и США, от которых они зависели.

В то время как боевые отряды Хаганы в соответствии с планом «Далета» планомерно наносили удары по палестинцам, правительства арабских стран и их представители в Лиге ограничивались выражениями словесной поддержки дела независимости Палестины и обсуждением мер, необходимых для предотвращения раздела Палестины и создания там еврейского государства[11]. Руководители отрядов палестинских ополченцев и партизан, пытавшихся сдержать натиск Хаганы во время первой фазы военных действий (март — апрель 1948 г.), неоднократно обращались к правительствам соседних стран с просьбами предоставить им оружие и боеприпасы. Однако эти просьбы не находили отклика, и лишенные необходимых средств самозащиты палестинцы несли тяжелые потери.

Между тем в соседних с Палестиной арабских странах с нарастающей силой продолжались выступления широких народных масс в защиту территориальной целостности Палестины как арабской страны. В Сирии демонстранты атаковали посольства США и Франции, выражая свое осуждение позиции, занятой этими государствами в ООН по палестинской проблеме. В Египте, Ливане, Ираке также состоялись массовые демонстрации протеста против раздела Палестины, сопровождавшиеся нападениями на английские и американские учреждения и консульства[12]. Рабочие Ливана, Сирии и Иордании прекратили работы по строительству американского нефтепровода из Саудовской Аравии, проходившего по территориям этих стран. Сирия отказалась подписать соглашение с США о завершении строительства нефтепровода. Некоторые арабские политические деятели призывали к нефтяному бойкоту США и Англии, подвергая особенной критике политику США в палестинском вопросе. «Мы не разделяем еврейских и американских иллюзий насчет Палестины,— говорилось в одном из их заявлений.— Мы ведем борьбу против американского авангарда, так как видим, что евреи в Палестине выполняют приказы, которые получают из Соединенных Штатов, особенно из крупнейшей в мире еврейской столицы, какой является Нью-Йорк»[13]. Это националистическое по своему характеру заявление, в известной мере отражало настроения, господствовавшие в то время среди арабской общественности. В этих условиях известие об образовании на территории Палестины еврейского государства Израиль только подлило масла в огонь. Страсти накалились до предела, создавая в соседних арабских странах взрывоопасную ситуацию. Народные

массы требовали от своих правительств принятия действенных мер по отпору сионистской экспансии. В такой обстановке Лига арабских государств призвала своих членов направить в Палестину отряды регулярной армии, и 15 мая 1948 г. войска пяти арабских стран — Египта, Сирии, Ирака, Ливана и Иордании вступили на территорию Палестины.

В телеграмме Лиги арабских государств на имя генерального секретаря ООН ввод в Палестину войск обосновывался принципиальной позицией арабских государств в палестинском вопросе, изложенной ранее на специальных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. В этой телеграмме, в частности, говорилось: «Арабские государства заявляют следующее: а) право создавать правительство в Палестине принадлежит ее жителям в соответствии с принципами самоопределения, признанными Уставом Лиги Наций, а также Уставом Организации Объединенных Наций; б) правопорядок в Палестине полностью нарушен в результате агрессии со стороны евреев, примерно четверть миллиона арабского населения было вынуждено покинуть свои жилища и эмигрировать в соседние арабские страны. Происходящие в Палестине события выявили скрытые агрессивные намерения сионистов и их империалистические побуждения... в) волнения в Палестине усиливают серьезную и прямую угрозу миру и безопасности внутри самих арабских государств. По этой причине, а также ввиду того, что обеспечение безопасности Палестины является их святой обязанностью, арабские государства... считают, что они вынуждены вмешаться с единственной целью восстановить мир и безопасность и установить правопорядок в Палестине... Как только эта стадия будет достигнута, вмешательство арабских стран... будет прекращено и суверенное палестинское государство будет правомочно в сотрудничестве с другими государствами — членами ЛАГ предпринять любые шаги, направленные на рост благосостояния и усиление безопасности своего народа и территории...»[14].

С вступлением в Палестину регулярных армий пяти арабских государств отдельные стычки и бои палестинских отрядов народного ополчения и арабских добровольцев с отрядами Хаганы переросли в широкомасштабные военные действия. Израильская армия превосходила вооруженные силы арабских стран по всем параметрам, в частности она была оснащена современным оружием, включая артиллерию, танки и самолеты. Армии же арабских стран имели на вооружении устаревшее оружие и, как отмечает Л. Кади, не были готовы к войне. Кроме преимуществ чисто военного характера, связанных с численностью, подготовкой и вооружением, армия Израиля постоянно пополнялась опытными специалистами из числа военных-иммигрантов из западных стран, новейшим оружием и финансовыми средствами от еврейских общин всего мира. Израиль пользовался также моральной и политической поддержкой мирового сообщества, представленного тогда в ООН большинством, проголосовавшим

за раздел Палестины. Все эти факторы, и прежде всего подавляющее военное превосходство Израиля над арабскими странами, предопределили поражение арабов в войне.

Внешняя канва событий палестинской войны 1948—1949 гг. как бы заслоняла собой подлинные цели и интересы воюющих сторон, нередко сбивая с толку наблюдателей. «Внешне,— пишет Н. Вайншток,— конфликт происходил между евреями и арабами. Но в действительности главная жертва — арабское население Палестины почти не участвовало в боях» [15]. Анализируя события, предшествующие палестинской войне, и сам ход войны, Н. Вайншток указывает на прямое соучастие в подготовке этой войны Англии, направлявшей из-за кулис действия своего вассала — короля Трансиордании Абдаллаха, а также на расчеты Соединенных Штатов использовать Израиль в интересах своей политики на Ближнем Востоке. Однако любой анализ причин и характера войны 1948—1949 гг. имел бы односторонний характер, если бы не учитывал роли в подготовке этой войны сионистского руководства ишува в Палестине, а затем и в государстве Израиль. По существу, как это было показано выше, именно сионистские круги еще до образования Израиля в марте — апреле 1948 г. развязали необъявленную войну против арабского народа Палестины, которая неизбежно переросла затем в войну между Израилем и соседними арабскими странами. Война с арабами вообще, а не только с палестинцами, планировалась сионистским руководством задолго до 15 мая 1948 г., ибо, как уже отмечалось, в войне с арабами лидеры Еврейского агентства и ВСО видели главное средство расширения «жизненного пространства» для еврейского государства. Тем не менее правящие круги Израиля пытались возложить ответственность за возникновение палестинской войны на арабские страны, делая упор на то, что формально начало военным действиям положило вступление войск Египта, Сирии, Ирака, Ливана и Иордании на территорию Палестины. Палестинская война неизменно изображалась ими не иначе как «война за независимость Израиля».

В итоге палестинской войны 1948—1949 гг. произошло расширение рамок палестинского конфликта: из конфликта главным образом двустороннего — между сионизмом, а затем Израилем и арабским народом Палестины — он превратился в более широкий арабо-израильский конфликт. Иными словами, произошла формализация тенденции, развивавшейся еще до этой войны, начиная с палестинского восстания 1936—1939 гг. Этот конфликт постепенно «оброс» производными более мелкими конфликтами и проблемами, в том числе проблемой «палестинских беженцев», проблемой границ между Израилем и арабскими странами, палестинско-иорданским конфликтом, «ливанским кризисом», возникшими позднее в значительной степени как следствие нерешенности основного арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы. Словом, со времени палестинской войны 1948—1949 гг. арабо-израильский конфликт и порожденный им целый комплекс производных от него проблем стал тем, что сейчас именуется «ближневосточным конфликтом».

Основная сущность арабо-израильского конфликта после войны 1948—1949 гг. не изменилась. Как и раньше, это был прежде всего конфликт между силами империализма и сионизма, с одной стороны, и силами арабского национального освобождения — с другой. Но наряду с этим со времени создания в Палестине государства Израиль основное противоречие между внешними империалистическими силами и силами национального освобождения «дополнилось» противоречиями между официально признанным ООН государством Израиль и освободившимися арабскими странами. Арабо-израильские отношения вышли в конфликте на первый план, стали его наиболее острым проявлением. Сионистско-израильский фактор превратился в один из неотъемлемых элементов международных отношений на Ближнем Востоке, неизменно оказывающий негативное влияние на положение в регионе. С появлением этого фактора старый имперский принцип «разделяй и властвуй», на котором основывалась политика Великобритании в подмандатной Палестине, при участии Израиля стал проводиться западными державами во главе с Соединенными Штатами на более широкой основе в рамках всего арабского мира.

Дать объективный анализ всех аспектов арабо-израильского конфликта, объяснить причины его затяжного характера и неоднократных кризисных ситуаций, возникавших в регионе в результате этого конфликта,— непростое дело. Сложное переплетение интересов различных внешних и внутренних сил, вовлеченных в конфликт, сам характер противоречий между арабскими странами и Израилем, проистекающий главным образом из империалистической и сионистской природы еврейского государства, постоянное вмешательство западных держав, выступающих в роли «арбитров» между противоборствующими сторонами,— все это мешает правильному видению подлинных мотивов и движущих сил конфликта. Кроме того, известные трудности при изучении арабо-израильского конфликта создают попытки некоторых авторов свести его суть лишь к арабо-израильским отношениям, а также усиленно распространяемое в западной литературе толкование палестинской проблемы как проблемы беженцев. Однако каким бы образом ни трактовался этот конфликт, очевидна его связь со всем комплексом факторов, действующих на Ближнем и Среднем Востоке и определяющих его современное историческое развитие.

Важнейшим фактором, без учета которого нельзя правильно понять ни одно сколько-нибудь значительное явление на Ближнем и Среднем Востоке в послевоенный период, является антиколониальная, антиимпериалистическая революция. Провозглашение Сирии и Ливана независимыми республиками и эвакуация французских войск из этих арабских стран в начале 1946 г.,

ликвидация мандатного режима Англии в Палестине в 1948 г., ослабление господства британского империализма в Египте, Ираке и Иордании — все это были звенья одной и той же цепи событий, основной смысл которых заключался в постепенном освобождении арабских стран от пут колониализма. «Возрождение арабского мира после тысячи лет загнивания» — так назвала английская газета «Дейли геральд» этот неудержимо развивавшийся революционный процесс. В начале 50-х годов этот процесс возглавил Египет, в котором 23 июля 1952 г. был свергнут монархический режим короля Фарука. Возглавленное президентом Гамалем Абдель Насером новое республиканское правительство добилось аннулирования неравноправного англо-египетского договора, признания Англией Республики Египет, вывода английских войск с египетской территории. 26 июля 1956 г. египетское правительство объявило о национализации Международной компании Суэцкого канала — крупнейшей на Ближнем Востоке концессии, принадлежавшей англо-франко-бельгийско-голландскому и отчасти американскому капиталу. С июля 1961 г. страна вступила на путь важных социальных преобразований: правительство объявило о национализации крупных частных банков и предприятий, страховых обществ и компаний, всей внешней торговли, транспорта и торгового флота страны, был издан новый закон об аграрной реформе. Официальное признание получила программа, включавшая элементы научного социализма,— Хартия национальных действий. Все эти прогрессивные социально-экономические преобразования сопровождались активизацией антиимпериалистической и независимой внешней политики Египта, направленной на установление равноправных отношений со всеми странами, включая социалистические, на поддержку движения неприсоединения, за укрепление арабского единства.

Говоря о характере национально-освободительной борьбы арабов в 50—60-е годы, Гамаль Абдель Насер подчеркивал, что «арабская революция» неделима и борьба арабов Египта, Сирии, Ливана, Ирака, Палестины, Иордании, во всех частях арабского мира — это единый поток, который не остановится, пока не добьется ликвидации всех следов колониализма. Вслед за Египтом к пересмотру неравноправных соглашений и договоров с западными державами приступили и другие арабские страны: Сирия, Ирак, Судан, Тунис, Ливия, Марокко, Иордания. В марте 1956 г. под давлением широкого народного движения правительство Иордании удалило в отставку и выслало из страны английского генерала Джона Глабба, или «Глабб-пашу», командовавшего Арабским легионом[16].

14 июля 1958 г. Иракская революция положила конец правлению проанглийского монархического режима. Ирак вышел из Багдадского пакта, аннулировал неравноправные соглашения с Англией. В конце 1962 г. иракское правительство объявило о подготовке закона, направленного на восстановление прав Ирака на использование национальных нефтяных ресурсов. 5 июля 1962 г. была провозглашена независимость Алжира. Правительство Марокко добилось соглашения с Францией об эвакуации французских войск из страны и соглашения с США о ликвидации американских военно-воздушных баз на своей территории к концу 1964 г. Тунис в октябре 1963 г. добился ликвидации французской военной базы в Бизерте. В феврале 1964 г. правительство Ливии заявило о своем отказе продлить соглашение с США и Англией о военных базах на ливийской территории. Главные арабские нефтедобывающие страны — Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия, Ливия, Катар — вступили в созданную в 1960 г. Организацию стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и потребовали ограничения привилегий западных нефтяных компаний, в частности увеличения отчислений в государственные бюджеты этих стран.

На фоне этих событий арабо-израильский конфликт как бы выпадал из общего процесса национального освобождения и возрождения арабского мира, представляя собой своего рода аномалию в его историческом движении вперед. Этот конфликт стал неотъемлемым элементом неоколониалистской стратегии западных держав на Ближнем Востоке, с самого начала неизменно стремившихся использовать его как средство противодействия «арабской революции» и укрепления своего влияния в регионе[17].

Методы использования западными державами арабо-израильского конфликта в интересах своей неоколониалистской политики на Ближнем и Среднем Востоке варьировались в зависимости от этапов его эволюции и конкретной политической ситуации: наряду с политическими, экономическими и дипломатическими приемами они иногда включали и прямое военное вмешательство, как это было, например, во время нападения западных держав и Израиля на Египет в октябре 1956 г. Но при всем разнообразии приемов постоянным и неизменным фактором использования западными державами этого конфликта всегда оставалась всесторонняя поддержка и поощрение агрессивного курса государства Израиль в отношении соседних арабских стран, его политики территориальной экспансии, фактически не прекращавшейся со времени образования в Палестине еврейского государства. Израиль начал совершать акты агрессии против соседних арабских государств — Египта, Сирии, Ливана и Иордании,— едва были подписаны Родосские соглашения о временном перемирии в 1949 г. Эти так называемые «линии перемирия» более походили на огневые рубежи непрекращающихся вооруженных провокаций израильской военщины. Уже 10 марта 1949 г., нарушив соглашение о перемирии с Египтом, израильская армия захватила населенный пункт Умм Раш-паш на юге Синайского полуострова. 5 мая 1951 г. она оккупировала и присоединила к Израилю район Эль-Ауджа на севере Синайского полуострова, изгнав оттуда 7 тыс. арабов-бедуинов. Позднее

Израиль в одностороннем порядке установил свой контроль над демилитаризованными зонами вдоль линии перемирия с Сирией и Иорданией.

Шаг за шагом расширяя свое «жизненное пространство», Израиль одновременно выполнял жандармские функции по защите «интересов» империалистических держав на Ближнем Востоке, выступая в качестве главного орудия подавления не только палестинского, но и всего арабского национально-освободительного движения. Одним из примеров этого может служить нападение израильской армии на Египет 30 октября 1956 г. и оккупация им части египетской территории на Синайском полуострове. По заранее согласованному плану вместе с Израилем против Египта выступили Англия и Франция. «Тройственная агрессия» против Египта привела к возникновению на Ближнем Востоке кризисной ситуации, поставившей мир на грань войны. Только своевременные энергичные действия Советского Союза, потребовавшего безотлагательного прекращения военных действий против Египта и предупредившего Израиль, Англию и Францию о «своей решимости сокрушить агрессоров и восстановить мир на Ближнем Востоке», заставили Израиль вывести свои войска с территории Египта за линию перемирия 1949 г.[18].

В ходе подготовки и осуществления «тройственной агрессии» против Египта в полной мере проявилась специфика арабо-израильского конфликта, совмещающего в себе три уровня: локальный (между Израилем и арабским народом Палестины), региональный (между Израилем и арабскими странами) и международный (между империализмом и арабским национально-освободительным движением). Однако видение сущности и специфики арабо-израильского конфликта было бы не совсем полным, если обойти вниманием активную причастность к его развитию еще одного «действующего лица», чаще всего выступающего «за кадром»: международного сионизма, а точнее говоря, международных сионистских центров в Америке, Западной Европе, Африке и Азии. Как отмечают многие советские и зарубежные авторы, эти центры, действуя в тесном взаимодействии с правящими кругами США, Англии и других западных держав, были и остаются по сей день главными источниками, «питающими» и вдохновляющими агрессивную политику Израиля по отношению к арабским государствам. Так, например, Дж. Дэвис, в течение пяти лет занимавший пост генерального секретаря Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР), писал в конце 60-х годов: «Логической точкой отсчета в вопросе понимания механизма и обстоятельств, порождающих в настоящее время агрессивность в отношениях между арабскими странами и Израилем, должно послужить выявление той силы, которая в основном ответственна за разжигание этой агрессивности, а в дальнейшем понять ее природу и намерение. Пример арабо-израильского конфликта наглядно выявляет такую силу. Ею является сионизм, мировой сионизм»[19].

Во время войны Израиля с арабскими странами в 1948—1949 гг. и «тройственной агрессии» против Египта в октябре 1956 г. сионистские центры в Америке, Европе, ЮАР явились инициаторами широкой кампании по сбору средств в помощь Израилю, а также поставок из этих стран оружия и боеприпасов для израильской армии. Западногерманский автор Хольштейн, ссылаясь на данные сионистских источников, сообщал, что палестинский ишув и Израиль только в 1946—1948 гг. получили от международных сионистских организаций около 250 млн. долларов[20].

В 1948 г. и в последующие годы в ходе кампании по увеличению денежных взносов в пользу Израиля большие средства были собраны и переданы израильскому правительству сионистскими организациями Южной Африки[21].

Указывая на большое значение для Израиля внешней финансовой помощи, лидеры международного сионизма призывали еврейские общины западных стран приложить еще большие усилия в поддержку израильского экспансионистского внешнеполитического курса. «Мы хотим,— заявлял, например, бывший председатель Еврейского агентства А. Пинкус,— чтобы „еврейский народ“ полностью отождествлял себя с трудной борьбой, которую ведем мы (израильтяне — *В. К.*). Это отождествление предполагает не только финансовую поддержку, оно означает абсолютную готовность выполнить любое требование Израиля, активную защиту его политики, создание дружественной по отношению к нему атмосферы. Оно означает борьбу за политические интересы Израиля, даже если такая борьба противоречит интересам той страны, где живут евреи»[22].

Наряду с кампанией по сбору средств среди еврейских общин в странах Запада для финансирования агрессивного курса Израиля международные сионистские центры через сеть своих организаций и лоббистские «группы давления» вели активную обработку политических деятелей западных стран с тем, чтобы добиться от них поддержки позиции Израиля в ближневосточном конфликте. Например, в США представители сионистского лобби не раз призывали американскую администрацию принять решительные меры по оказанию помощи Израилю, связывая это с тем, что «моральное руководство и влияние США поставлены на карту»[23]. Еще во время обсуждения в конгрессе США вопроса о поставках американского оружия, включая танки и самолеты, проходившего вскоре после начала первой арабо-израильской войны, конфликта 1948—1949 гг., сионистские лоббисты добивались от американских законодателей одобрения закона о снятии эмбарго на поставки американского оружия для Хаганы действующими в США частными еврейскими фирмами. При этом они открыто заявляли, что «евреи (т. е. палестинские сионисты.— *В. К.*) получат оружие всеми правдами и неправда-

ми»[24]. По словам председателя одной из крупнейших женских сионистских организаций Америки Хадасса Гальперин, «весь мир несет ответственность за снабжение евреев (т. е. сионистских организаций в Палестине.— *В. К.*) оружием и боеприпасами». В своем заявлении, сделанном вскоре после начала палестинской войны 1948 г., она заявила, что ее организация дала указание 900 своим отделениям в США увеличить за последующие 12 месяцев «добровольные» финансовые обязательства (взносы) на 50%, чтобы защитить «молодую еврейскую демократию»[25]. Деятельность сионистского «лобби» и международных сионистских центров приносила ощутимые результаты. Как признавал впоследствии Бен-Гурион, в США «менее чем за миллион долларов» Израиль «приобрел оборудование для военных предприятий, стоящее десятки миллионов, и все оно в целости и сохранности было доставлено в Палестину»[26].

Пользуясь постоянной поддержкой международного сионизма и западных держав, Израиль уже во время арабо-израильской войны 1948—1949 гг. открыто игнорировал многочисленные резолюции ООН и Совета Безопасности о перемирии с арабскими странами, используя их для перегруппировки сил и нанесения новых ударов по соседним арабским странам. Бен-Гурион, в частности, не скрывал, что многие победы израильских вооруженных сил явились результатом именно той подготовительной работы, которую израильтяне активно вели во время перемирий[27].

Таким образом, с самого начала арабо-израильского конфликта арабским странам противостояли, по существу, не один «маленький, но храбрый» Израиль, как его изображали многие западные средства массовой информации, а объединенная коалиция наиболее реакционных и агрессивных сил международного империализма и сионизма во главе с Соединенными Штатами, являвшимися подлинными вдохновителями и «движущими силами» этого конфликта.

Палестинский аспект арабо-израильского конфликта и проблема палестинских беженцев

Расширение рамок арабо-сионистского конфликта в результате образования государства Израиль и первой арабо-израильской войны 1948—1949 гг. выдвинуло проблему Палестины в число наиболее важных в международных отношениях на Ближнем Востоке. В новых условиях изменилось само содержание палестинской проблемы. Если до 1948 г. суть ее сводилась к требованию отмены мандатного режима, прекращению сионистской колонизации и предоставлению Палестине независимости, то после образования государства Израиль и раздела страны главным направлением в политической эволюции палестинской проблемы стала борьба за сохранение национальной общности

арабского народа Палестины и обеспечение его права на возвращение на родину и самоопределение.

Острота проблемы Палестины возрастала по мере увеличения потока палестинских беженцев, оседавших в соседних арабских странах. Согласно результатам обследования БАПОР, к июню 1950 г. было зарегистрировано в общей сложности 960 тыс. палестинских беженцев[28]. В последующие годы численность палестинских изгнанников возрастала из года в год. Согласно данным БАПОР, в 1959 г. насчитывалось уже 1088 тыс. палестинских изгнанников, в 1964 г.— 1247 тыс., в мае 1967 г.— 1345 тыс.[29]. После образования государства Израиль и палестинской войны из 1,3 млн. арабов-палестинцев на территории Израиля и захваченных им к тому времени районов осталось лишь около 150 тыс. человек, остальные же были вынуждены искать убежище в Газе, на Западном берегу или вообще за пределами Палестины — в соседних арабских странах[30].

По оценкам БАПОР, в конце мая 1967 г. основная масса палестинских беженцев распределялась следующим образом: в Иордании находилось 723 тыс. человек, или 54% общего числа беженцев, в Газе — 317 тыс., в Ливане — 161 тыс., в Сирии — 144 тыс. человек[31].

В работах западных авторов по палестинской проблеме причины «исхода» палестинских арабов с родных земель чаще всего замалчиваются или ограничиваются сионистской интерпретацией. Согласно официальной версии израильской пропаганды, причиной ухода арабов были якобы призывы арабских радиостанций к населению «временно покинуть страну». Между тем многие факты свидетельствуют о том, что, так же как и в период, предшествовавший образованию Израиля, главной причиной этого «исхода» была целенаправленная политика насильственного вытеснения арабского населения, проводившаяся сионистским руководством. Разница состояла лишь в том, что до образования государства Израиль террор против арабского населения осуществляли Хагана и сионистские террористические организации типа Иргун и Штерн, тогда как после его образования он стал фактически содержанием государственной политики в отношении палестинцев. Как отмечают Н. Вайнштох и У. Авнери, в течение третьего периода войны — после 15 мая 1948 г.— политика израильских вооруженных сил заключалась в открытом поощрении или провоцировании бегства арабского населения: «Эвакуация арабского гражданского населения превратилась в военную цель сионизма»[32].

Представляет интерес также свидетельство одного из очевидцев событий — английского генерала Джона Глабба, который до 1956 г. командовал Арабским легионом. Он, в частности, пишет: «Версия, в правдивость которой еврейская пропаганда на первых порах заставила было поверить весь мир, будто арабские беженцы покидали страну добровольно, не соответствует действительности. Добровольные эмигранты не оставляют свои

дома только в том, что на них есть. Люди, решающие распрощаться с родным домом, не делают это в такой спешке, что теряют членов своей семьи: муж — жену или родители — своих детей. В большинстве случаев люди панически бегут, спасаясь от кровавого террора сионистов» [33].

Эти и многие другие свидетельства очевидцев событий не оставляли никаких сомнений в том, что палестинские арабы силой оружия и террором были принуждены покидать свои родные места. При этом если до ноября 1947 г., т. е. до резолюции ООН, рекомендовавшей раздел Палестины, среди эмигрантов преобладали представители состоятельных буржуазно-помещичьих слоев, то после ее принятия, и особенно после образования государства Израиль и арабо-израильской войны, страну стали покидать широкие слои населения: феллахи, рабочие, служащие, городская беднота. Лишенные земли, крова и имущества, палестинцы в своей основной массе оказались в катастрофическом положении без каких-либо средств к существованию. Не случайно сами арабы называют события 1948—1949 гг., связанные с образованием Израиля и первой арабо-израильской войной, словом «ан-накба», означающим в переводе с арабского «бедствие» или «катастрофа». Соседние арабские страны, и в первую очередь Иордания, принявшая наибольшее число палестинских изгнанников (свыше 500 тыс.), а также Сирия, Ливан и Египет смогли оказать им лишь ограниченную помощь из-за своих собственных экономических трудностей. Основную же заботу о палестинских беженцах взяла на себя упоминавшаяся выше специальная организация БАПОР, созданная в декабре 1949 г. под эгидой ООН и в соответствии с резолюцией № 302 (IV). Первейшей ее задачей было обеспечение беженцев жильем, необходимыми продуктами питания, медицинской помощью. Бюджет БАПОР складывался из ассигнований ООН и добровольных взносов отдельных арабских и западных стран. При основании агентства его бюджет составлял 33,7 млн. долларов, расход на одного беженца составлял 37 долл. в год, или около 10 центов в день [34]. Этих средств, естественно, не хватало даже для простого поддержания жизни. Генеральный комиссар БАПОР в одном из своих отчетов в июне 1967 г. сообщал: «Жизнь беженцев все еще омрачена фактом экономической необеспеченности, и большинство семей продолжают существовать на грани нищеты. Беженцы не могут примириться с теми лишениями, которые им приходится переносить... и стремятся вернуться на свои прежние места. Они считают, что ООН несет ответственность за их положение и что она обязана им помочь» [35].

В приведенном отчете палестинцы именуются беженцами. Впервые это слово применительно к палестинскому народу появилось во время обсуждения положения палестинских изгнанников в ООН в 1948 г. и принятия известной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 194 (III) о палестинских беженцах от 11 декабря 1948 г. Затем это определение утвердилось в политической литературе и, более того, стало усиленно распространяться израильскими и западными средствами массовой информации как понятие, адекватное полестинскому народу. «Кем же считать палестинцев: беженцами или народом, лишенным национальных прав?» — вполне резонно ставит вопрос Е. М. Примаков. И отвечает: «Жизнь утверждает... речь идет о проблеме исторической общности людей, получившей название арабского палестинского народа» [36] Это мнение разделяется также и многими западными исследователями, непредвзято подходящими к данному вопросу. Например, в работе Э. В. Чайлдерса «Скрытое желание: от граждан к беженцам» документально доказывается, что в данном случае речь идет о преднамеренной попытке сионизма низвести целый народ, имеющий свою исторически сложившуюся национальную общность, на положение «беженцев» [37]. Сирийский историк А. Хобейчи подчеркивает, что обычно под термином «беженцы» подразумеваются люди, порвавшие с прошлым и решившие начать новую жизнь в новом окружении в другой стране [38]. Палестинские же беженцы — это в действительности изгнанники, насильственно лишенные родины.

Бедственные, унизительные условия существования палестинских изгнанников в палаточных лагерях и городских трущобах соседних с Палестиной арабских стран за счет мизерных пособий ООН требовали неотложного решения проблемы палестинских беженцев. Помощь ООН, осуществлявшаяся через БАПОР в какой-то степени способствовала решению гуманитарной стороны этой проблемы. Но она не могла заменить собой второй и при том главной ее стороны — политической, заключавшейся в непреклонном желании палестинцев вернуться к своим родным очагам. В декабре 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию № 194 (III), основанную на специальном докладе и рекомендациях посредника ООН Бернадотта, и гласившую, что «беженцам, желающим вернуться к своим очагам и мирной жизни со своими соседями, такая возможность должна быть предоставлена в кратчайший срок с оплатой компенсации за имущество тех, кто предпочтет не возвращаться, и за пропажу их имущества, которое должно быть компенсировано правительствами или властями в соответствии с принципами международного права или правом справедливости» [39].

Значение этой резолюции заключается главным образом в том, что она дала конкретное определение права палестинцев на мирное возвращение в свои жилища (право, вопрос о котором вплоть до сегодняшнего дня ежегодно ставится на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН). Со времени принятия резолюции № 194 (III) право палестинцев на репатриацию или получение ими компенсации подтверждалось неоднократно (более 20 раз). Регулярно этот высокий международный форум констатировал с «беспокойством», «серьезным беспокойством», «сожалением», «глубоким сожалением», что рекомендации ООН не выполня-

лись, и всякий раз правительство Израиля при молчаливом одобрении и согласии США категорически отвергало и саботировало решения ООН.

Палестинский историк Фаиз ас-Сайег в своей работе «Сионистская дипломатия» пишет, что «сионистские дипломатические маневры и методы вопиющим образом фальсифицируют документы, резолюции, соглашения...» [40]. Подтверждая свою мысль, автор указывает на то, что в то время, когда Всемирная сионистская организация заверяла Генеральную Ассамблею ООН в том, что она принимает план раздела и все пункты, содержащиеся в рекомендации Генеральной Ассамблеи — границы государства, обращение с живущими в нем арабскими жителями, интернационализация Иерусалима,— сионисты уже вели приготовления в тому, чтобы нарушить все эти пункты [41]. Бо́льшая часть территории, предназначенной для арабского палестинского государства, была де-факто поглощена Израилем путем оккупации и последующего распространения действия израильских законов на эту территорию как на его составную часть. Как только это было достигнуто, представители Израиля отказались от прежней тактики в отношении планов раздела и заявили, что этот план «мертв и что положение в Палестине будет определяться силой» [42]. Аналогичным образом израильское правительство поступило и с резолюцией ООН о праве беженцев на возвращение и компенсацию. В заявлении Политическому комитету ООН накануне принятия Израиля в члены этой международной организации его представитель заверял, что его страна будет соблюдать принципы Устава Организации Объединенных Наций и выполнять ее резолюции. Заметим, что в преамбуле резолюции о приеме Израиля в члены ООН от 10 мая 1949 г. содержалась специальная ссылка на меры, предпринимаемые Израилем, по выполнению резолюций № 181 (II) и 194 (III) — двух главных резолюций ООН по палестинскому вопросу. Но как только Израиль был принят в члены ООН, он немедленно нарушил принятые им торжественные обязательства, в частности категорически отказался выполнить резолюцию о праве беженцев на возвращение и компенсацию. «Мы,— откровенно заявил Бен-Гурион,— сделаем все возможное для того, чтобы они (палестинские беженцы) никогда не вернулись» [43].

Израиль захватил у палестинских арабов значительные материальные ценности. По оценке А. Хобейчи, «дохода в 5% от этой собственности было бы достаточно, чтобы обеспечить палестинским беженцам гораздо более высокий уровень жизни, чем скудная сумма в 0,07 доллара на человека, получаемая ими от ООН... Капитал в виде возделываемой земли, ферм, скота, машин и транспортных средств, похищенный израильтянами у палестинцев, оценивается в миллиарды долларов» [44]. Правящие круги Израиля считали допустимым осуществлять идеалы сионизма за счет коренного арабского населения Палестины путем присвоения его имущества. Израильские патрули без предупреждения расстреливали палестинских крестьян, пытавшихся вернуться на свои поля за линией перемирия, чтобы убрать урожай. Очень скоро многие палестинцы, переходившие эти линии для того, чтобы найти свой дом или родственников или для работы на своей земле, потеряли кого-нибудь из родных. Мирный путь возвращения палестинских изгнанников на свои земли, как к этому призывала резолюция № 194 (III) ГА ООН, был блокирован израильской армией.

Трагическая судьба сотен тысяч палестинских изгнанников и упорное противодействие израильских властей их возвращению в Палестину явились одним из источников постоянной и все возраставшей напряженности в арабо-израильских отношениях. Правительства арабских стран противопоставили сионистской политике территориальной экспансии юридическое непризнание и бойкот израильского государства, рассматривая его образование как форму иностранного вторжения и оккупации Палестины. В официальных арабских изданиях Израиль именовался «оккупированной частью Палестины», а палестинские арабы — «законными хозяевами и обитателями страны» [45]. Арабские государства, как это констатировал документ Согласительной комиссии для Палестины, созданной в январе 1949 г. в рамках посреднической миссии ООН из представителей Франции, Турции и США, продолжали придерживаться того мнения, что «первым шагом в урегулировании конфликта должно быть признание правительством Израиля принципа, изложенного в резолюции № 194 (III), относительно репатриации беженцев, желающих вернуться к себе домой и жить в мире со своими соседями» [46]. В том же документе отмечалось, что Комиссии не удалось добиться признания этого принципа правительством Израиля, что фактически блокировало ее работу.

Арабские государства, несмотря на негативное отношение к резолюции ООН, рекомендовавшей раздел Палестины, сотрудничали с Комиссией, так как видели в этом единственную надежду на решение вопросов о возвращении беженцев и уходе Израиля за линии раздела.

Правящие круги Израиля стремились вообще «закрыть» палестинскую проблему, «вычеркнув» арабский палестинский народ из политической реальности Ближнего Востока. Отрицая само существование палестинского народа, правительство Израиля и средства массовой информации в странах Запада пытались подменить палестинский аспект арабо-израильского конфликта рассуждениями о судьбе беженцев. Эти рассуждения велись главным образом вокруг идеи расселения палестинских беженцев в арабских странах и их «растворении» в местном населении. При этом вопрос о противоправности такого «решения» судьбы палестинских изгнанников и о том, хотят ли они сами этого или нет, даже не поднимался. С точки зрения сионистского руководства важно было лишь то, что соответствовало «еврейским интересам», поскольку давало возможность «закрыть»

палестинскую проблему, остальное не имело никакого значения. Однако мечта сионистов ассимилировать палестинцев во временно приютивших их арабских странах с самого начала была нереальной. Палестинцы, оторванные от привычного уклада жизни, столкнувшиеся с проблемой физического выживания в условиях изгнания и оккупации, жили лишь одним желанием: вернуться к родным очагам и землям, отнятым у них сионистскими колонизаторами. Они были привязаны к родной стране тысячами нитей и не хотели становиться ни сирийцами, ни египтянами. Никто из палестинцев, оказавшихся на чужбине, никогда не отождествлял себя с населением тех стран, которые временно стали для них убежищем от сионистской агрессии. Даже дети палестинцев, родившиеся в изгнании, говорят: «Я из Хайфы» или «Я из Яффы», выражая таким образом свою принадлежность к Палестине и свою палестинскую общность [47].

Несмотря на планомерную политику разрушения национальной общности палестинского народа, проводившуюся Израилем и сионизмом, палестинцы в национальном отношении оставались более однородным обществом по сравнению с еврейским ишувом Палестины и Израиля, который состоял из конгломерата людей, вырванных из различной социально-экономической среды тех стран, в которых они проживали до иммиграции в Израиль. Говорившие на разных языках, разделенные многочисленными этническими, национальными и психологическими барьерами, представители этого разноплеменного израильского общества могли бы с бóльшим основанием сказать: «Я из Берлина», или «Я из Варшавы», или «Я из Одессы», чем утверждать, что их родина — Палестина.

Непреклонная воля всех палестинских изгнанников к возвращению на родину постепенно выкристаллизовалась в главное требование и цель их борьбы. Это требование палестинского народа подкреплялось резолюциями ООН по палестинской проблеме № 181 (II) и № 194 (III), которые никогда не отменялись и, стало быть, оставались единственным основанием для решения палестинского аспекта арабо-израильского конфликта. Политическая сторона проблемы палестинских беженцев — право на репатриацию — в резолюции № 194 (III) была неразрывно связана с той частью резолюции № 181 (II), в которой речь шла о создании в Палестине арабского государства наряду с еврейским. Было очевидным, что без выполнения этих положений резолюций ООН было невозможно решить и такую важную, но все же чисто гуманитарную проблему, как проблема палестинских беженцев.

Представители социалистических стран неоднократно отмечали в ООН, что нерешенность проблемы палестинских беженцев является одной из причин затяжного характера арабо-израильского конфликта и общей напряженности в регионе Ближнего Востока. Так, например, в выступлении представителя Польской Народной Республики в Специальном политическом комитете ООН в отношении резолюции № 302 (IV) по вопросу о беженцах говорилось: «Политика Соединенного Королевства и впоследствии также и Соединенных Штатов ответственна за войну в Палестине, следовательно, обе эти державы, и в особенности Соединенные Штаты, несут в первую очередь ответственность за трагическое положение беженцев. До тех пор пока ООН не положит конец вмешательству империалистических держав в дела Среднего Востока, неизбежным следствием которого является проблема беженцев, последняя будет существовать как фактор в том общем положении, которое уже само по себе представляет серьезную угрозу делу мира» [48].

Однако усилия мирового сообщества, направленные на выполнение этих решений ООН по проблеме Палестины, всякий раз наталкивались на противодействие Израиля и Соединенных Штатов. Правительство Израиля категорически отвергало всякую идею возвращения палестинских изгнанников в пределы Палестины на каких бы то ни было условиях. Эта жесткая позиция Израиля, поддерживавшаяся Соединенными Штатами и их западными союзниками, явилась с самого начала арабо-израильского конфликта одним из основных препятствий на пути справедливого урегулирования проблемы Палестины, в том числе и проблемы палестинских беженцев.

Проблема Палестины в межарабских отношениях в 1948—1963 гг.

Нерешенность проблемы национального самоопределения арабского народа Палестины — стержневого аспекта арабо-израильского конфликта — и откровенно агрессивный курс правящих сионистских кругов Израиля в отношении соседних с ним арабских стран неизбежно отражались на всей системе международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Разумеется, острее всего воздействие палестинской проблемы сказывалось в арабском мире.

В странах арабского мира проблема Палестины стала национальной проблемой номер один. Правительства арабских государств во всех своих внешнеполитических программах в качестве одного из основных положений выдвигали пункт об освобождении Палестины от «сионистской оккупации» и возвращении палестинских изгнанников на родину. Настаивая на этих требованиях, они исходили не только из чувств солидарности и сострадания к судьбе палестинских арабов, но и все более возраставшей реальной угрозы их собственной национальной безопасности перед лицом экспансии сионизма и Израиля.

Вместе с тем влияние проблемы Палестины на международные отношения в арабском регионе Ближнего и Среднего Востока было далеко не однозначным. В одних случаях оно способствовало центростремительным тенденциям и укреплению араб-

ской солидарности и единства, а в других — наоборот, усиливало центробежные тенденции. Подобная противоречивость многократно наблюдалась еще до 1948 г., а в первые годы после палестинской войны и раздела Палестины она прослеживается с еще большей определенностью. Это выразилось, с одной стороны, в попытках арабских государств объединить свои усилия для отпора израильской агрессии и защиты прав палестинских арабов, а с другой — в не прекращавшемся соперничестве между ними в вопросах о дальнейшей судьбе Палестины. Военное поражение арабов в первой арабо-израильской войне 1948—1949 гг. явилось своего рода катализатором этой внутренней борьбы. «В новой ситуации, сложившейся после войны,— пишет в одной из своих работ, посвященной арабо-израильским отношениям и политике арабских государств в палестинском вопросе, видный американский исследователь-арабист М. Хадсон,— соглашения о перемирии между Израилем и арабскими странами заменили собой план раздела, предложенный ООН... Взяв на себя защиту арабской Палестины, правительства Египта, Трансиордании, Сирии и Ливана отчасти приняли обязательства и ответственность за оставшуюся территорию. Межобщинная борьба в Палестине в период мандата теперь трансформировалась в проблему межгосударственных отношений. Можно с уверенностью сказать, что арабские правительства желали сохранить для арабских жителей возможно бо́льшую часть Палестины, но два последующих десятилетия показали со всей очевидностью, особенно болезненно воспринимавшейся палестинскими арабами, что эти правительства не поставили задачу возвращения Палестины выше других своих интересов и обязательств» [49].

Непосредственной причиной, вызвавшей обострение межарабских отношений после заключения перемирия с Израилем, явились разногласия между Трансиорданией и остальными арабскими государствами в вопросе о судьбе той части Палестины, которая в ходе палестинской войны была оккупирована войсками государств — членов ЛАГ — Иордании, Египта, Ирака. Принимая решение о вводе войск арабских стран в Палестину, Лига исходила из того, что там будет создана гражданская администрация, подчиненная ЛАГ и не связанная ни с каким отдельным арабским государством [50]. С середины сентября 1948 г. в политических кругах и печати арабских стран стал открыто обсуждаться вопрос о создании самостоятельного палестинского правительства. 22 сентября того же года ЛАГ формально объявила о создании такого правительства в Газе во главе с Ахмедом Хильми-пашой. 30 сентября 1948 г. на заседании Палестинской арабской ассамблеи, созванной Высшим арабским комитетом Палестины под эгидой египетских военных властей, муфтий Амин аль-Хусейни был избран президентом Ассамблеи. В течение октября 1948 г. «газское правительство» было признано всеми членами Лиги арабских государств, кроме Иордании [51].

Образование палестинского правительства в Газе и его попытки распространить свое влияние на оккупированный иорданскими войсками район Западного берега р. Иордан (Восточную Палестину) встретили резкое противодействие короля Абдаллаха, давно стремившегося присоединить эту часть палестинской территории к Иордании. Включение Восточной Палестины в состав Иорданского королевства сулило Абдаллаху большие выгоды: получение контроля над важным стратегическим районом (Западный берег находится всего в 15 км от Средиземного моря), плодородные земли долины Иордана и значительные доходы от туризма. Кроме того, обладание Восточной Палестиной было бы важным шагом на пути к осуществлению давнего плана хашимитской династии — образования объединенного арабского государства — «Великой Сирии», в составе Палестины, Иордании, Сирии и Ливана. Эти устремления Абдаллаха не только полностью разделялись, но и поощрялись правительством Англии, санкционировавшим вступление Арабского легиона под командованием Глабб-паши в Восточную Палестину. Содействуя осуществлению экспансионистских планов иорданского монарха, английские правящие круги рассчитывали с помощью трансиорданских «союзников» сохранить свое влияние в части Палестины, а в случае успеха плана создания «Великой Сирии» и на Арабском Востоке в целом.

Подталкиваемые Англией, иорданские власти, в нарушение решений ЛАГ от 12 апреля 1948 г. о сохранении целостности Палестины и недопустимости включения в состав арабских государств каких-либо ее территорий, сразу же после оккупации Западного берега р. Иордан приступили к его «освоению» и «иорданизации». Прежде всего были отменены все таможенные барьеры между Иорданией и Восточной Палестиной и на все районы Западного берега распространено действие законов, регулирующих права и обязанности граждан; с 17 марта 1949 г. во всех областях Западного берега, занятых Арабским легионом, была введена гражданская администрация, а вскоре после заключения перемирия с Израилем (12 апреля 1949 г.) был опубликован королевский декрет о предоставлении иорданского гражданства любому палестинцу *.

11 апреля 1950 г. иорданские власти провели одновременно на территории Западного и Восточного берега р. Иордан выборы в единый парламент Иорданского королевства. А 23 апреля 1950 г. вновь избранный парламент на своей чрезвычайной сессии провозгласил единство Иордании и Восточной Палестины в составе единого Иорданского хашимитского королевства [52].

---

* В декрете говорилось, что «все лица, проживавшие к моменту опубликования декрета в Иордании или же на Западном берегу р. Иордан... и обладающие палестинским гражданством, считаются приобретшими иорданское гражданство и пользуются, таким образом, всеми правами иорданцев и несут все вытекающие отсюда для них обязанности (Документ ООН. A/271, с. 54).

Оправдывая присоединение Восточной Палестины (Западного берега р. Иордан) к Иорданскому хашимитскому королевству, некоторые иорданские авторы и представители официальных кругов обычно ссылаются на резолюции, принятые на собраниях палестинских представителей в Наблусе, Иерихоне, Аммане в пользу объединения Западного берега с Иорданией [53]. Однако при этом они замалчивают тот факт, что эти представители выбирались не палестинским народом, а состояли главным образом из лиц, специально подобранных и назначенных иорданскими властями. Объединение Восточной Палестины с Иорданией было декретировано «сверху» королевским режимом и осуществлено в условиях оккупации, без свободного волеизъявления масс палестинцев. Как отмечает Э. Тума, палестинцы протестовали против «иорданизации» Западного берега и действий иорданских властей. Комитет сопротивления миру с Израилем распространял в лагерях беженцев и городах Западного берега листовки, разоблачавшие действия арабских лидеров, особенно короля Абдаллаха, сотрудничавшего с израильскими правителями [54]. Палестинские представители в иорданском парламенте Анвар Нусейби и Халуси аль-Хеир на сессии, созванной 7 мая 1950 г., требовали отложить присоединение Восточной Палестины к Иордании и пересмотреть конституцию, аннулировать Родосские соглашения о перемирии с Израилем, устранить из иорданской армии английских офицеров, ограничить полномочия короля [55]. Эти выступления явились одной из причин роспуска в январе 1951 г. иорданского парламента. 20 июля 1951 г. было совершено покушение на короля Абдаллаха, которого палестинские националисты считали главным виновником саботажа общеарабской борьбы против Израиля. У входа в соборную мечеть в Иерусалиме король был убит выстрелами из револьвера двадцатилетним палестинцем Мустафой аль-Ашу, связанным с действовавшей под руководством Амина аль-Хусейни религиозной исламской организации «Аль-Джихад аль-Мукаддас» («Священная война»).

Однако из-за разобщенности и деморализованности большей части палестинского населения Западного берега и Иордании, состоявшего в основном из беженцев, отсутствия единства среди прогрессивных сил арабских стран, влияния обработки иорданскими властями палестинских арабов в пользу объединения с Иорданией сопротивление народных масс аннексионистской политике Абдаллаха не смогло тогда помешать присоединению палестинских земель Западного берега к иорданскому королевству. Общее соотношение сил на Западном берегу и в Иордании в тот период было в пользу иорданской монархии, опиравшейся в своих притязаниях на Западный берег на поддержку Англии, поспешившей официально поддержать эту акцию. Официальное заявление об этом было сделано 27 апреля 1950 г., т. е. на третий день после провозглашения решений иорданского парламента о создании объединенного Иорданского хашимитского королевства. В меморандуме английского правительства говорилось, что оно считает создание объединенного королевства юридическим обоснованием для распространения положений англо-иорданского договора 1948 г. на Восточную Палестину. Позиция Англии была одобрена и другими западными державами, заявившими в опубликованной тройственной декларации США, Англии и Франции от 25 мая 1950 г. «о гарантиях» существовавших тогда границ и линий перемирия на Арабском Востоке [56].

В политических кругах арабских стран действия Иордании вызвали совершенно иную реакцию. Политический комитет Лиги арабских государств на своем заседании 13 апреля 1950 г. подтвердил резолюцию от 12 апреля, которая обязывала всех членов ЛАГ сохранять целостность Палестины и не включать в состав своих территорий каких-либо ее частей.

Игнорирование королем Иордании Абдаллахом предостережений ЛАГ и присоединение Восточной Палестины к Иордании вызвали в Лиге глубокий кризис, поставив ее на грань раскола. По инициативе Египта был поставлен вопрос об исключении Иордании из ЛАГ, обсуждавшийся на заседании ее политического комитета. Однако давление США и Англии, послы которых в Каире «рекомендовали» египетскому правительству воздержаться от этого шага, маневры Иордании, заявившей, будто объединение Восточной Палестины с Иорданией является временной мерой и не означает окончательного решения палестинской проблемы, а также противоречия в самой Лиге не позволили ей принять окончательное решение. Дело кончилось принятием компромиссной резолюции, в которой присоединение арабской Палестины к Иордании рассматривалось как временная мера, не влиявшая на будущее решение об окончательном статусе Палестины [57]. Заметим здесь, что другой район Палестины — сектор Газа, управлявшийся со времени палестинской войны египетской военной администрацией, также не имел постоянного политического статуса и формально находился под временным управлением Египта впредь до окончательного решения палестинской проблемы.

Для понимания роли палестинской проблемы в региональных международных отношениях необходимо учитывать сложный характер межарабских отношений, существование между арабскими странами целого ряда противоречий, затруднявших выработку ими общей позиции по ряду узловых вопросов общеарабской политики, в том числе и по вопросу о Палестине. Каковы же причины этих разногласий между арабскими странами, являются ли они следствием национальных социально-экономических и политических особенностей развития и положения отдельных арабских стран? Отчасти да. При всей общности языка, религии, культуры и исторических судеб арабских народов арабский мир неоднороден. Многие столетия чужеземного гнета и феодальной обособленности породили его раздробленность, возникновение существенных различий между отдельными его

частями. Почти в каждой арабской стране наряду с чертами, общими для всего арабского мира, есть и местные особенности. Однако в последние пять-шесть десятилетий главным препятствием на пути к преодолению этой раздробленности стала колониальная политика западных держав, проводившаяся по принципу «разделяй и властвуй», политика разжигания феодального, религиозного, племенного сепаратизма, вражды правящих кланов и соперничавших друг с другом религиозных сект и общин. «Вся система империалистического господства над арабскими народами,— говорилось в резолюции, принятой на конференции коммунистических партий Сирии и Палестины в 1931 г.,— основывается не только на их непосредственном закабалении и порабощении, но также и на том, что они произвольно рассечены на части по указке мирового империализма. Этот раздел... находится в самом вопиющем противоречии с жизненными интересами арабских народов... империализм растерзал на куски живое тело арабских народов, держит в состоянии феодальной раздробленности арабские страны, лишает каждую страну в отдельности предпосылок самостоятельного развития, препятствует национально-государственному объединению арабских народов» [58].

Характеристика империалистической сущности политики западных держав, изложенная в этом документе почти шестьдесят лет назад, не утратила своей актуальности и в послевоенный период, когда в условиях распада колониальной системы западные державы шли на все, чтобы не допустить единства арабов. В то время, когда разобщенность арабского мира, связанная с феодальным характером общества, постепенно отживала, когда все шире распространялись идеи арабского единства, правящие круги Англии, Франции и США были вынуждены искать новые способы втягивания арабов в междоусобную борьбу. Естественное стремление арабских народов к объединению своих усилий они пытались использовать для вовлечения арабских стран в различного рода империалистические блоки и союзы, такие, как «Великая Сирия» или «Благодатный полумесяц» (союз Ирака и Сирии), так называемое Средневосточное командование или Багдадский пакт. Особое место в неоколониалистской политике Запада в арабском мире занимают сионизм и Израиль. Причем они использовались не только в качестве орудия подавления арабского национально-освободительного движения, но и косвенно — путем подталкивания отдельных наиболее близких и тесно связанных с западными державами арабских стран к сепаратному сговору с сионистским Израилем и блокирования справедливого решения палестинской проблемы. Как показали действия Иордании в 1949—1959 гг., эта тактика западных держав в определенной степени достигала своей цели, обостряя отношения между арабскими странами и затрудняя их совместные поиски решения проблемы Палестины. Однако какими бы сложными и нередко напряженными ни были межарабские отноше-

ния, проблема Палестины и судьба ее народа служили постоянным импульсом для объединения национально-патриотических сил арабского мира, под давлением которых правящие круги были вынуждены поддерживать требование об освобождении Палестины, рассматривая его как первоочередное общеарабское дело.

Разумеется, соотношение и степень воздействия проблемы Палестины на центробежные и центростремительные тенденции в межарабских отношениях, равно как и влияние обратной связи — позиций арабских стран на политическую эволюцию палестинской проблемы, никогда не были статичными: их влияние всегда находилось в прямой связи с происходившими в арабском мире социально-политическими процессами, с изменениями в соотношении политических и классовых сил в отдельных арабских странах и арабском национально-освободительном движении в целом, в том числе и палестинском. Наиболее наглядным выражением тесной взаимосвязи и взаимодействия этих тенденций с палестинской проблемой явилось развитие событий и международных отношений в арабском мире в середине и в конце 50-х годов, когда после некоторого спада в 1948—1951 гг. в результате арабо-израильской войны 1948—1949 гг. наметился процесс постепенного возрождения палестинского национально-освободительного движения. Важным стимулом этого процесса явилась победа антимонархической революции в Египте 23 июля 1952 г. и вызванный этим событием общий подъем антиимпериалистической борьбы арабских народов [59].

Провозглашенные лидером египетской революции 23 июля 1952 г. Гамалем Абдель Насером основные принципы арабского национализма и арабского единства на антиимпериалистической, антифеодальной основе были с энтузиазмом встречены всеми палестинцами, особенно людьми нового поколения, только выходившего на политическую арену. Наиболее активной частью этого поколения являлась палестинская интеллигенция: студенты, учащиеся, учителя, врачи, журналисты, техники, инженеры, предприниматели, в своем большинстве выходцы из мелкобуржуазных и «средних» слоев палестинского общества. Многие из этих молодых палестинцев, оказавшихся на положении изгнанников в Газе, на Западном берегу, в Иордании и других частях арабского мира, увидели в призыве Насера к арабскому единству знамя и путь к освобождению Палестины. Это убеждение подкреплялось реальной поддержкой, которую начало оказывать правительство Насера палестинским националистам, разрешив многим молодым палестинцам получить образование в учебных заведениях Египта и вступить на службу в египетскую армию. В середине 50-х годов при содействии египетских властей в секторе Газа были сформированы первые группы палестинских партизан-фидаев (т. е. «жертвующих собой»). Группы фидаев участвовали в отражении налета израильской армии на Газу в феврале 1955 г., а в октябре 1956 г. в

составе египетской армии в боях против израильских войск, оккупировавших сектор Газа и Синайский полуостров. Хотя операции и рейды палестинских фидаев носили ограниченный характер, они посеяли семена сопротивления, послужили примером конкретных действий для остальных палестинцев. В сущности, с операции палестинских фидаев в Газе начался процесс возрождения национально-освободительного движения палестинского народа в форме движения вооруженного сопротивления израильской оккупации [60].

На Западном берегу и в Иордании этот процесс протекал в иной форме. Если в Газе он сопровождался возникновением первых чисто палестинских вооруженных групп сопротивления — фидаев, то на Западном берегу антиизраильские настроения палестинских масс и рост их политической активности в 1952—1956 гг. проявлялись преимущественно в опосредованной форме, через участие в общедемократическом движении, направленном прежде всего к демократизации общественно-политической жизни Иордании и к ее сближению с Египтом, Сирией и другими арабскими странами, выступавшими за арабское единство. Передовая часть палестинской интеллигенции на Западном берегу и в самой Иордании принимала активное участие в деятельности ряда иорданских партий и организаций антиимпериалистической ориентации: Национально-социалистической партии, Движения арабских националистов (ДАН), иорданского филиала Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), Коммунистической партии Иордании. Массовые выступления палестинского населения в Наблусе, Иерусалиме, Хевроне, Рамаллахе и других городах Западного берега в поддержку требований Национального фронта в 1954—1955 гг. сыграли важную роль в общем подъеме демократического движения в Иордании в те годы и приходе к власти в октябре 1955 г. правительства Сулеймана ан-Набулси. Это правительство, выражавшее интересы прогрессивного крыла буржуазии в Национально-социалистической партии, взяло курс на сближение с Египтом и Сирией, на укрепление общеарабского фронта сопротивления израильской агрессии. О влиянии палестинских арабов Западного берега в политической жизни Иордании в те годы говорит следующий примечательный факт: представители Западного берега в правительстве ан-Набулси получили больше министерских портфелей, чем выходцы из заиорданских районов [61].

В 50-х годах идея о том, что единственный реальный «путь к освобождению Палестины лежит через арабское единство», разделялась большинством палестинцев не только в Газе, Западном берегу и Иордании — районах их наибольшей концентрации, но и во многих других странах Арабского Востока: Ливане, Египте, Сирии, Ираке, Алжире, Кувейте. Это подтверждалось активным участием палестинцев, живших в изгнании в этих странах, в деятельности самых различных партий и организаций, выступавших в поддержку идеи арабского единства,

таких, например, как ПАСВ или ДАН: «На протяжении 50-х годов — отмечает группа американских авторов,— палестинцы, жившие в изгнании от Бейрута до Кувейта, превратили дело Палестины в центр политических движений, охвативших все арабские страны. В 1953 г. Жорж Хабаш, палестинский врач из Лидды, основал в Бейруте организацию Движение арабских националистов, которая агитировала за единство арабов, звала на борьбу против западного империализма и сионизма» [62].

Постепенное нарастание политической активности палестинцев в Газе, на Западном берегу, Египте, Иордании, Ливане, Сирии и других частях арабского мира привело в конце 50-х годов к возникновению не только военных ячеек фидаев, но и новых политических организаций. Самым значительным событием в этом плане явилось основание организации Движение за освобождение Палестины, или Палестинское национально-освободительное движение, обычно называемой Фатх. Инициатором создания организации Фатх была группа из 12 молодых палестинцев — активистов студенческих организаций, возникшая в Газе в ноябре 1956 г. в период оккупации этого района израильской армией. Наиболее известными среди них были Ясир Арафат, Салах Халаф и Халил аль-Вазир. В 1958 г. инициаторы газского кружка перебрались в Кувейт, где вместе с присоединившимися к ним Фаруком аль-Каддуми, Халедом аль-Хасаном, Камалем Адваном и Мухаммедом Юсефом ан-Наджаром основали Фатх. В 1959 г. в печатном органе Фатха газете «Филастынуна» («Наша Палестина») основатели Фатха изложили главную цель новой политической организации: добиваться освобождения Палестины путем развертывания вооруженной народной борьбы. Не умаляя значения арабской солидарности и единства, они считали тем не менее что освобождение Палестины должно быть прежде всего делом рук самих палестинцев и начаться с подготовки и развертывания вооруженного движения сопротивления, которое не зависело бы от какого-либо арабского правительства. «Только палестинец,— писала „Филастынуна“ 15 апреля 1963 г.,— полон решимости отказаться от всех колониалистских (компромиссных) планов... Он твердо уверен, что только путем вооруженной борьбы можно вернуться (в Палестину)... Он не желает, чтобы (арабские правительства) более связывали его...» [63].

Призывая палестинцев выходить из других арабских организаций и создавать независимое палестинское движение, к народной вооруженной борьбе за освобождение Палестины, лидеры Фатха полагали, что подобно тому, как это имело место в Алжире и на Кубе, военные действия небольших партизанских отрядов поднимут широкие массы палестинских беженцев на вооруженную борьбу, которая, в свою очередь, встретит поддержку общественного мнения и всех патриотических сил во всех арабских странах и побудит арабские правительства выступить против Израиля.

В первое время Фатх представлял собой лишь горстку энтузиастов. Многие палестинцы в конце 50-х годов еще верили в то, что Насер объединит арабские народы и освободит Палестину. (Этому в немалой степени способствовало объединение 1 февраля 1958 г. Сирии и Египта в одно государство — Объединенную Арабскую Республику.) Поэтому приверженцы арабского единства, в том числе и среди палестинцев, на первых порах восприняли призыв к созданию независимой, чисто палестинской организации как отклонение от общеарабского национализма, как проявление местного «регионализма» («иклимийя»), несовместимого с целями арабского единства. Тем не менее на рубеже 50—60-х годов в Кувейте, в Газе, на Западном берегу, Иордании, Сирии и некоторых арабских княжествах Персидского залива появились первые ячейки Фатха. В 1962 г. Фатх приступил к формированию своей военной ветви — вооруженных отрядов — «Аль-Асифа» («Буря»). По примеру Фатха начали создавать свои собственные партизанские организации Движение арабских националистов и другие группы, набирая людей из числа студентов, рабочих, беженцев [64].

Два события в арабском мире заметно повысили внимание палестинцев к идее освобождения Палестины, заставив их полагаться прежде всего на свои собственные силы. Одним из таких событий был выход Сирии 28 сентября 1961 г. из Объединенной Арабской Республики — высшего проявления арабского национализма и единства, которому были преданы ранее палестинские активисты; другим — завоевание независимости Алжиром 2 июля 1962 г. в результате длительной и жестокой вооруженной освободительной борьбы. Эти события показали, что арабское единство — вовсе не в каждом случае является обязательной предпосылкой освобождения.

Несмотря на ограниченные возможности деятельности активистов Фатха, протекавшей в нелегальных условиях, сам по себе факт появления этой организации отразил важный качественный сдвиг в палестинском национально-освободительном движении. «Впервые,— отмечал в связи с этим алжирский автор Л. Брахими,— палестинская организация выступила как только палестинская и с исключительно палестинскими целями, что было совершенно не ортодоксально и поэтому революционно» [65].

Однако как раз та «неортодоксальность и революционность», о которой пишет Л. Брахими, была одной из причин того, что сторонникам Фатха и других палестинских групп сопротивления не только не помогали, а наоборот, их преследовали [66]. «Само упоминание о фидаях,— отмечает группа американских авторов,— вызывало опасения не только у израильтян, но и у иных арабских лидеров, которые использовали палестинцев лишь в своих интересах, оспаривая между собой их расположение. Никто из них (арабских лидеров) не хотел существования независимого палестинского движения» [67].

Становлению независимого палестинского движения сопро-

тивления более всего препятствовали правящие круги арабских феодально-монархических режимов. В Иордании, например, власти стремились подавить в зародыше всякую инициативу народной вооруженной борьбы против Израиля, к которой призывали лидеры Фатха. Противясь в принципе каким-либо проявлениям самостоятельной организации палестинского сопротивления на Западном берегу и в самой Иордании, они всякий раз пресекали попытки фидаев совершать рейды против Израиля с территории Иордании. Особенно жесткое противодействие фидаям и сторонникам Фатха в Иордании объяснялось главным образом двумя причинами: вероятностью ответных мер Израиля против Иордании под предлогом «обезвреживания» фидаев и опасениями потери иорданским режимом контроля над Западным берегом, служившим для него одним из основных источников дохода. В своей политике оппозиции и подавления возрождавшегося Палестинского движения сопротивления феодально-монархические круги Иордании использовали довольно значительную прослойку крупной палестинской буржуазии и помещиков, занимавшую влиятельное положение в обществе и поэтому так же, как и королевское правительство выступавшую против «специфически палестинского национализма». К этой прослойке относились и мэры некоторых городов Западного берега того периода, представлявшие крупные родовые кланы, например мэр Наблуса — шейх Мухаммед Хамди Канаан, шейх Али аль-Джаабари из Хеброна, шейх Сулейман аль-Таджи аль-Фаруки, бывшие министры Абд аль-Хади, Муса Насыр, ан-Нусейби и некоторые другие. Среди этих представителей палестинской знати, осевшей в Иордании в 40-х годах, сложилась довольно значительная проиорданская группировка палестинцев, на которую опиралось иорданское правительство в своей борьбе за обладание Западным берегом. (Впоследствии в период израильской оккупации как раз из числа этих элементов израильские оккупационные власти пытались вербовать коллаборационистов.)

С иных позиций подходили к палестинскому движению сопротивления руководители Египта и некоторых других арабских стран с прогрессивными режимами. Для Египта, в отличие от Иордании, часть контролируемой им палестинской территории в секторе Газа не представляла решающего значения для определения своего отношения к ПДС. Египетское руководство во главе с президентом Насером стремилось превратить Газу в плацдарм своего влияния на палестинское население в Газе и на Западном берегу. Не признавая официально Фатх и другие организации палестинского сопротивления, оно в то же время не чинило препятствий для действий фидаев, а в отдельные периоды (в 1956—1957 гг.) даже оказывало им помощь. Свое содействие силам палестинского сопротивления в Газе правительство Насера использовало главным образом для усиления своего внешнеполитического влияния и лидерства в арабском мире, демонстрируя перед всеми арабами свою приверженность обще-

арабскому делу освобождения Палестины. В плане такой политики 10 марта 1962 г. специальным декретом президента Насера была провозглашена конституция для сектора Газа как неотъемлемой части Палестины [68]. В конституции говорилось, что «палестинцы в секторе Газа образуют Национальный союз, который объединяет всех палестинцев, где бы они ни находились. Его высшей целью является объединение усилий за возвращение отторгнутой у палестинцев земли и осуществление миссии арабского национализма» [69]. При жизни Насера египетское руководство неоднократно подчеркивало в своих официальных высказываниях, что Газа, сохранившая чисто палестинский уклад жизни и быта, даже палестинский флаг,— это прообраз будущей Палестины [70]. Поддерживая идею объединения палестинцев Газы, Западного берега и других частей палестинской территории в единый национальный союз, египетское руководство объективно способствовало превращению Газы в 1957—1964 гг. в основной центр сосредоточения сил палестинского сопротивления и в то же время сохраняло контроль над ним, ограничивая влияние Фатха.

В начале 60-х годов, когда палестинское движение сопротивления уже нельзя было просто игнорировать, вопрос об отношении к нему стал одним из немаловажных пунктов внешней политики арабских государств, связанных с общим комплексом вопросов арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы. Этот вопрос был предметом обсуждений и дискуссий ряда двухсторонних и многосторонних встреч официальных арабских представителей в ЛАГ. Эти встречи и совещания показали, что, несмотря на все различия в подходе отдельных арабских правительств к палестинскому движению сопротивления и к решению проблемы Палестины в целом, у руководителей этих стран существовала общая заинтересованность в том, чтобы удержать движение сопротивления под своим контролем. Подтверждением этого явилась инициатива некоторых арабских стран в деле создания определенной формы палестинской организации при Лиге арабских государств и ее представительства в Лиге. Впервые с такого рода инициативой выступил на 40-й сессии Лиги арабских государств в 1962 г. делегат Ирака, предложивший назначить официального представителя палестинцев в Лиге арабских государств, а также восстановить в Газе и на Западном берегу р. Иордан палестинскую государственность. В январе 1964 г. на первом совещании глав арабских государств в Каире президент Египта Насер внес предложение «предоставить арабскому палестинскому народу право и возможность взять на себя ответственность за свое национальное дело и освобождение Палестины» [71]. Это предложение было поддержано участниками совещания, принявшего решение создать Организацию освобождения Палестины.

Принятое Каирским совещанием глав арабских государств решение о создании Организации освобождения Палестины

(ООП) явилось, таким образом, итогом развития двух различных по своей направленности тенденций: возрождения в форме палестинского сопротивления палестинского национально-освободительного движения, с одной стороны, и стремления руководителей арабских стран, «принявших на себя ответственность за судьбу Палестины и палестинцев», сохранить свое влияние над этим движением — с другой. Эта особенность возникновения Организации освобождения Палестины во многом предопределила трудности ее становления как представителя интересов всего палестинского народа на первом этапе ее деятельности.

СТАНОВЛЕНИЕ ПАЛЕСТИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ И ЕГО МЕСТО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ в 1964—1974 гг.

Одобрение Каирским совещанием глав арабских государств в январе 1964 г. рекомендаций о создании палестинской организации, ответственной за дело освобождения Палестины, явилось первой крупной акцией стран — членов Лиги арабских государств в отношении палестинской проблемы со времени заключения в 1949 г. соглашений о перемирии с Израилем. Столь ответственный коллективный шаг, несомненно, свидетельствовал о возрастании роли палестинского фактора в межарабских отношениях в начале и середине 60-х годов, чему в немалой степени способствовало новое обострение арабо-израильских противоречий. Оно было вызвано главным образом односторонним решением израильского правительства отвести часть водостока р. Иордан, бассейн которой находится на землях Иордании, Сирии и Ливана, на израильскую территорию. Угроза Израиля осуществить к лету 1964 г. проект Иордан — Негев, предусматривавший перекачивание примерно 320 млн. куб. м воды в год из Иордана по трубопроводу на расстояние 176—248 км в пустыню Негев, поддержанный заявлениями официальных лиц США о готовности оказать Израилю в этом помощь, взбудоражил арабский мир. В качестве ответной политической меры и была созвана по инициативе президента Насера конференция глав арабских государств в Каире (13—16 января 1964 г.). Призывая руководителей арабских стран к коллективным усилиям, направленным на разработку совместного арабского проекта использования вод Иордана, президент Насер подчеркивал в своем выступлении незадолго до совещания (23 декабря 1963 г.), что «битва за реку Иордан есть часть битвы за Палестину» [1].

Другим существенным фактором, способствовавшим возрастанию роли палестинской проблемы в межарабских отношениях в начале 60-х годов, были важные перемены в арабском национально-освободительном движении, характеризовавшиеся вступлением ряда основных его отрядов (например, Египта, Сирии, Алжира) в качественно новый этап развития. Перед ними встали такие задачи, как национализация иностранного и местного крупного частного капитала, образование государственного сектора экономики, осуществление аграрной реформы, демократизация государственного аппарата и политической жизни [2]. Углубление национально-освободительных процессов в арабском мире, все более приобретавших социальное содержание, сопровождалось размежеванием политических сил. В 60-х годах в развитии «арабской революции» более четко, чем в 50-х, обозначилось два основных направления. Первое — революционно-демократическое, представленное группой арабских государств с прогрессивными режимами. Его представители выступали за полное освобождение всей «арабской родины» от господства империализма и установление в той или иной форме арабского единства на антиимпериалистической основе, за политику неприсоединения, за принципы мирного сосуществования и сотрудничества со всеми странами, в том числе социалистическими. Второе направление можно охарактеризовать как консервативное. Его придерживалась группа государств прозападной ориентации с феодально-монархическими режимами, которые подходили к ключевым вопросам арабской и международной политики с позиций феодально-монархического национализма и оказывали упорное сопротивление прогрессивным социальным переменам в арабском мире.

Указывая на размежевание социально-политических сил в арабском мире по мере углубления национально-освободительных революций, палестинские коммунисты подчеркивали в своих документах, что появление специфически «особенного» в развитии группы стран первого направления не было внезапным. Оно представляло собой «объективный процесс, оформившийся в ходе борьбы за социальный прогресс, служивший примером для других арабских стран, народы которых еще не достигли этого этапа в своей борьбе» [3]. «„Общее“ в арабском национально-освободительном движении,— говорилось в Программе Палестинской коммунистической партии,— утверждало себя наряду с „особенным“ в лозунге арабского единства... Однако оба этих фактора — „общее“ и „особенное“ находятся в диалектическом единстве и взаимодействии. Переход от „общего“ к „особенному“ вовсе не означает исчезновения или обособленности тех отрядов, в деятельности которых это „особенное“ проявилось. Вернее будет сказать, что те отряды национально-освободительного движения, в которых проявилось „особенное“ объективное развитие, наиболее эффективно из всех находящихся у власти отрядов служили на пользу общему делу; они вели борьбу за упрочение политических, экономических завоеваний, против сил империализма, сионизма, реакции, стремящихся к ликвидации этих завоеваний... Появление такой реальности в арабском национально-освободительном движении, т. е. возрастание „особенного“ за счет „общего“, вызвало необходимость возникновения палестинского национального движения, организационно отличающегося от других отрядов арабского национально-освободительного движения» [4].

Необходимость создания независимой палестинской органи-

зации, которая начала «стихийно» складываться еще до арабского совещания в верхах в Каире, диктовалась общей для палестинского и арабского национально-освободительного движения задачей отражения израильской агрессии. Понимая это, лидеры прогрессивных арабских стран, в частности президент Египта Г. А. Насер, видели в «организационном оформлении» палестинского движения под эгидой ЛАГ один из стержневых элементов образования общеарабского фронта борьбы против экспансионистской политики Израиля. «Мы можем расценивать стремление Г. А. Насера создать Организацию освобождения Палестины,— заявлял впоследствии руководитель Демократического фронта освобождения Палестины Н. Хаватме,— не как его стремление отмежеваться от национальной (т. е. от общеарабской) роли, но скорее как воплощение его концепции диалектического и динамического союза между специфической ролью палестинского народа в его борьбе против Израиля и его ролью в рамках общенациональной (т. е. общеарабской) борьбы» [5].

Образование Организации освобождения Палестины и формирование палестинских общественно-политических институтов

28 мая 1964 г. в восточной (арабской) части Иерусалима собрался общепалестинский Национальный конгресс, который провозгласил созыв первой сессии Национального совета Палестины (НСП). В ее работе участвовало 422 делегата, представлявшие все палестинские общины в странах арабского мира, отобранные специальными подготовительными комитетами; в работе сессии приняли также участие делегации 12 арабских стран и генеральный секретарь ЛАГ. Более половины всех делегатов — 242 человека (50,2%) были представителями самой крупной палестинской общины — Иордании и Западного берега, 46 делегатов прибыли из сектора Газа, 29 — из Ливана, 20 — из Сирии, 20 — из Кувейта, 17 — из Алжира, 10 — из Ливии, 8 — из княжеств Персидского залива, 6 — из Египта, 3 —из Ирака, остальные были делегированы палестинцами, находившимися в эмиграции вне арабских стран, в том числе в странах Европы и Америки [6]. В пропорциональном отношении представительство делегатов первого состава НСП примерно соответствовало численности палестинских общин в разных частях арабского мира (см. Приложение).

Однако в социальном плане это представительство выглядело далеко не однородным. Арабский исследователь А. Абдель Рахман отмечал, что членами первого совета НСП были преимущественно «известные палестинские деятели... официальные лица, занимавшие выборные должности, представители интеллигенции и бизнесмены, выходцы из „средних слоев буржуазии“». Среди них, указывает далее Абдель Рахман, «были палестинцы — члены иорданского парламента и парламента сектора Газа, мэры городов и председатели городских и сельских советов, религиозные деятели, ученые, юристы, врачи, инженеры, финансисты... Для придания совету „сбалансированного характера“ в него были включены фермеры, рабочие, представители лагерей беженцев, а также студенческих и женских организаций» [7]. Из всего состава первого Национального совета Палестины на долю последней категории приходилось лишь 22 человека [8]. Остальные, т. е. преобладающее большинство, являлись представителями состоятельных, привилегированных слоев палестинского общества, занимавшие в то время высокие посты в арабских странах и придерживавшиеся за малым исключением консервативных взглядов.

1 июня 1964 г. на своем заключительном заседании первая сессия НСП официально провозгласила создание Организации освобождения Палестины, утвердила состав Исполкома ООП и приняла основные документы: Национальную хартию и Устав, а также резолюции, предусматривавшие создание инфраструктуры палестинского общества в различных областях: политической, военной, административной и финансовой [9]. Вскоре после этого события Организация освобождения Палестины была признана всеми арабскими государствами, которые в специальном заявлении на втором совещании глав правительств в сентябре 1964 г. в Александрии одобрили создание ООП «как основы палестинского общества» [10].

Преобладание в первом составе НСП выходцев из состоятельных слоев буржуазии наложило свой отпечаток на общее направление начального периода его деятельности (1964—1967), а также на характер утвержденных Советом программных документов — Национальной хартии и Устава.

В Национальной хартии говорилось, что «Палестина — это арабская родина, скрепленная национальными связями с остальными арабскими странами, образующими вместе с ней великое арабское отечество... Арабский палестинский народ имеет законное право на свою родину и определение своей судьбы по своему усмотрению и свободному волеизъявлению... Арабский палестинский народ является частью арабской нации... Палестинская индивидуальность является постоянной и неотчуждаемой. Она передается от родителей к детям. Палестинцы — это те арабские граждане, которые жили в Палестине до 1947 г., где они остались или откуда были изгнаны. Каждый ребенок, родившийся после этого у родителя-палестинца в Палестине или вне ее, также является палестинцем. Евреи палестинского происхождения будут считаться палестинцами, если они согласны жить в Палестине мирно и лояльно» [11].

В Хартии провозглашалось, что все палестинцы являются «естественными членами Организации освобождения Палестины» и палестинский народ составляет основу этой организации. В ней указывалось, что ООП несет ответственность за действия

палестинского народа, представляя его национальные интересы на арабском и международном уровнях; все палестинцы составляют единый национальный фронт; вооруженная борьба — единственный путь к освобождению Палестины. «Арабское единство и освобождение Палестины — это две взаимосвязанные цели: достижение каждой из них подготавливает осуществление другой, т. е. арабское единство ведет к освобождению Палестины, а оно, в свою очередь, к арабскому единству. Борьба должна вестись за обе цели» [12].

В хартии наряду с бесспорными положениями содержались отдельные статьи, отражавшие крайне националистические взгляды ее авторов. Так, справедливо осуждая сионизм как движение «империалистическое по своей природе и захватническое по своим целям», хартия в то же время игнорировала новые реальности, сложившиеся к тому времени в Палестине — еврейскую общину (ишув) и государство Израиль. И хотя подобный подход, безусловно, был порожден реакцией палестинцев на сионистскую колонизацию и создание на территории Палестины государства Израиль, он тем не менее не мог не вести к разобщению антиимпериалистических сил и общего фронта борьбы против неоколониалистской политики западных держав. Более того, такая позиция служила израильским и западным средствам массовой информации поводом для оправдания экспансионистской политики Израиля.

С образованием и деятельностью Организации освобождения Палестины было тесно связано и формирование основных общественно-политических институтов палестинского общества в изгнании. Последние включали различные учреждения, действующие в политической, административной, военной, экономической, культурной и социальной областях.

Самым важным из этих учреждений является Национальный совет Палестины (НСП) — высший орган власти, формирующий политику и программу действий ООП и выполняющий функции палестинского парламента в изгнании. Его члены избираются сроком на три года. Общее число членов НСП, избранных на его XVIII сессии в апреле 1987 г., составляет 426 человек. В НСП представлены следующие силы: военно-политические организации, народные организации (союзы), представители палестинских землячеств, включая лагеря беженцев и бедуинов, «независимые» (отдельные политические и общественные деятели, не входящие в какие-либо военно-политические организации), Армия освобождения Палестины. Учитывая распыленность палестинцев, живущих на оккупированных территориях и за пределами Палестины в соседних арабских странах, пропорциональное представительство членов Национального совета строится по географическому, политическому и административному принципу.

НСП должен собираться на свои регулярные сессии ежегодно по решению или требованию своего председателя. На своих

регулярных сессиях НСП рассматривает доклад Исполкома о деятельности ООП и ее органов, доклад Палестинского национального фонда и бюджет ООП, рекомендации различных комитетов НСП и любые другие вопросы, представленные на его рассмотрение. Кворум составляет две трети членов совета, решения принимаются простым большинством.

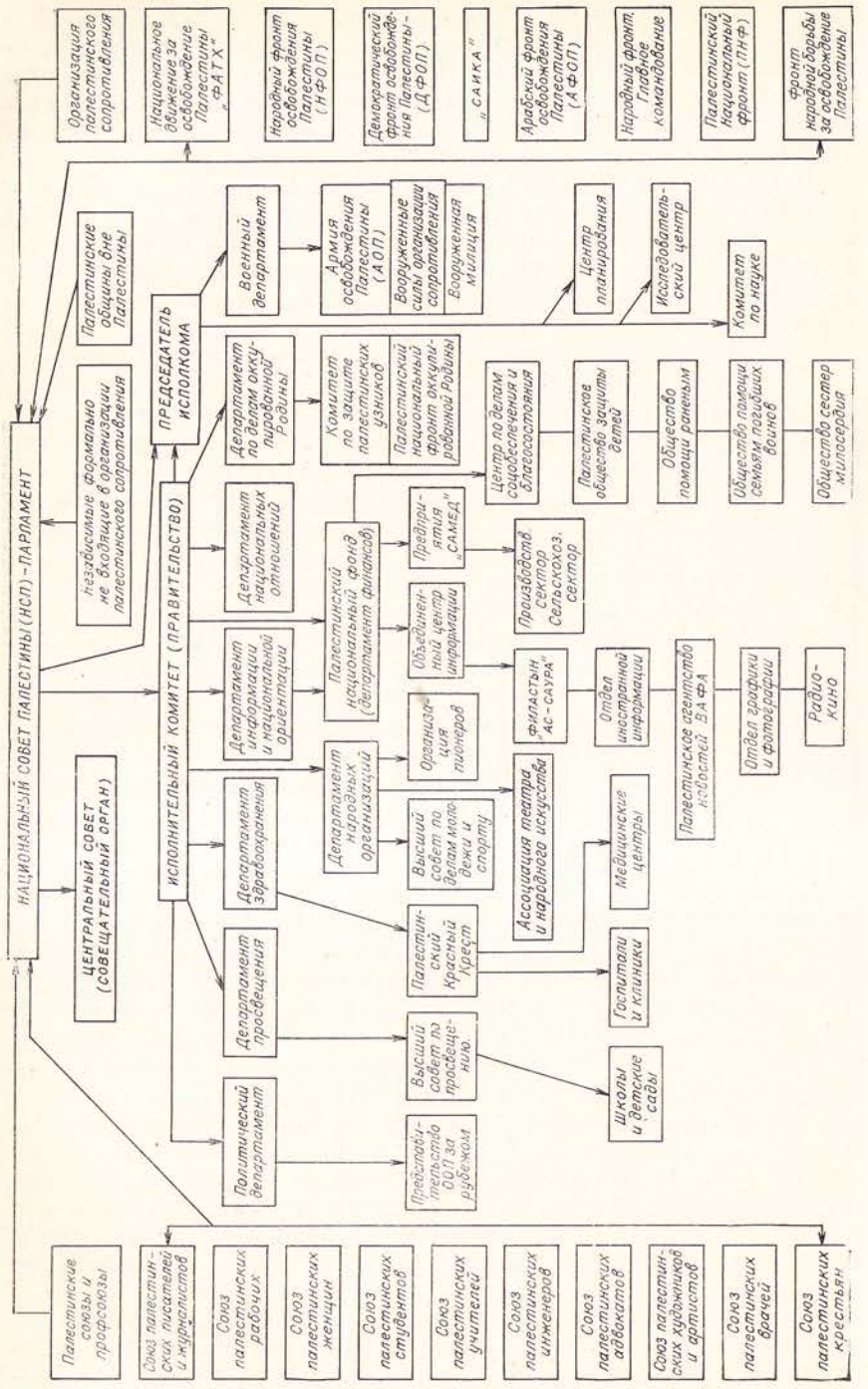
В 1973 г. на XI сессии НСП создал Центральный совет в составе 75 членов, являющийся связующим звеном между НСП и Исполкомом ООП в периоды между сессиями Совета. В задачу Центрального совета входит подготовка и представление рекомендаций о введении новых законов, рассмотрение и утверждение решений Исполкома.

Следующим по значению учреждением является Исполнительный комитет — палестинский «кабинет министров», избираемый Национальным советом из своего состава. Исполнительный комитет является высшей исполнительной властью ООП, он состоит из 15 человек и функционирует постоянно, его члены несут персональную и коллективную ответственность перед Национальным советом за осуществление политики, планов и программ, разработанных НСП. Исполкому подчинены следующие департаменты: политический, с которым связаны свыше 100 бюро ООП, находящихся в различных странах мира и выполняющих функции палестинских посольств или представительств; департамент военных дел; департамент по делам оккупированного отечества; департамент информации и культуры; департамент высшего образования; департамент народных организаций; административный департамент. Две трети членов Исполкома образуют необходимый кворум, решения принимаются простым большинством голосов.

Важное место в структуре ООП занимает Палестинский национальный фонд (своего рода министерство финансов), учрежденный первым Национальным советом. В фонд поступают средства из следующих источников: 1) постоянный подоходный налог в размере 5% получаемого дохода, которым облагаются все палестинцы; 2) ассигнования по линии Лиги арабских государств и денежные взносы правительств арабских государств или отдельных лиц; 3) займы и взносы, поступающие от арабских и других дружественных стран; 4) любые дополнительные источники, одобренные НСП.

Сессия НСП избирает председателя Совета директоров Палестинского национального фонда, который автоматически становится членом Исполкома, назначающего в свою очередь членов Совета директоров. Фонд получает все поступления и финансирует аппарат ООП согласно ежегодному бюджету, подготовленному Исполнительным комитетом и утвержденному Национальным советом.

Регулярные военные силы ООП представляет Армия освобождения Палестины (АОП), учрежденная в соответствии с решениями первого Национального совета Палести-

Организационная структура ООП

ны. В состав АОП входят три бригады: Айн-Джаллут, базировавшаяся в 70-х годах в Египте, Кадысийя, находившаяся вначале в Ираке, а затем передислоцированная в Иорданию и Сирию, и Хиттин, размещавшаяся в Сирии. Численность АОП составляла от 6 до 10 тыс. человек, главным образом пехотинцев. Предусматривались сотрудничество и координация действий военных подразделений АОП с Объединенным арабским командованием [14].

В течение 60-х годов сформировались различные общественные палестинские организации и профсоюзы, связанные с ООП: Всеобщий союз палестинских рабочих и ряд других профессиональных организаций, Всеобщий союз палестинских студентов, Союз палестинских женщин, Палестинское общество Красного полумесяца, Ассоциация предприятий для детей палестинских бойцов, погибших в боях за родину,— «Самед» (обеспечивает профессиональную подготовку детей), Центр палестинских исследований, информационные бюро и агентство печати «Вафа» [15].

Общественные организации и профессиональные союзы участвуют наряду с политическими и военными организациями палестинского сопротивления в работе Национального совета Палестины. Благодаря широкой массовой базе профессиональных союзов и общественных организаций они оказывают большое влияние на формирование палестинского общественного мнения.

Общее представление о месте и роли отдельных звеньев общественно-политической структуры палестинского общества в известной степени дает организационная структура ООП, если ее рассматривать как основу этого общества.

Как видно из прилагаемой схемы ООП «обеспечивает общие организационные рамки, в которых объединены все национальные палестинские организации и группы с тем, чтобы работать в интересах достижения национальных палестинских целей» [16]. Характеризуя структуру ООП, тогдашний председатель Национального совета Палестины Халед Фахум отмечал, что ООП — «это не партия и не совокупность партий, а представительство сражающегося народа» [17]. «Подчеркивая необходимость сгруппировать под своей эгидой все направления палестинского общественного мнения,— пишет арабский палестинский исследователь Сабри Джирийс,— ООП, возможно, страдает недостатками организации, в которой отсутствует строгий контроль, однако в результате этого она получила то преимущество, что имеет возможность наиболее широко представлять палестинское общественное мнение».

Образование Организации освобождения Палестины и формирование палестинских общественно-политических институтов имели большое значение для всего последующего развития палестинского национально-освободительного движения, так как они явились первой предпосылкой для ее постепенного выхода на международную арену в роли представителя арабского народа Палестины. Как отмечает С. Джирийс, образование ООП

стало «еще одной важной вехой в борьбе палестинцев за свое право на самоопределение, за независимость и национальные права»[18]. Однако ООП не сразу утвердилась в качестве подлинного представителя и выразителя интересов всего палестинского народа, ее становление прошло несколько этапов.

В первые годы существования Организации освобождения Палестины одним из основных направлений ее деятельности была пропаганда среди палестинского населения арабских стран идей и положений Национальной хартии, а также установление своих бюро и представительств в арабских и некоторых других странах. Однако лидеры ООП, и прежде всего ее руководящего органа — Исполкома, возглавлявшегося в тот период Ахмедом Шукейри, не предпринимали сколько-нибудь серьезных попыток мобилизовать палестинцев на борьбу против израильской оккупации, оставаясь оторванными от массы беженцев. Придерживаясь крайне националистических взглядов и опираясь на правые круги в арабских странах, председатель Исполкома и его окружение противились всяким попыткам народных масс, в частности фидаев, вести «неорганизованную» борьбу с Израилем. Будучи типичным представителем старого феодально-буржуазного палестинского руководства, ответственного за поражение в палестинской войне 1948—1949 гг., А. Шукейри не мог правильно оценить реальное соотношение сил, выступал с воинственными, шовинистическими призывами «сбросить евреев в море», к войне против Израиля с «применением самого современного оружия»[19]. Подобного рода заявления скорее препятствовали утверждению влияния ООП в палестинских массах и сплочению их рядов для борьбы за восстановление своих прав, чем помогали достижению целей Национальной хартии. Деятельность А. Шукейри на посту руководителя Исполкома ООП в 1964—1967 гг. вызвала недовольство многих палестинских лидеров, в том числе части членов Исполкома. Как отмечают американские исследователи У. Квандт, Ф. Джаббер и А. Леш, «борьба за власть и личное соперничество деятелей руководства ООП вплоть до 1968 г. подрывали ее дееспособность и влияние»[20].

В то время как Исполком ООП опирался главным образом на официальные правительственные круги арабских стран и Лигу арабских государств, продолжал существовать и укреплять свои позиции Фатх. Его представители поддержали создание Организации освобождения Палестины и приняли участие в работе иерусалимского конгресса в мае 1964 г., тем не менее Фатх сохранял организационную независимость от ООП. Фатх призывал к единству палестинцев «на земле Палестины», а не в «служебных кабинетах» учреждений[21]. 1 января 1965 г. сформированная Фатхом военная группа Аль-Асифа провела свою первую боевую операцию против израильских войск в районе Тивериадского озера. Она явилась как бы сигналом к развертыванию всеми организациями сопротивления и группами

фидаев народной вооруженной борьбы за освобождение Палестины. С той поры 1 января отмечается всем палестинским народом как день начала «палестинской революции». Вслед за Фатхом в вооруженную борьбу против израильской оккупации включились новые организации сопротивления: Палестинский национальный фронт, образованный бывшим майором сирийской армии Ахмедом Джебрилом в 1965 г., «Герои возвращения» и другие группы фидаев[22]. В среднем число операций Аль-Асифы, проводившихся в 1965—1967 гг. более или менее регулярно, колебалось от 5 до 24 в месяц[23].

Таким образом, в середине 60-х годов в палестинском национально-освободительном движении сложилось два течения, развивавшихся некоторое время параллельно. Первое — представленное руководством и аппаратом Организации освобождения Палестины, связанное с официальными кругами арабских стран, по-прежнему уповало на силу арабских армий и считало, что Палестина будет возвращена благодаря «арабскому единству», а сами палестинцы будут лишь прикрытием. Второе — состояло из Фатха и других организаций и групп народного сопротивления. Оно опиралось главным образом на массы палестинских беженцев и исходило из того, что палестинцы сами должны добиться освобождения родины путем народной вооруженной борьбы, опираясь на помощь народов арабских стран.

Одновременно с процессом становления Организации освобождения Палестины и организаций ПДС происходило их вовлечение в межарабские и международные отношения. В 1964—1967 гг. ООП обеспечила себе определенные позиции в арабском мире и отчасти на международной арене. Она представляла Палестину на совещаниях арабских стран в верхах и заседаниях Лиги арабских государств. В октябре 1964 г. представители ООП участвовали в Конференции неприсоединившихся государств в Каире, которая высказалась за «полное восстановление права арабского народа Палестины на свою страну и на самоопределение»[24].

Однако «выход» Организации освобождения Палестины и организаций движения сопротивления на арабскую и международную арену, их первые попытки предпринимать самостоятельные внешнеполитические шаги сталкивались с множеством трудностей. Главные из них были порождены тем обстоятельством, что «палестинская революция» и национально-освободительное движение в других странах арабского мира переживали качественно отличные этапы развития. Если для «палестинской революции» на первом плане стояло завоевание национальной независимости и восстановление права палестинского народа на родину, то для большинства арабских стран основная задача заключалась в упрочении уже достигнутой национальной независимости. В условиях арабо-израильского конфликта и постоянного военно-силового давления Израиля, эти объективные различия являлись серьезным препятствием для установления

равноправных отношений ООП с арабскими государствами. Более того, нередко они приводили к острым разногласиям между ПДС и правительствами арабских стран по вопросам будущего Палестины и арабо-израильских отношений. Одним из конкретных проявлений такого рода тенденции является эволюция иордано-палестинских отношений в 1964—1967 гг.

Хотя делегация Иордании на совещаниях глав арабских государств в январе 1964 г. в Каире и в сентябре того же года в Александрии подписалась вместе с остальными арабскими странами под резолюциями, предусматривавшими передачу «ответственности за освобождение Палестины» самим палестинцам, т. е. ООП, это не изменило сущности политики иорданского правительства в палестинском вопросе. С начала 50-х годов эта политика была направлена на полную интеграцию палестинской территории Западного берега р. Иордан в рамках Иорданского королевства. Формально признав, под давлением обстоятельств, Организацию освобождения Палестины (вследствие расширения израильской экспансии в связи с проектом отвода вод Иордана, а также из опасений остаться в изоляции в арабском мире), правительство Иордании в действительности не намеревалось «делить», а тем более передавать ей «ответственность» за Западный берег. Еще во время Каирской встречи глав арабских государств делегация Иордании высказалась за «возрождение» Палестины, но без изменения иорданских границ, т. е. без возвращения палестинцам Западного берега [25]. На второй арабской встрече в верхах представитель Иордании возражал против включения в часть коммюнике, касавшуюся Палестины, формулировки о «палестинском образовании» на Западном берегу [26]. Претендуя по-прежнему на роль главного выразителя интересов палестинцев и стремясь удержать за собой Западный берег, иорданское руководство мотивировало это особым значением палестинского вопроса для Иордании. «Мы в Иордании,— заявлял, например, иорданский король Хусейн в начале 1966 г.,— считаем палестинский вопрос одной из своих самых важных и опасных проблем. Для нас это вопрос жизни и смерти. Это самый большой вызов, который брошен нам» [27].

Однако курс правительства Иордании, направленный на сохранение за ней Западного берега и ее претензии на особую роль «покровителя» палестинцев, еще в начале 50-х годов вызывали сопротивление палестинского населения. Тем более этот курс не соответствовал национальным задачам палестинского сопротивления в 60-х годах, когда появилась ООП, признанная всеми арабскими государствами. В то время как организации сопротивления, в том числе в Иордании и на Западном берегу, считали в те годы своей главной задачей подготовку и развертывание народной вооруженной борьбы за освобождение Палестины, правительство Иордании стремилось прежде всего к сохранению «статус-кво» в иордано-израильских отношениях, предпочитая не отвечать на участившиеся в 1965—1966 гг. нападения израильской армии на пограничные палестинские селения на Западном берегу, проводившиеся под предлогом ликвидации баз партизан. Более того, оно, как уже отмечалось, всеми мерами препятствовало операциям фидаев, опасаясь израильских репрессалий. В частности, в ноябре 1966 г., во время самого крупного вторжения израильских войск на территорию Западного берега в районе деревни ас-Саму, оно отказалось допустить в Иорданию военные отряды Армии освобождения Палестины для отражения израильской агрессивной акции. По распоряжению иорданских властей в Иерусалиме было закрыто бюро ООП [28]. Напряженность в иордано-палестинских отношениях, возникшая в результате таких действий, несомненно, оказала негативное влияние на общее состояние межарабских отношений тех лет. В частности, ухудшились отношения Иордании с Сирией и Египтом.

Различия в «приоритетах» общеарабских и национальных задач палестинского движения, как течения, представленного ООП, так и организаций палестинского сопротивления, вызывали трудности в становлении их отношений с арабскими странами антиимпериалистической ориентации. Внешнеполитические программы руководящих партий и правительств этих стран в той части, в которой они касались вопроса о Палестине, в основном совпадали с национальными задачами палестинского национально-освободительного движения. Например, в решениях IX общеарабского съезда ПАСВ (октябрь 1966 г.) указывалось, что «палестинский вопрос является основным в стратегии партии в различных сферах: внутренней (сирийской), межарабской и международной» [29]. Руководство левого крыла ПАСВ, утвердившееся в 1966 г. у власти в Сирии, рассматривало «вопрос об освобождении Палестины как часть борьбы за освобождение и социализм». Известна также тесная увязка руководством Египта, Сирии, Алжира, а впоследствии и Ирака решения вопроса о Палестине с концепцией арабского единства, также совпадавшая с положениями палестинской Национальной хартии. Общие принципы в стратегии палестинского национального движения и арабских стран антиимпериалистической ориентации, казалось бы, открывали более благоприятные возможности для сотрудничества последних с палестинцами по сравнению с другими арабскими государствами. Вместе с тем помощь стран антиимпериалистической ориентации Организации освобождения Палестины и организациям сопротивления также во многом зависела от того, насколько политическая линия ООП и организаций сопротивления отвечала текущим интересам этих стран. Несомненно, например, что активное содействие Египта в течение всего периода президентства Г. А. Насера Организации освобождения Палестины во многом объяснялось ее безоговорочной поддержкой дела арабского единства. В этом отношении египетско-палестинское сотрудничество не противоречило национальным интересам Египта. Наоборот, оно в определенной ме-

ре способствовало росту его влияния среди палестинских общин в арабских странах и в арабском мире в целом как поборника единства и дела освобождения Палестины. Однако было бы ошибочным переоценивать уровень этого сотрудничества. Г. А. Насер никогда не разделял, например, экстремистских заявлений Шукейри и в то же время до определенного периода (приблизительно до 1968—1969 гг.) воздерживался от официального признания Фатха и других палестинских организаций сопротивления. Он считал, что действия их вооруженных групп против Израиля могут спровоцировать войну, в которую арабы будут вовлечены до того, как будут к ней готовы. Он отстаивал точку зрения, что время и место войны должны быть определены арабами, а действия партизан могут позволить Израилю захватить инициативу в свои руки [30].

Разделенность палестинского национально-освободительного движения в 1964—1967 гг. на два основных течения (официальное — ООП и организаций сопротивления) обусловили дифференцированный подход арабских стран к сотрудничеству с ними. В каждой конкретной ситуации он зависел от расстановки классово-политических сил в стране и от того, насколько деятельность ООП или организаций сопротивления соответствовала внешнеполитическому курсу правящей партии или правительства на арабской арене. Если правительство президента Насера в Египте в рамках его общей поддержки палестинского национально-освободительного движения преимущественно сотрудничало с официальным руководством ООП, находившимся тогда под большим влиянием руководства Лиги арабских государств (т. е. фактически под влиянием Египта, занимавшего в то время в ЛАГ ведущее положение), то руководство Сирии в своей палестинской политике отдавало предпочтение налаживанию отношений с организациями сопротивления. Особенно четко эта линия прослеживалась после прихода к власти в марте 1966 г. в Сирии представителей левого крыла ПАСВ. Подвергая критике политику официального руководства ООП, которую оно квалифицировало как политику, «лишенную всякого революционного содержания» и «связывающую судьбу палестинского освободительного движения с текущими арабскими и международными делами», сирийская ПАСВ оказала значительную помощь группам фидаев [31]. Правительство Сирии, в частности, разрешило фидаям создать в Дамаске свою штаб-квартиру, а также формировать на сирийской территории боевые группы фидаев для операций против Израиля. Кроме того, Сирия потребовала, чтобы соседние с Израилем арабские страны разрешили свободное передвижение палестинских партизанских групп, чему противились Иордания и Ливан. В том же, 1966 г. на IX съезде ПАСВ было принято решение о создании из числа просирийски и пробаасистски настроенных палестинцев (в основном из числа палестинских беженцев) новой организации палестинского сопротивления, получившей название «Ас-Саика». Сближению сирийского руководства с палестинскими организациями сопротивления в 1966—1967 гг. в немалой степени содействовала близость взглядов на стратегию антиимпериалистической борьбы, в основе которых лежала концепция народно-освободительной войны.

Немаловажным фактором, влиявшим на отношение арабских стран к палестинскому национальному движению, были межарабские противоречия: между государствами антиимпериалистической ориентации и феодально-монархическими режимами. Они касались не только проблемы о лидерстве в арабском мире, но и вопросов «ответственности» за освобождение Палестины, влияния на палестинское национальное движение. В весьма сдержанном отношении таких арабских стран, как Саудовская Аравия, Марокко и даже Сирия и Ирак, в 1964—1967 гг. к официальному руководству Организации освобождения Палестины в определенной степени просматривались опасения руководства этих стран относительно роста влияния Египта на политику ООП и в арабском мире в целом.

Значительные различия в подходе отдельных арабских стран к палестинскому национальному движению, к Организации освобождения Палестины и организациям сопротивления; противоречивое воздействие на эти организации отдельных арабских стран, нередко пытавшихся использовать их в своих узконациональных интересах; межарабские противоречия, в которые неизбежно втягивались палестинские организации зачастую вопреки их желанию; наконец, слабость в военном и политическом отношении самих организаций сопротивления и ООП, не имевших собственной территориальной базы и поэтому зависящих от политики правительств стран их пребывания,— все это затрудняло палестинским организациям формирование самостоятельного внешнеполитического курса на арабской арене, установление независимых и равноправных отношений с правительствами арабских стран. Тем не менее образование Организации освобождения Палестины и целого ряда организаций палестинского сопротивления, формирование основных общественно-политических и государственных институтов палестинского общества создали первые необходимые предпосылки для борьбы ООП и ПДС за свое утверждение в арабском мире и на международной арене в качестве самостоятельного фактора международных отношений.

Тенденция радикализации палестинского национально-освободительного движения и ее влияние на международные отношения на Ближнем Востоке в 1967—1971 гг.

Процесс превращения палестинского национально-освободительного движения в самостоятельный фактор международных отношений в конце 60-х — начале 70-х годов был неразрывно

связан с важными политическими сдвигами в арабском мире и в развитии «палестинской революции» после новой агрессии Израиля против соседних арабских стран — Египта, Сирии, Иордании 5 июня 1967 г. Эта агрессия явилась продолжением политики территориальной экспансии, проводившейся Израилем с первых дней его существования. На сей раз Израиль оккупировал все палестинские земли — Западный берег р. Иордан, восточную часть Иерусалима и сектор Газа, а также Синайский полуостров и Голанские высоты,— общей площадью 68,7 тыс. кв. км, что более чем в четыре раза превышает площадь самого Израиля в границах, предусмотренных резолюцией ООН. При этом, как и во время «палестинской войны» 1948—1949 гг., израильская оккупация сопровождалась тяжелыми потерями для арабов (по данным американских источников, они составили только убитыми 35 тыс. человек против 600 у израильтян), насильственным изгнанием палестинцев с оккупированных территорий (число палестинских арабов, ставших беженцами, возросло на полмиллиона) [32], бомбардировками и обстрелами населенных пунктов, уничтожением арабских деревень и городских кварталов в восточной части Иерусалима и других городах, захваченных израильской армией.

Оккупировав обширные арабские территории, Израиль смог приступить к выполнению второй части задачи, предусмотренной планом «Далет», по захвату территории всей бывшей Палестины.

Если на первом этапе и в период «палестинской войны» 1948—1949 гг. Израилю силой оружия удалось расчленить территорию Палестины, отведенную арабскому палестинскому государству, и тем самым помешать его созданию, то в июне 1967 г. в его руках практически оказались все исконно палестинские земли; на этот раз они были отняты силой у Иордании и Египта в качестве «военной добычи».

Расчеты сионистских правителей Израиля строились на том, что приобретенные путем войн арабские земли, или по крайней мере наиболее ценная их часть, со временем будут присоединены к Израилю и составят «новую карту» израильского государства в соответствии с известной сионистской концепцией «великого Израиля». «Наш долг — заселить „великий Израиль“ — имеет сейчас не менее важное значение, чем в прошлом, в дни мандата, долг заселить долину р. Иордан и Бейсанскую долину»,— заявлял вскоре после июньской войны 1967 г. бывший заместитель премьер-министра Израиля И. Аллон. «Тот, кто ставит под сомнение эту истину, ставит под сомнение всю сионистскую концепцию» [33].

В широком международном плане агрессия Израиля против арабских стран в июне 1967 г. и его ставка на закрепление за собой «военной добычи» — оккупированных арабских земель — не могла не повлечь резкое обострение арабо-израильского конфликта, его перерастание в кризисную стадию, угрожавшую всеобщему миру. Лишь ценой настойчивых усилий миролюбивых сил удалось несколько сдержать опасное развитие событий. По инициативе Советского Союза 9 июня 1967 г. в Москве состоялось международное Совещание руководителей коммунистических и рабочих партий и правительств ряда социалистических государств (Советского Союза, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии, Югославии), на котором от имени государств — участников встречи выражалось требование к правительству Израиля незамедлительно прекратить агрессию и вывести свои войска за линию перемирия [34]. На следующий день, 10 июня, правительство СССР заявило, что «Советский Союз совместно с другими миролюбивыми государствами применит в отношении Израиля санкции со всеми вытекающими отсюда последствиями» [35]. 17 июня 1967 г. по инициативе Советского Союза была созвана специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на которой был поставлен вопрос о ликвидации последствий израильской агрессии и урегулировании арабо-израильского конфликта мирными политическими средствами. Используя все средства экономического давления, политического шантажа и маневрирования, западные державы во главе с США сорвали тогда решение по главному вопросу — об отводе войск Израиля с оккупированных арабских территорий на позиции, которые они занимали до агрессии. Тем не менее работа сессии во многом способствовала разоблачению агрессивной сущности политики Израиля и его покровителей — США и Англии, его осуждению мировым общественным мнением. Вскоре после этого с Израилем, в частности, разорвали дипломатические отношения многие африканские страны. За всю историю ООН не было подобного прецедента, когда на антиимпериалистической платформе объединилось бы 53 государства, а главный вдохновитель израильской агрессии — Соединенные Штаты — оказались в моральной изоляции. Сессия приняла решение передать материалы своей работы Совету Безопасности ООН, которому было поручено заняться решением проблемы урегулирования ближневосточного кризиса. 22 ноября 1967 г. Совет Безопасности принял резолюцию № 242, которая в общих чертах наметила принципы политического урегулирования: недопустимость приобретения территорий путем войны, необходимость вывода израильских войск с территорий, оккупированных в 1967 г., установление и гарантии общепризнанных границ всех ближневосточных государств, свобода судоходства по морским коммуникациям этого района и справедливое решение проблемы палестинских беженцев, основанное на праве выбора между возвращением на родину или получением компенсации [36]. Резолюция № 242 была воспринята многими государствами как возможная международная правовая основа для поисков ближневосточного урегулирования. Однако правительство Израиля при поддержке США блокировало все попытки начать выполнение содержавшихся в ней положений.

Упорно отказываясь от выполнения всех рекомендаций ООН и резолюций Совета Безопасности, направленных на политическое урегулирование арабо-израильского конфликта, правительство Израиля стремилось превратить временные преимущества военного и экономического характера, полученные им в результате июньской войны 1967 г. и оккупации арабских земель в средство постоянного военно-силового давления на соседние арабские страны и достижения главных своих целей: свержения прогрессивных антиимпериалистических режимов в Египте и Сирии, сдерживания национально-освободительных процессов в арабском мире и недопущения сближения арабских стран с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Правящие круги Израиля надеялись также, что им удастся таким путем «закрыть» и палестинский вопрос, похоронив окончательно идею самоопределения арабского народа Палестины и образования независимого палестинского государства. Однако события и тенденции в арабском мире после июньской 1967 г. агрессии Израиля показали иллюзорность таких расчетов. Несмотря на военное поражение и тяжелые потери, понесенные арабскими армиями, а также обострение экономических и социальных проблем, процесс укрепления антиимпериалистических сил в арабском мире продолжался. Об этом свидетельствовали такие события, как победа антиимпериалистической революции в Южном Йемене и образование Народно-Демократической Республики Йемен (30 ноября 1967 г.), свержение монархии в Ливии (1 сентября 1969 г.), падение прозападного буржуазного режима в Судане (1969 г.), приход к власти в Ираке ПАСВ (1968 г.), продолжение социально-экономических преобразований в Египте, Сирии и Алжире и расширение их связей и сотрудничества с СССР и другими социалистическими государствами. Извлекая уроки из поражения в войне 1967 г., арабские страны антиимпериалистической ориентации, непосредственно противостоящие Израилю — Египет и Сирия, разработали программу переоснащения армии и усиления ее боеспособности. Например, IX чрезвычайный съезд ПАСВ в Сирии (сентябрь 1967 г.) объявил главной задачей партии «подготовку вооруженных сил, их оснащение всеми необходимыми видами современного вооружения, повышение их эффективности», а также разработку совместной эффективной стратегии, «гарантирующей объединение военного и экономического потенциала Сирии, Египта, Алжира и Ирака в целях общей борьбы» [37].

После июньской агрессии Израиля заметные сдвиги произошли также в палестинском национально-освободительном движении. Это нашло свое выражение прежде всего в значительном росте военно-политической активности Фатха и других организаций сопротивления. Резко возросло число сторонников Фатха. Если до июня 1967 г. в его рядах было всего 200—300 человек, то уже к весне 1968 г. их насчитывалось около 2 тыс.[38]. Возникло множество новых организаций, ставивших своей главной целью вооруженную борьбу за освобождение Палестины. Наиболее значительными среди организаций сопротивления были: Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), Ас-Саика, Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП). Увеличилось число боевых операций палестинских партизан на оккупированных территориях. Так, на счету боевого формирования Фатха — организации «Аль-Асифа» в 1967 г. было 146 боевых операций против оккупантов, в 1968 г.— 676 [39]. С. Джирийс, говоря о значении развертывания партизанской борьбы палестинских организаций, отмечал, что они «не сникли из-за поражения регулярных арабских армий, а их разнообразная военная тактика, как оказалось, представляла жизнеспособную альтернативу тактике обычных вооруженных сил арабов» [40]. На укрепление боевого духа палестинских фидаев и расширение вооруженного сопротивления израильской оккупации немало повлиял успех фидаев в сражении при Караме (селении на территории Иордании близ границы с оккупированным Израилем Западным берегом) 21 марта 1968 г., в котором они отбили атаку крупного израильского десанта (до 15 тыс.), пытавшегося разгромить базу Фатха [41]. Для палестинцев в Иордании, Сирии, Ливане и других странах победа под Караме означала нечто большее, чем выигранное сражение. После него ПДС получило возможность открыто создавать свои базы, учебные лагеря, учреждения, набирать добровольцев в Сирии, Иордании, Египте, Ираке и других арабских странах. Все большее число палестинцев стало понимать цели вооруженного движения сопротивления.

Постепенно набирая силу, Палестинское движение сопротивления, несмотря на многочисленные трудности, связанные с оккупацией Израилем всей палестинской территории в июне 1967 г., становилось все более серьезным политическим и социальным фактором развития событий на Ближнем Востоке. «Палестинский народ с оружием в руках — новое явление ближневосточного кризиса»,— отмечала в начале 1969 г. пресса многих арабских стран [42]. Президиум Всемирного Совета Мира в ноябре 1968 г. в резолюции по Среднему Востоку также отмечал, что «политическая и вооруженная борьба арабского (палестинского) народа на оккупированных территориях растет и становится важным политическим фактором в этом районе. Палестинское движение сопротивления является частью общего национально-освободительного движения против империализма; оно напоминает сопротивление против нацизма» [43].

Выдвижению Палестинского движения сопротивления на передовые позиции в общеарабском фронте борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, за освобождение оккупированных арабских земель в немалой степени способствовала смена руководства Организации освобождения Палестины. В феврале 1969 г. на V сессии Национального совета Палестины в Каире в его состав были избраны в основном предтавители партизанских организаций движения сопротивления. Председателем

Исполкома ООП был избран лидер Фатха — Ясир Арафат [44]. Тем самым существовавшие ранее в палестинском национально-освободительном движении два параллельных течения, представленные, с одной стороны, организациями сопротивления, а с другой, официальным руководством ООП, соединились.

Перемены в руководстве ООП явились отражением успехов движения сопротивления. С этого времени Организация освобождения Палестины, созданная по инициативе правительств арабских стран и в силу этого находившаяся в значительной степени под их контролем, стремилась освободитья от него и играть независимую роль. Она стала подлинным выразителем национальных чаяний всего палестинского народа, авангардом его освободительной борьбы. Оценивая эти сдвиги в развитии «палестинской революции», палестинские коммунисты в своих документах подчеркивают, что «создание Организации освобождения Палестины, ее становление как свободной от контроля со стороны арабских режимов организации, упрочение ее положения и расширение движения вооруженного сопротивления после агрессии 1967 г. знаменовало собой начало нового, более высокого этапа палестинской национально-освободительной борьбы, который качественно отличается от предыдущих этапов как с точки зрения движущих социальных сил и классовой сущности руководства, так и с организационной точки зрения, а также форм борьбы, союзов, межарабских и межгосударственных отношений» [45].

Таким образом, начиная с 1969 г. Организация освобождения Палестины утвердилась в арабском мире как политическая сила, олицетворяющая собой национальный дух палестинцев и направляющая их борьбу против израильской оккупации, за создание своего национального государства. Приход к руководству ООП и всем палестинским национальным движением партизанских организаций сопротивления явился одновременно одним из проявлений тенденции радикализации этого движения в конце 60-х — начале 70-х годов. Неуклонно усиливавшаяся среди палестинского населения, особенно среди беженцев, эта тенденция со времени оккупации Израилем всех областей Палестины и изгнания новых сотен тысяч палестинцев с оккупированных территорий выражалась в расширении вооруженной борьбы с израильскими оккупантами. Показательной в этом отношении была политическая программа, одобренная V сессией Национального совета Палестины по предложению Фатха. В этой программе на первое место выдвигалось развертывание вооруженной борьбы до «полного освобождения Палестины», намечались меры по дальнейшей активизации партизанского движения, в том числе превращения партизанских действий в «народно-революционную войну», создание Объединенного палестинского военного командования для координации и планирования боевых операций [46]. В 1969 г. военная активность групп фидаев достигла наивысшего уровня: ежемесячно совершалось

около 300 партизанских операций в Израиле и на оккупированных территориях [47]. В предшествующий период — с июня 1967 г. по декабрь 1968 г., по израильским данным, партизаны совершили 1228 боевых операций различного масштаба на оккупированных территориях, в результате которых потери захватчиков составили свыше 280 человек убитыми с 1115 ранеными. По американским данным, общие потери Израиля от рейдов партизан со времени июньской войны 1967 г. до 1969 г. составили 2 тыс. человек [48].

Хотя в 1968—1969 гг. удары партизанских групп по стратегическим объектам (например, химическому заводу около Мертвого моря, нефтепроводу в Хайфе, военизированным поселениям и позициям израильских войск) были более эффективными, чем до июня 1967 г., они не могли, конечно, создать реального перевеса сил. Вынужденные преодолевать израильские минные поля, укрепленные линии, снабженные электронной системой оповещения и непрерывно патрулируемые с воздуха, фидаи несли тяжелые потери. Но эти действия демонстрировали всем арабским странам решимость палестинцев к борьбе за освобождение Палестины. Они сковывали армию оккупантов, вынуждая держать под ружьем (в 1967—1970 гг.) до 140 тыс. солдат [49]. Кроме того, действия партизан имели немалый политический эффект: они ставили под сомнение политическую основу сионистского государства — взлелеянный сионистской пропагандой миф о Палестине как «стране без народа». В каждом коммюнике о действиях палестинских фидаев оживала история «несуществующих» палестинцев. «Израиль,— замечали по этому поводу некоторые западные журналисты,— проигрывал битву с историей» [50].

Радикализация Палестинского движения сопротивления после оккупации Израилем арабских территорий в июне 1967 г. способствовала укреплению его позиций и влияния в арабском мире, в общеарабском фронте борьбы против израильской агрессии, его превращению в самостоятельную военно-политическую силу, в новый важный фактор международных отношений в арабском регионе Ближнего Востока. Это проявилось, в частности, в пересмотре отношения к ПДС со стороны большинства правительств арабских стран, причем не только прогрессивных режимов антиимпериалистической ориентации, но и так называемых умеренных арабских режимов прозападной ориентации. Одним из примеров в этом плане может служить позиция президента Туниса — Хабиба Бургибы. На одной из пресс-конференций в 1968 г. он заявил, что если раньше «арабо-израильский конфликт был исключительно вопросом отношений между арабскими странами и Израилем», то с июня 1967 г. ситуация изменилась: самым важным из ее факторов стало возникновение палестинского сопротивления. «Палестинское сопротивление, иными словами, палестинский народ... начал брать в свои руки собственную судьбу... Сейчас, как никогда ранее, проблема состоит в том, как избавиться от классической формы колониализма, та-

кой, которую испытали на себе Тунис, Алжир, Марокко, Кения и другие страны» [51]. Другим примером изменения отношения арабских стран к ПДС в 1967—1969 гг. является признание королем Иордании Хусейном мужества палестинских партизан в бою под Караме. Посетив на следующий день место сражения, король заявил даже, что «мы все однажды может стать фидаями» [52]. И хотя это заявление, возможно, было сделано по чисто тактическим соображениям, оно отражало признание роли палестинских партизан в отпоре израильской агрессии. Деревня Караме позволила арабам в какой-то мере преодолеть моральный шок, в котором они находились после поражения арабских армий в июньской войне. Как отмечает Зухейр Мохсен в своей книге «Палестинская революция между теорией и практикой», в период подъема палестинского движения сопротивления в 1967—1969 гг. большинство арабов признали «палестинскую революцию». Не будет преувеличением сказать, что в тот период палестинское сопротивление в какой-то мере способствовало активизации, хотя и на короткий период, центростремительной тенденции в арабском мире, побуждая различные его политические силы к сплочению в единый фронт борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии [53].

Однако тенденция радикализации Палестинского движения сопротивления заключала в себе и негативные моменты: она усилила разногласия между ПДС и рядом правительств арабских государств по одному из центральных вопросов их политики — отношения к Израилю и арабо-израильскому конфликту, точнее сказать, к стратегии борьбы с последствиями израильской агрессии. Под влиянием крайне левых и радикальных группировок в ПДС (главным образом в Народном фронте освобождения Палестины, Демократическом фронте освобождения Палестины, отчасти и в Фатхе) V сессия Национального совета Палестины в своей политической программе категорически отвергла какие-либо планы политического урегулирования арабо-израильского конфликта, нацеливая ПДС на развертывание народно-освободительной вооруженной борьбы до «полного освобождения Палестины», осуждая одновременно «любые империалистические и сионистские планы создания фальсифицированного палестинского государства» [54]. Совершенно очевидно, что такая установка не учитывала реального соотношения сил в ближневосточном конфликте, затрудняла для арабских правительств поиск путей мирного решения конфликта в соответствии с национальными интересами их стран. В свете такой установки любая попытка арабских правительств выступить с инициативой политического решения арабо-израильского конфликта встречалась «в штыки» радикалистски настроенными элементами ПДС, пользовавшимися тогда преобладающим влиянием в Национальном совете Палестины. Так случилось, например, когда президент Египта Г. А. Насер заявил в июле 1970 г. о согласии египетского правительства принять резолюцию № 242 Совета Безопасности за основу поисков справедливого решения арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы. Хотя Насер подчеркивал, что это отнюдь не означает обязательности указанной резолюции для палестинского народа, данное решение подверглось резкой критике со стороны руководства ПДС и ООП, особенно наиболее «левых» его группировок из НФОП и ДФОП. Последние увидели в нем нарушение основополагающего принципа отношений ПДС с арабскими странами, принятого в политической программе V сессии Национального совета (февраль 1969 г.), который предусматривал невмешательство палестинцев во внутренние дела арабских стран при условии, «если их правительства не будут пытаться навязывать палестинскому народу решений, направленных на ликвидацию его проблем» [55].

Однако упомянутый принцип, предполагавший равноправные и независимые отношения между ПДС и арабскими государствами, на практике было трудно соблюсти в силу целого ряда причин: воздействия на различные палестинские организации местных условий, политики правительств стран их временного пребывания, множественность и неоднородность различных группировок ПДС, мелкобуржуазных по своей социальной природе, и проистекавших из этого разногласий между ними в отношении путей и методов борьбы за восстановление прав палестинского народа. Тенденция радикализации в политике ПДС и ООП в конце 60-х и начале 70-х годов лишь усиливала эти разногласия, препятствуя созданию в рамках ООП действительно единого политического фронта входивших в ООП организаций и групп сопротивления независимо от их идеологических и политических установок.

Усиление разногласий между отдельными организациями, объединенными в ООП, можно проиллюстрировать различием их подходов к выбору методов и форм борьбы. Так, руководители самого крупного компонента ООП — организации Фатх считали, что вооруженные операции партизанских групп должны ограничиваться территорией Израиля и оккупированными им арабскими землями. Лидеры же Народного фронта освобождения Палестины выступали за проведение боевых операций не только на оккупированных территориях Палестины и арабских стран, но и за их пределами — «на всех широтах», причем не только против сионистов, но и против их союзников в западных государствах. Члены НФОП участвовали, например, в операциях по захвату израильских и американских самолетов в начале 70-х годов.

Еще более серьезными по своим последствиям для движения сопротивления были расхождения между Фатхом, с одной стороны, и НФОП и ДФОП — с другой, в вопросе отношений ООП и ПДС с арабскими странами — непосредственными участниками конфронтации с Израилем, в частности с Иорданией, где в начале 70-х годов концентрировались главные опорные базы и

лагеря фидаев. Руководители Фатха и ООП, придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела стран, где находились палестинцы, распространяли этот принцип и на Иорданию. Они подчеркивали, что для всех палестинцев враг номер один — сионизм, поэтому главные усилия должны быть сосредоточены на борьбе против сионистской оккупации палестинских земель. Лидеры НФОП и ДФОП, напротив, считали тогда, что ближайшей задачей палестинского сопротивления должно стать свержение монархического режима в Иордании, которое объявлялось неотъемлемой частью «арабской битвы за Палестину» [56].

Выдвижение такой задачи, даже если она и исходила не от официального руководства ООП, а от некоторых наиболее радикальных организаций, входивших в нее, не могло не повлечь за собой резкое обострение и без того напряженных в 1969—1970 гг. отношений между ПДС и правительством Иордании, стремившимся ограничить возрастающее влияние палестинцев в общественно-политической жизни страны. Положение усугублялось вмешательством Израиля и США, пытавшихся склонить Иорданию к сепаратному миру с Израилем на основе «плана Роджерса» (получил название по имени госсекретаря США).

Этот план предполагал переговоры на сепаратной основе относительно условий ухода Израиля с части оккупированных территорий и возвращение их Египту и Иордании «в обмен» на признание ими Израиля в соответствии с резолюцией Совета Безопасности № 242. За этим планом скрывалась ловушка, в которую американская дипломатия стремилась втянуть арабских лидеров, преследуя собственные интересы на Ближнем Востоке. «Американское предложение, дававшее частичное удовлетворение арабским правительствам, но ничего не дававшее палестинцам,— отмечал выходящий в Париже журнал „Африк — Ази“,— могло привести к еще большему расколу между арабскими правительствами, вызвать раздоры среди палестинцев и спровоцировать замешательство среди арабских масс» [57]. В конечном счете неуклонно нараставшая напряженность в отношениях между Иорданией и ПДС привела в сентябре 1970 г. к вооруженным столкновениям между отрядами палестинского сопротивления и частями иорданской армии. Эти столкновения вылились в настоящую братоубийственную войну, в которой погибло более 20 тыс. человек [58]. Военные действия были прекращены лишь после вмешательства президента Египта Г. А. Насера, добившегося подписания 28 сентября 1970 г. в Каире палестино-иорданского соглашения. После трагических событий в Иордании в сентябре 1970 г., вошедших в историю ПДС как «черный сентябрь», вооруженные формирования палестинского сопротивления были вынуждены оставить свои позиции и базы в этой стране и уйти в Ливан и частично в Сирию.

Серьезно ослабленное Палестинское движение сопротивления оказалось перед лицом тяжелых испытаний, которые отчасти послужили причиной того, что некоторые группы палестинцев, правда немногочисленные, вступили на путь экстремистских методов борьбы. Одними из первых акций подобного рода были убийство 29 ноября 1971 г. членами возникшей после событий в Иордании группы «Черный сентябрь» бывшего иорданского премьер-министра Васфи Телля, повинного в организации и проведении расправы с палестинцами, взрыв самолета в израильском аэропорту Лод 30 мая 1972 г., захват самолетов израильских и американских авиакомпаний, покушения на некоторых западноевропейских дипломатов, подозреваемых в сотрудничестве с израильской разведкой, наконец, нашумевшее убийство 11 членов делегации Израиля на XX Олимпийских играх в Мюнхене 5 сентября 1972 г. Все случаи террористических акций «Черного сентября» или иных групп правящие круги Израиля и сионистские средства массовой информации широко использовали в качестве «аргументов» искусственного отождествления террористов с палестинским народом, дискредитации всего Палестинского движения сопротивления и Организации освобождения Палестины на международной арене, разжигания военной истерии в самом Израиле и произраильских настроений среди населения Америки и Западной Европы. Использование Израилем экстремистских заявлений и действий некоторых палестинских групп для извращения сущности движения сопротивления и для оправдания своей политики оккупации подробно освещается в книге Е. М. Примакова «Анатомия ближневосточного конфликта» [59]. Здесь же отметим лишь несколько моментов, связанных с истоками «палестинского экстремизма» и его влиянием на арабо-израильские отношения.

Первый из этих моментов заключается в существовании глубинной и, можно сказать, первопричинной зависимости возникновения «палестинского экстремизма» от антиарабской и прежде всего антипалестинской политики правящих кругов Израиля. Эту зависимость отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи. Его появление можно рассматривать также как ответную реакцию палестинцев на сионистский терроризм, развернувшийся еще до образования государства Израиль, а после 1948 г. приобретший еще более широкие масштабы.

Правящие круги Израиля, может быть, впервые в практике международных отношений возвели терроризм на уровень государственной политики. Ибо сионистский терроризм был делом не случайных неконтролируемых лиц, а направлялся непосредственно правительством Израиля и осуществлялся государственными органами (армией, группами израильских «коммандос», разведкой «Моссад», специальной организацией «Мицвах элохим»). Примерами такой практики являются убийства израильской разведкой «Моссад» палестинского писателя Г. Канафани в июне 1972 г., ряда представителей ООП в Италии, Франции и других странах, обстрел и уничтожение израильскими истребителями ливийского воздушного лайнера со 104 пассажирами на

борту, совершавшего полет из Триполи в Каир 21 февраля 1973 г., налет израильских «коммандос» на аэропорт в Энтебе (Уганда) в ночь с 3 на 4 июля 1976 г. и многие другие акции.

В условиях военного превосходства Израиля и явного неравенства сил экстремистские акции отдельных палестинских групп сопротивления в начале 70-х годов были отчасти жестом отчаяния и безысходности, но в большинстве случаев — способом продемонстрировать свою непреклонную волю к сопротивлению и привлечь внимание мировой общественности к преступной политике израильских правящих кругов. Мало кто из палестинцев сомневался тогда, что они не имеют права использовать все средства борьбы за свое освобождение от оккупации, тем более что израильские сионисты, поддерживаемые США и другими западными державами, применяли самые изощренные методы массового изгнания и истребления палестинского народа. «Мы,— заявил член партизанской группы НФОП, участвовавшей в операциях по захвату самолетов на израильских и американских авиалиниях,— руководствовались не авантюристическими или романтическими мотивами. Мы действовали сообща по плану, чтобы привлечь внимание к нашей участи, выразить наше твердое решение изменить те „новые реальности", которые были созданы армией Моше Даяна... Мы действовали в целях революционной пропаганды... чтобы превратить наше дело в международное перед лицом безответственного просионистского западного общественного мнения»[60].

Второй момент заключается в сравнительно ограниченном распространении и влиянии «палестинского экстремизма» на Палестинское движение сопротивления. Подавляющее большинство его участников и руководители ООП, несмотря на все трудности, сложившиеся в начале 70-х годов, не поддержали тактику индивидуального террора, избранную отдельными группами сопротивления. На неприемлемость такой тактики указывали, в частности, руководители ООП, неоднократно выступавшие с осуждением практики угона самолетов или иных насильственных действий, направленных против гражданских лиц и объектов вне оккупированных территорий. В одном из таких заявлений, сделанном в связи с угоном самолета голландской компании «КЛМ», летевшего из Ниццы (Франция) на Кипр, говорилось: «Организация освобождения Палестины осуждает этот угон самолета, так же как и любой угон самолета или террористическую операцию за пределами оккупированной территории. Такого рода акции служат лишь тому, чтобы дать возможность идентифицировать ООП с терроризмом, который мы на деле отвергаем. Они ставят нас лишь в затруднительное положение»[61].

Наконец, третий момент состоит в преходящем характере «палестинского экстремизма». Несмотря на то что питательная почва для него — продолжавшаяся оккупация Израилем палестинских земель и изгнание палестинцев с Западного берега — сохранялась, он после вспышки в связи с трагическими событиями в Иордании в сентябре 1970 г. быстро пошел на убыль. К середине 70-х годов случаи экстремистских акций палестинцев стали редкими, а затем почти полностью прекратились.

И все же в течение многих лет правительству Израиля с помощью разветвленной по всему миру системы сионистских средств массовой информации удавалось вводить в заблуждение значительную часть общественного мнения в странах Запада, выдавая любое выступление палестинцев и Организации освобождения Палестины в защиту своих прав за проявление «палестинского терроризма».

Однако под влиянием прежде всего новых фактов: аннексии Израилем арабских территорий, насильственного изгнания палестинцев с их земель, массовых расправ израильской армии с арабским населением Западного берега и лагерей палестинских беженцев на юге Ливана все большее число объективных наблюдателей в западных странах постепенно стало приходить к выводу, что указанная версия сионистской пропаганды в действительности служит лишь для маскировки и оправдания израильской политики экспансии и подавления Палестинского движения сопротивления.

К каким бы изощренным и жестоким методам борьбы против Палестинского движения сопротивления и его руководящей и направляющей силы — Организации освобождения Палестины ни прибегали правящие круги Израиля и сионистская пропаганда с тем, чтобы извратить, очернить и оклеветать их, они были бессильны заслонить от мирового общественного мнения тот факт, что это движение имело широкую народную основу. Подобно антифашистскому движению Сопротивления в странах Европы во время второй мировой войны Палестинское движение сопротивления с самого начала имело ярко выраженный освободительный и справедливый характер, ставя своей главной задачей вернуть палестинцам землю их родины, отнятую у них насилием.

Возникшая в конце 60-х годов тенденция радикализации Палестинского движения сопротивления оказала, как свидетельствуют факты, противоречивое влияние на международные отношения в арабском регионе Ближнего Востока. С одной стороны, она способствовала становлению Палестинского движения сопротивления и Организации освобождения Палестины как самостоятельной военно-политической силы, а с другой — утверждению в ПДС негативного подхода к любым поискам политического решения арабо-израильского конфликта, абсолютизации вооруженной борьбы «до полного освобождения Палестины», появлению в ПДС в начале 70-х годов экстремистского течения. Взятый в 1969—1970 гг. новым руководством Организации освобождения Палестины курс на категорический отказ от политического урегулирования арабо-израильского конфликта и его ставка лишь на вооруженную борьбу усилили расхождения интересов ПДС и ряда арабских государств — участников непо-

средственной конфронтации с Израилем, прежде всего Иордании, и в конечном счете привели к палестино-иорданскому вооруженному конфликту в сентябре 1970 г. Этот конфликт привел, в свою очередь, к острому внутреннему кризису в Палестинском движении сопротивления и к утрате им важных позиций в Иордании, к ослаблению его роли в межарабских отношениях.

Воздействие региональных и международных факторов на преодоление внутренних трудностей и утверждение реалистических тенденций в Палестинском движении сопротивления

Роль и место палестинской проблемы в международных отношениях на Ближнем Востоке в 70-х годах определялись в решающей степени тремя основными факторами: состоянием Палестинского движения сопротивления и новыми тенденциями в его развитии, изменениями в соотношении сил на Ближнем и Среднем Востоке, общей эволюцией международной обстановки.

Острый внутренний кризис в Палестинском движении сопротивления и утрата им жизненно важных позиций в Иордании в июле 1971 г., а также общее ослабление арабской солидарности в результате иорданских событий резко ухудшили внешние условия деятельности Палестинского движения сопротивления и Организации освобождения Палестины. Вынужденная изоляция от основной части палестинского населения Иордании и Западного берега отрицательно сказалась на тактике некоторых групп сопротивления, она привела, в частности, к уменьшению интенсивности боевых операций фидаев против Израиля; это, в свою очередь, ослабило военную роль ПДС, сковывавшего ранее значительную часть израильской армии на линии прекращения огня. Заметно уменьшилась очень нужная для ПДС помощь со стороны Египта, Саудовской Аравии, Ливана и других арабских стран, что привело, по выражению палестинских лидеров, к ослаблению «тыла палестинской революции» [62]. Наконец, из-за террористических акций отдельных экстремистских группировок и злонамеренной сионистской пропаганды оказалась сильно подорванной репутация ПДС на международной арене.

Некоторым политическим наблюдателям на Западе казалось в начале 70-х годов, что Палестинское движение сопротивления и его руководящая сила — Организация освобождения Палестины сломлены. Дальнейшие события, однако, опровергли эти прогнозы. «Возможно, наиболее важным является то, что ООП смогла выжить и развиваться далее, несмотря на массированные нападки на нее»,— отмечал арабский автор Хамид Рашид после событий в Иордании в 1970—1971 гг. «Если бы ООП была всего лишь военным движением ограниченного числа палестинцев, она не могла бы выжить. Однако ее прочные корни в палестинском народе и в арабском мире позволили ей выстоять, она прочно укоренилась и утвердилась... уничтожить ее невозможно. Когда ООП стала объектом нападок, палестинские общины и ее сторонники во всем арабском мире оказали ей активную поддержку... что явилось важным средством давления на правительства арабских стран» [63].

Руководители Организации освобождения Палестины и большинства входивших в нее организаций нашли в себе силы начать пересмотр многих сторон деятельности Палестинского движения сопротивления, а также поиски такой программы действий, которая учитывала бы реальную обстановку и сложившееся соотношение сил. Были, в частности, подвергнуты острой критике прежние установки и лозунги некоторых отрядов ПДС, призывавшие «к свержению режимов стран пребывания», а также максималистский тезис «либо все — либо ничего», осужден и стал изживаться из практики движения сопротивления левацкий экстремизм отдельных групп. Одновременно с пересмотром тактических установок и лозунгов движения руководители ООП наметили ряд мер по активизации политической работы в массах, по налаживанию более тесных связей с палестинцами оккупированных территорий Западного берега и сектора Газа, по укреплению единства ООП и ПДС как части арабского антиимпериалистического движения.

Уже на VIII сессии Национального совета Палестины (28 февраля — 5 марта 1971 г.) ПДС было охарактеризовано как «прогрессивное движение арабского палестинского общества», направленное против «мирового империализма во главе с Соединенными Штатами, прикрывающими сионистскую оккупацию», стремящееся к построению новой жизни на базе «принципов демократии, мира, справедливости, свободы и равенства» [64]. В резолюции VIII сессии НСП предусматривалась необходимость развертывания наряду с вооруженной борьбой и других политических форм деятельности. По решению X сессии Национального совета Палестины (6—10 апреля 1972 г.) был образован Комитет по объединению, в который впервые наряду с представителями организаций сопротивления вошли представители палестинских профсоюзов и массовых патриотических общественных организаций [65]. Особенно важное значение для возрождения активности ПДС имело решение X сессии НСП о «создании единого широкого национального фронта, включающего все силы, ведущие борьбу на палестинской территории» [66]. Речь шла прежде всего об организации сопротивления палестинского населения израильской оккупации непосредственно на территории Западного берега р. Иордан и сектора Газа.

Эта рекомендация, закрепленная в январе 1973 г. в решениях XI сессии НСП, была воплощена на практике: 15 августа 1973 г. на оккупированных территориях Западного берега и в секторе Газа был создан Палестинский национальный фронт

(ПНФ). В его состав вошли действовавшие в подполье члены партизанских организаций (НФОП, ДФОП, Фатх), баасисты, видные прогрессивные общественные деятели. Активное участие в создании ПНФ приняли коммунисты. По их инициативе была разработана политическая программа Фронта из 13 пунктов, в которой отмечалось, что он выступает как «неотъемлемая часть палестинского национального движения, представленного Организацией освобождения Палестины — составной частью общеарабского освободительного движения» [67]. ПНФ вошел в состав ООП прежде всего как представитель населения оккупированных территорий. Своей главной задачей ПНФ поставил сплочение всех патриотических палестинских сил и развертывание организованной борьбы, преимущественно политическими методами, за прекращение израильской оккупации палестинских земель, захваченных в июне 1967 г., и за обеспечение законных прав палестинского народа [68]. Благодаря своей массовой базе (в частности, участию в нем союзов молодежи и студентов, профсоюзов, женских организаций) Фронту удалось добиться большого влияния среди палестинского населения оккупированных территорий.

Развитию позитивных изменений в деятельности ООП в немалой степени способствовала солидарность прогрессивных сил арабских стран с движением палестинского сопротивления. Одним из выражений этой солидарности явилась конференция политических партий и массовых общественных организаций 14 арабских стран в поддержку палестинской революции. На конференции был образован Арабский фронт содействия палестинской революции во главе с председателем Прогрессивно-социалистической партии Ливана Камалем Джумблатом [69]. XI сессия НСП в январе 1973 г. отмечала, что «национальная борьба палестинских арабов решительно и твердо направлена на единство всех мировых революционных сил» и что «необходимостью и объективным условием успеха борьбы арабов» являются «взаимная солидарность и поддержка арабского национального и международного революционного движения» [70].

Стремление руководства Организации освобождения Палестины к сплочению всех палестинских сил и течений палестинского сопротивления в рамках широкого единого национального фронта, к сближению с прогрессивными силами в арабском мире, к все большему перемещению акцентов в своей стратегии и тактике на политические методы борьбы при одновременном постепенном изживании левацкого экстремизма — все эти изменения позитивного порядка свидетельствовали о постепенном преодолении кризисных явлений в ПДС. «Движение сопротивления,— отмечал Зухейр Мохсен в 1973 г.,— не является только „делом фидаев", сводящимся к военным операциям на оккупированных территориях под лозунгом „битва ради битвы". Так обстояло дело вначале... Сегодня мы можем сказать, что движение сопротивления ушло далеко вперед в своем развитии,

превратившись в зрелое национальное палестинское движение, отражающее наличие зрелого и сплоченного народа» [71].

Отмечая несомненные позитивные изменения, наметившиеся в развитии ПДС в 1972 и особенно в 1973 гг., необходимо в то же время заметить, что они происходили отнюдь не гладко, в условиях острых дискуссий и внутренней борьбы различных течений в рядах ПДС и ООП. В эти годы еще довольно сильно давали себя знать вспышки экстремизма и идеи борьбы с Израилем и его союзниками (к которым прежде всего относились «мировой сионизм и англо-американский империализм», а также «почти каждая капиталистическая страна в Европе, помогавшая ему») на «всех широтах», а не только на оккупированных территориях [72]. Многие группы палестинского сопротивления в 1972—1973 гг. по-прежнему оставались приверженцами первоначальной программной установки ООП на решение палестинской проблемы только путем вооруженной борьбы. Относительная устойчивость и трудности преодоления этих тенденций и взглядов объяснялись главным образом сохранением той почвы, на которой они выросли и которая их питала: израильской оккупации и насилия над палестинцами оккупированных территорий. Кроме того, как с полным основанием отмечают советские исследователи Е. Дмитриев и В. Ладейкин, они объяснялись крайностями положения, в котором оказался арабский народ Палестины не по своей вине, и тем, что перед ним пока не вырисовывалась с необходимой и достаточной четкостью и определенностью более или менее реальная перспектива свободного самоопределения» [73].

В условиях острой внутренней борьбы между различными течениями в ПДС и ООП по ключевым вопросам дальнейшей стратегии и тактики движения сопротивления после «черного сентября» едва ли не самым главным и решающим фактором возобладания реалистических тенденций в ПДС (в то время представляемых главным образом руководящим ядром Фатха, ДФОП и Ас-Саики) оказались существенные изменения в региональном соотношении сил и в арабском мире в результате четвертой арабо-израильской войны в октябре 1973 г.

Не вдаваясь в описание хода, характера и особенностей октябрьской войны, достаточно подробно освещенных в ряде работ советских авторов [74], отметим лишь влияние ее последствий на Палестинское движение сопротивления, на эволюцию его позиции в арабо-израильском конфликте и отношений с арабскими странами. Вооруженные формирования ООП приняли непосредственное участие в октябрьской войне: бригада «Айн-Джаллут» действовала в составе египетских войск на синайском фронте, бригады «Хиттин» и «Кадысия» — на Голанских высотах в составе сирийской армии. Кроме того, в боевых действиях участвовали партизанские группы палестинских фидаев на ливанском фронте, оперировавшие с баз в Южном Ливане. В боях палестинцы потеряли до тысячи человек убитыми [75]. Но их участие

в октябрьской войне не ограничивалось только борьбой с оружием в руках. «Палестинские организации,— отмечает группа американских авторов,— призывали к народной войне против сионизма. Они добивались от арабских стран на заседаниях ОПЕК применения „нефтяного оружия". Палестинский национальный фронт успешно организовал забастовку арабских рабочих на израильских промышленных предприятиях и в строительстве, парализовавшую ключевые отрасли промышленности» [76].

Октябрьская война 1973 г. развенчала пропагандистские концепции сионистов об абсолютном военном превосходстве Израиля и якобы «неспособности» арабов вести успешные военные действия против его армии, привела к упрочению арабской солидарности и, на некоторое время, к единству действий арабов против Израиля, включая использование нефти в качестве политического оружия, к укреплению позиций арабского национально-освободительного движения. По мнению руководства Демократического фронта освобождения Палестины, война 1973 г. привела к «возникновению положения почти равновесия в арабо-израильском конфликте в военном и политическом отношении» [77].

Одну из главных ролей в такого рода изменениях сыграл международный фактор: примерное равенство в соотношении сил на мировой арене между лагерем социализма и империалистическим лагерем, тенденция разрядки международной напряженности, наблюдавшаяся в начале 70-х годов, в частности некоторое улучшение советско-американских отношений. Влияние указанного фактора увеличило надежды на мирное политическое урегулирование арабо-израильского конфликта, открыв перспективу мирных переговоров. В результате совместных усилий Советского Союза и Соединенных Штатов 21 декабря 1973 г. в Женеве начала работу конференция по мирному урегулированию арабо-израильского конфликта. Впервые за всю его историю противоборствующие стороны — арабы (Египет, Иордания) и израильтяне встретились не на поле боя, а за столом переговоров. В качестве сопредседателей Женевской конференции по Ближнему Востоку в ней участвовали Советский Союз и Соединенные Штаты.

В свете новой ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке после октябрьской войны 1973 г., руководство Организации освобождения Палестины пришло к выводу о необходимости выработки новой программы и тактики борьбы за права палестинского народа. Один из членов Исполкома ООП, З. Мохсен, отмечал, что «октябрьская война изменила содержание арабо-сионистского конфликта, может быть, не в решающем, однако в очень важном моменте. Поскольку война и ее результаты должны непременно учитываться, мы должны пересмотреть наши довоенные планы, программы и методы действий» [78].

В ходе бурных дискуссий, развернувшихся после октябрьской войны 1973 г. среди входивших в ООП организаций и групп сопротивления по поводу возможности мирного урегулирования, постепенно кристаллизовалась идея учреждения палестинской «национальной власти» — правительства на любой части освобожденной от израильской оккупации территории. XII сессия Национального совета Палестины, состоявшаяся в июне 1974 г., утвердила данный тезис в качестве одного из пунктов принятой на сессии политической программы [79]. Руководители ведущих организаций сопротивления — Фатха, ДФОП, Ас-Саики, по инициативе которых этот тезис был внесен в проект резолюции и в новую программу, подчеркивали в ходе дискуссии, что его принятие станет этапом на пути к достижению стратегической цели — освобождения всей Палестины и создания единого «светского, демократического государства». В то же время представители других организаций, занимавших крайне «левые» позиции,— НФОП, НФОП — Главного командования, Арабского фронта освобождения (АФО) и Фронта палестинской народной борьбы — утверждали, что принятие такого тезиса не может решить палестинской проблемы, а лишь приведет к утрате ее значимости на международной арене и даже «к концу палестинской революции» [80]. Однако подавляющее большинство участников сессии высказалось за принятие положения об учреждении «национальной власти» и программы в целом.

Хотя в программе действий ПДС по-прежнему говорилось о неприемлемости резолюции Совета Безопасности ООН № 242, в ней все же допускалась возможность участия при определенных условиях в поисках политического решения ближневосточного конфликта. В резолюции сессии указывалось, в частности, что если на Женевской конференции по Ближнему Востоку палестинский вопрос будет рассматриваться не как проблема беженцев, а как вопрос об обеспечении законных национальных прав палестинского народа и ООП получит соответствующее приглашение, то ее участие в конференции станет возможным. Программа призывала добиваться единства действий арабского народа Палестины со всеми прогрессивными силами арабских стран, к укреплению связей с социалистическими государствами [81].

Поэтапная программа действий, принятая на XII сессии НСП, свидетельствовала о постепенном утверждении реалистических тенденций в деятельности ПДС и Организации освобождения Палестины, о преодолении внутренних трудностей и кризисных явлений начала 70-х годов. Она открывала реальную перспективу участия ООП в политическом урегулировании арабо-израильского конфликта на основе решений ООН, отхода палестинского руководства от непримиримой позиции в отношении самого существования гоударства Израиль. Решения XII сессии НСП в определенной степени содействовали также укреплению складывающейся вокруг Организации освобождения Палестины широкой коалиции различных политических и

социальных сил палестинского национально-освободительного движения как на оккупированных арабских территориях, так и вне их. Это, в частности, подчеркивалось в резолюции сессии, объявлявшей ООП единственным представителем всего палестинского народа, включая палестинцев, живших на Западном берегу и в секторе Газа [82].

Преодоление Палестинским движением сопротивления внутренних трудностей и перемещение акцентов в деятельности Организации освобождения Палестины преимущественно на политические методы борьбы в 1973—1974 гг. сопровождались заметным возрастанием дипломатической активности ООП. Главные ее усилия в то время в арабском мире и на широкой международной арене были направлены к тому, чтобы добиться признания за ООП права не просто представлять арабский народ Палестины, но выступать в качестве его единственного законного представителя. Это, казалось бы, вполне естественное требование ООП в 1973 г. тем не менее поддерживалось не всеми арабскими лидерами. Например, по мнению иорданского руководства, ООП могла представлять всех палестинцев, кроме тех, которые находились в пределах Иорданского королевства, включая Западный берег р. Иордан. Пытаясь добиться возвращения оккупированного Западного берега в состав королевства, король Иордании Хусейн настаивал также на праве своего правительства представлять миллион палестинцев в Иордании и свыше полумиллиона на Западном берегу [83]. Большинство арабских стран, однако, не поддержало притязаний Иордании. Арабское совещание в верхах, состоявшееся в ноябре 1973 г. в Алжире, приняло решение о том, что Организация освобождения Палестины является единственным законным представителем арабского народа Палестины. Аналогичную резолюцию приняли также участники совещания глав мусульманских стран в Лахоре (Пакистан) в феврале 1974 г. [84].

Особенно важное значение для Палестинского движения сопротивления и международного признания ООП в качестве единственного представителя всего палестинского народа имели итоги совещания глав государств и правительств арабских стран в Рабате (Марокко) в октябре 1974 г. Накануне этого совещания Исполком ООП получил манифест, подписанный 180 видными палестинскими деятелями на оккупированных территориях Западного берега и сектора Газа, в котором они провозглашали приверженность палестинского населения этих территорий Организации освобождения Палестины [85]. Распространенный среди участников совещания данный документ, возможно, оказал определенное влияние на позицию его участников. Во всяком случае, никто из них не поставил под сомнение волю палестинцев оккупированных территорий и их поддержку ООП.

На совещании было единогласно подтверждено право палестинского народа на установление независимой «палестинской власти» под руководством ООП на любой части оккупированной

палестинской территории после ее освобождения. Решения совещания в Рабате предусматривали также оказание всеми арабскими странами всевозможной поддержки ООП, сохранение палестинского единства и невмешательства во внутренние дела палестинцев. Кроме того, в одной из резолюций совещания предлагалось, чтобы Египет, Иордания, Сирия и Организация освобождения Палестины рассмотрели вопрос о регламентации отношений между ними [86].

Участники встречи, представлявшие как прогрессивные правительства антиимпериалистической ориентации, так и феодально-монархические режимы, выдвинули предложение Организации Объединенных Наций пригласить ООП для обсуждения проблемы Палестины на очередной, XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН [87].

Таким образом, решения Рабатского совещания глав арабских стран в октябре 1974 г. закрепили правовое положение ООП как единственного законного представителя арабского народа Палестины и полноправного участника ближневосточного урегулирования.

Международное признание Организации освобождения Палестины и проблема создания палестинского государства

Обсуждение палестинской проблемы на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре—ноябре 1974 г. происходило в условиях, отличных от тех, которые существовали во время обсуждения вопроса о Палестине в конце 40-х годов. В середине 70-х годов освободительная борьба палестинского народа за свое право на самоопределение под руководством Организации освобождения Палестины встречала все большее понимание и поддержку. В то же время все заметнее становилась изоляция Израиля, особенно в Азии и Африке. После арабо-израильской войны в октябре 1973 г. 27 государств Африки порвали дипломатические отношения с Израилем. В Организации Объединенных Наций значительную роль стали играть новые члены — независимые государства Азии и Африки, поддержавшие обращение арабских государств в ООН с просьбой включить вопрос о Палестине в повестку дня XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Впервые после раздела Палестины в 1948—1949 гг. палестинский вопрос был поставлен на обсуждение ООН как политическая проблема, а не в связи с положением беженцев. В отличие от предыдущих сессий в работе данного форума принимали непосредственное участие представители палестинского народа во главе с председателем Исполкома Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом.

В своем выступлении на сессии ГА 13 ноября 1974 г.

Я. Арафат подчеркнул, что усилия палестинского народа направлены на то, чтобы ликвидировать нависшую над ним угрозу уничтожения, восстановить право на самоопределение и неоспоримое право вернуться на родину. «Мы прибыли сюда с мирной миссией, — сказал он. — Цель, к которой мы стремимся, состоит в том, чтобы на палестинской земле могли жить в мире и согласии все населяющие ее народы. Путь к этому лежит через осуществление палестинским арабским народом своих неотъемлемых прав на самоопределение и возвращение к родному очагу, через создание палестинской администрации на оккупированных ныне Израилем арабских палестинских территориях» [88].

В итоге дискуссий и обсуждений 22 ноября 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством голосов (за — 105, против 4 — Израиль, США, Боливия и Доминиканская Республика) приняла резолюцию № 3236, которая подтверждала неотъемлемые права палестинского народа на самоопределение, национальную независимость и суверенитет. Принципиально важным пунктом этой резолюции было положение о том, что палестинский народ является одной из главных сторон в установлении справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке и он может добиваться «восстановления своих прав всеми средствами в соответствии с целями и принципами ООН» [89].

На той же сессии была принята специальная резолюция № 3237, в соответствии с которой Организация освобождения Палестины приглашалась участвовать в качестве наблюдателя в сессиях и работе Генеральной Ассамблеи ООН, а также во всех обсуждениях и конференциях по Ближнему Востоку, проводимых под эгидой ООН, включая Женевскую конференцию по Ближнему Востоку [90].

Подтвердив национальные права палестинского народа и необходимость участия Организации освобождения Палестины в переговорах по Ближнему Востоку, принятые резолюции существенно дополнили и в известном смысле «подправили» резолюции Совета Безопасности №№ 242 и 338, восстановив тем самым политическое содержание палестинской проблемы. Она стала рассматриваться большинством членов мирового сообщества уже не просто как проблема беженцев, а как национальная проблема народа Палестины, имеющего, подобно всем другим народам, право на самоопределение и образование независимого национального государства. В этом состояло основное значение указанных резолюций XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Эти резолюции явились конкретным выражением широкого международного признания справедливого характера борьбы палестинского народа за свои национальные права, Организации освобождения Палестины в качестве единственного законного представителя арабского народа Палестины и одного из участников переговоров по мирному урегулированию ближневосточного конфликта. Даже западная пресса была вынуждена признать, что в «формуле мира» на Ближнем Востоке появилась новая величина. Палестинцы стали, по выражению американской газеты «Крисчен сайенс монитор», новым членом уравнения, силой, с которой нельзя больше не считаться [91]. Другим важным результатом обсуждения проблемы Палестины на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН и ее резолюций явился новый подъем движения сопротивления палестинского народа, рост его политического самосознания. Показательным в этом отношении были массовые выступления палестинцев оккупированных территорий Западного берега и сектора Газа во время работы XXIX сессии в ноябре 1974 г. и особенно после того, как стали известны ее итоги. По Западному берегу и сектору Газа прокатилась волна массовых демонстраций и забастовок, проходивших под лозунгами: «Нет — сионистской оккупации!», «Нет — возврату Западного берега Иордании!», «Да — ООП, единственному законному представителю палестинского народа!». Участники этих выступлений — студенты, учащиеся, рабочие, учителя, торговцы, служащие городов Иерусалима, Наблуса, Хеброна, Рамаллаха и других, скандировали также лозунг: «Палестина принадлежит палестинцам!», сооружали баррикады на дорогах, препятствуя продвижению израильских патрулей. Одновременно многолюдные собрания и митинги палестинцев с требованием положить конец сионистской оккупации палестинских земель состоялись в Бейруте, Дамаске, Аммане, Багдаде, Каире, Кувейте [92].

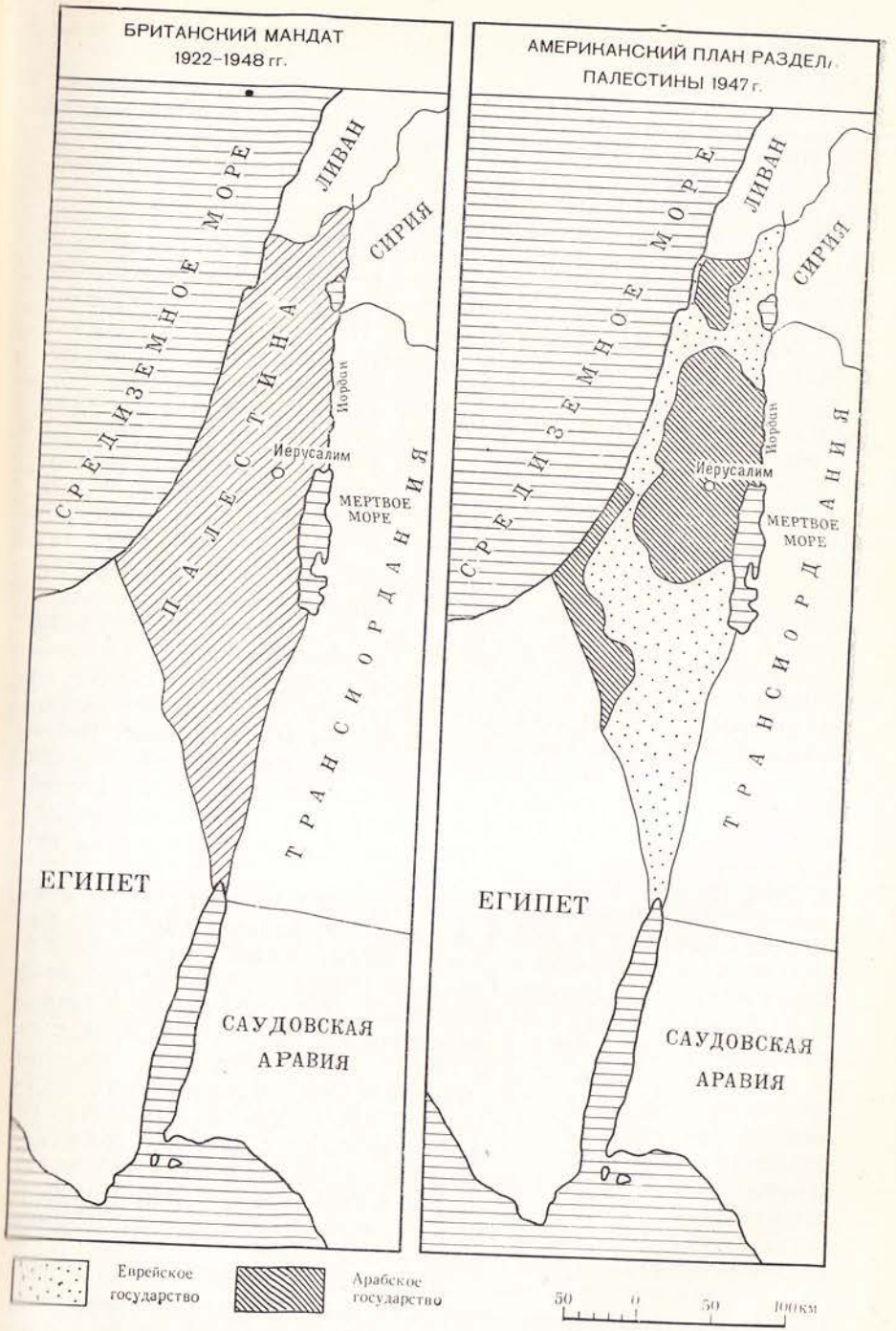
Таким образом, к концу 1974 г. Палестинское движение сопротивления смогло восстановить свои силы и вновь стать важным фактором военно-политической обстановки на Ближнем Востоке, оказывавшим значительное влияние на ее развитие. Это положение ПДС и ООП было закреплено на трех уровнях: на общепалестинском, общеарабском и международном: на общепалестинском уровне — в решениях XII сессии Национального совета Палестины и принятии поэтапной программы из 10 пунктов; на общеарабском уровне — в решениях совещания в верхах в Рабате (октябрь 1974 г.), единогласно признавшего ООП единственным законным представителем арабского народа Палестины; на международном уровне — в резолюции XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ноябрь 1974 г.). «Решение арабских стран, которые единодушно признали ООП единственным представителем, привело палестинцев в восторг. Триумфальный прием, который был оказан в ООН Я. Арафату, вызвал глубокое волнение, радость и гордость народа, который в течение десятилетий считал себя ограбленным, униженным, всеми покинутым. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 22 ноября 1974 г., подтверждавшая права палестинского народа на самоопределение, национальную независимость и суверенитет, вызвала огромные надежды», — писал в связи с этим известный французский специалист Э. Руло [93].

Не будет преувеличением сказать, что 1974 г. явился также переломным моментом в процессе превращения Палестинского движения сопротивления в самостоятельный фактор международных отношений на Ближнем Востоке. С этого времени началось формирование действительно независимой внешнеполитической линии Организации освобождения Палестины, исходившей исключительно из национальных интересов палестинского народа, сформулированных в поэтапной программе XII сессии Национального совета Палестины. Стремление руководства ООП следовать такой линии стало одним из определяющих принципов всей ее дальнейшей внешнеполитической деятельности.

Вместе с тем утверждение ПДС и его руководящей силы — Организации освобождения Палестины как самостоятельного фактора международных отношений означало их вступление в качественно новый этап развития, когда в повестку дня выдвинулись новые проблемы, в частности вопрос о реализации права палестинского народа на создание своего государства. Многие политические деятели и печать на Западе с достаточным на то основанием подчеркивали тесную связь этой проблемы со всем комплексом вопросов по урегулированию арабо-израильского конфликта. «Цена за мир на Ближнем Востоке — новое государство Палестина, сосуществующее с Израилем», — отмечала английская газета «Дейли мейл» в октябре 1973 г. [94]. Близкое к этому мнение высказывал западногерманский журналист О. Хафнер, утверждавший, что «непреложным условием мира на Ближнем Востоке является создание государства для палестинцев» [95]. Признание необходимости создания для палестинского народа «территориальной базы, которая в нужный момент могла бы быть обеспечена государственной структурой», содержалось также в выступлении на XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН министра иностранных дел Франции [96].

В условиях продолжавшейся израильской оккупации палестинских земель проблема палестинской государственности, естественно, имела скорее условный, гипотетический характер. Тем не менее сам факт международного признания права палестинского народа на самоопределение и создание своего государства неизбежно вызывал необходимость поисков возможной структуры последнего, которая отвечала или была бы приближена к сложившимся к середине 70-х годов ближневосточным реалиям. От того, каким может быть предполагаемое палестинское государство, в определенной степени зависели и перспективы разрешения арабо-израильского конфликта, и сложившаяся система международных, в первую очередь межарабских, отношений. Не случайно вопрос о палестинском государстве в середине 70-х годов стал предметом активного обсуждения в политических и научных кругах арабского мира, западных стран и в Израиле.

Анализируя ряд работ по этой проблеме, можно выделить

два ее основных аспекта: внутренний, т. е. собственно палестинский, и международный.

Первый аспект отражал эволюцию взглядов руководства ПДС на характер палестинского государства, общие принципы его построения, а также территориальные, демографические и социально-экономические условия его построения и существования. Кратко они сводятся к следующему.

В современных условиях палестинское государство может быть создано на территории, отведенной для него решением ООН от 29 ноября 1947 г. и в настоящее время оккупированной Израилем. В минимальном варианте речь идет об оккупированной территории Западного берега р. Иордан (в границах, существовавших до израильской агрессии 5 июня 1967 г.) и сектора Газа, соединенных между собой узким коридором (см. карту). Общая площадь нового государства составила бы 5,5—6 тыс. кв. км; его население, по расчетам Центра палестинских исследований, может достичь 1,3 млн. человек, по другим оценкам эта цифра колеблется от 1,5 до 3,2 млн. человек [97]. Как первая, так и вторая оценка ниже общей численности палестинцев — свыше 4 млн. по состоянию на середину 80-х годов: на территории Израиля — 600 тыс. человек, на Западном берегу и в секторе Газа — свыше 1 млн., в странах Арабского Востока — более 2 млн. Сможет ли палестинское государство на Западном берегу площадью около 6 тыс. кв. км абсорбировать всех палестинцев — беженцев или изгнанников, рассеянных сейчас по различным арабским странам? Достаточен ли будет его экономический потенциал для обеспечения 3—4 млн. человек? Некоторые советские и зарубежные авторы сходятся на том, что при рассмотрении демографических и экономических возможностей палестинского государства необходимо учитывать новые реальности, сложившиеся в настоящее время в разделенном на несколько частей палестинском обществе.

Создание национального палестинского государства не обязательно повлечет за собой немедленное возвращение всех палестинских изгнанников к своим очагам, даже в пределы Западного берега и сектора Газа, не говоря уже о прибрежной части бывшей территории Палестины, входящей сейчас в территорию Израиля [98]. Вполне вероятно, что процесс возвращения палестинцев на свою родину может идти постепенно, по мере увеличения абсорбционных возможностей палестинского государства. Наконец, с образованием палестинского государства не исключено появление большой группы лиц с двойным гражданством, которые, имея палестинские паспорта, фактически могут проживать в тех странах, где они живут сейчас. Это в особенности относится к самой многочисленной палестинской общине в соседней с Палестиной стране — Иордании.

При рассмотрении проблемы палестинской государственности с точки зрения ее влияния на международные отношения, в первую очередь межарабские и арабо-израильские, на современном этапе большое значение имеют общие социально-политические принципы построения государства. Хотя в принятой XII сессией Национального совета Палестины поэтапной программе суть формулы «национальная власть» не раскрывается, определенное представление на этот счет дают решения предыдущих сессий НСП (например, V сессии 1969 г.), в которых говорится о задаче «создания свободного демократического общества в Палестине, состоящего из палестинских мусульман, христиан и евреев» [99]. Иными словами, это государство не должно быть ни теократическим, ни расистским (в отличие от сионистского государства Израиль), в нем лица любой национальности и любого вероисповедания будут пользоваться равными правами. Указывая на этот факт, американский ученый арабского происхождения Х. Шараби справедливо пишет о серьезной эволюции подхода ПДС к самой идее палестинского государства. «В 1964 г. цель ООП, как она была сформулирована в Национальной хартии, ограничивалась только „освобождением Палестины“ (статьи 12, 13, 14 хартии). Этой безоговорочной формулировкой Национальная хартия отражала положение палестинцев — их состояние агонии, заброшенности и отчаяния... Возникновение партизанского движения и его превращение в доминирующий фактор после войны 1967 г., вернувшее палестинцам уверенность в себе, привело к иной формулировке политики. Теперь цель освобождения была выражена в новых, позитивных выражениях: создание свободного демократического общества в Палестине, состоящего из мусульман, христиан и евреев... Сколь недостижимой ни представлялась бы сегодня цель создания демократического двунационального государства, — подчеркивает далее Х. Шараби, — она дает первую подлинную возможность урегулирования на основе примирения двух групп населения, а не замену одной из них другой. С точки зрения социологии—равно как и политики—концепция демократического государства вызвала качественное изменение в мышлении палестинцев по поводу окончательного урегулирования, и с этого момента его основным содержанием стало арабо-еврейское сосуществование» [100].

Концепция палестинской государственности была уточнена после октябрьской войны 1973 г. и XII сессии НСП в июне 1974 г., когда была принята поэтапная программа, ознаменовавшая отход от идеи единого демократического государства (без официального отказа от нее) в пользу концепции ограниченного суверенитета — отдельного независимого палестинского государства, не вместо Израиля, а рядом с ним. Принятие Организацией освобождения Палестины новой концепции, сохраняющей свою силу по сей день, явилось убедительным доказательством поворота ООП к политическому решению палестинской проблемы на основе принципа сосуществования с Израилем.

Более сложным аспектом проблемы палестинского государст-

ва является международный, поскольку он самым непосредственным образом затрагивает сферу весьма сложных и нестабильных межарабских отношений. Арабские государства в этом вопросе, как и в отношении проблемы Палестины вообще, руководствовались прежде всего своими национальными интересами, которые постоянно претерпевали изменения в зависимости от международной и региональной обстановки и часто не совпадали с интересами палестинцев. Как уже отмечалось, во многом это объяснялось различиями этапов и задач национального движения арабских стран и арабского народа Палестины, а также интересами находящихся у власти социальных групп. Заслуживает внимания следующее замечание Э. Тумы по данному поводу, содержащееся в его исследовании, посвященном арабскому национально-освободительному движению: «Раздел арабских стран между империалистическими государствами привел к образованию в каждой отдельной арабской стране особых, отличных от других норм общественной жизни, „своих" политических партий, своей правящей элиты, своей местной бюрократии» [101]. К этому необходимо добавить, что в силу воздействия ряда экономических, политических и идеологических факторов, в частности неравномерности социально-экономического развития и различий в социально-политической ориентации режимов, на Ближнем Востоке в середине 70-х годов довольно четко обозначилась «трехполюсная» структура. Главными ее компонентами были Египет, Сирия и Саудовская Аравия. Но наряду с этими «полюсами» внешнеполитической активности арабских стран существовали еще Иордания и Ливан, являвшиеся непосредственными участниками конфронтации с Израилем. Вполне естественно поэтому, что при оценке состояния и перспектив решения проблемы создания палестинского государства особенно важное значение имеет позиция всех этих стран.

В силу ряда исторических, демографических, экономических и политических причин позиция Иордании по данному вопросу всегда представляла собой наиболее «чувствительный» пункт в межарабских отношениях. Претендуя вплоть до Рабатского совещания глав арабских государств в июне 1974 г. на роль единственного представителя палестинцев и пытаясь сохранить за собой Западный берег р. Иордан, иорданское правительство даже после израильской оккупации Западного берега в июне 1967 г. продолжало выплачивать жалованье муниципальным служащим, оплачивать работу учителей, а также предоставлять субсидии учреждениям социального обеспечения и «благотворительным фондам» этого района Палестины, поддерживать с ним тесные торгово-экономические связи. В 1969 г. король Хусейн пожертвовал 1,5 млн. долларов на ремонт мечети Аль-Акса в Иерусалиме. 15 марта 1972 г. он выдвинул план образования так называемого Объединенного арабского королевства [102], которое предполагалось создать из двух районов: палестинского, включающего Западный берег р. Иордан, и «других желающих присоединиться территорий» (явный намек на сектор Газа), и иорданского, которым будет управлять король и национальное собрание — парламент. «План Хусейна» справедливо был расценен тогда палестинским руководством ООП как стремление поглотить Западный берег и попытка помешать свободному самоопределению палестинского народа. Этот план был резко отрицательно встречен также большинством арабских стран. Перед лицом углубления изоляции Иордании в арабском мире король Хусейн был вынужден согласиться с решениями Рабатского совещания, признавшими ООП единственным законным представителем арабского народа Палестины. Это согласие, однако, не означало отказа Иордании от требования «воссоединения» Западного берега с территорией иорданского королевства, с которым она выступила после октябрьской войны 1973 г., и от своей «особой» роли в решении палестинской проблемы. Уступка иорданского руководства, скорее, явилась следствием изменения его тактической линии в условиях сложившейся в то время расстановки сил в арабском мире, не менявшей, однако, стратегии Иордании в палестинском вопросе, в частности в отношении территории Западного берега. Косвенным подтверждением этого явился тот факт, что иорданское правительство, заявляя о признании прав палестинского народа на самоопределение и создание своего государства, продолжало в то же время поддерживать проиорданские группировки на Западном берегу и, как отмечалось, сохранять тесные торгово-экономические отношения с ним, имея в виду возможность возвращения в той или иной форме к проекту образования Объединенного арабского королевства.

Отношение Египта к вопросу о палестинской государственности претерпело значительные изменения. Если в период президентства Г. А. Насера правительство этой страны полностью поддерживало требования ООП о праве палестинского народа на самоопределение и государственность, то после прихода к власти А. Садата отношение к данному вопросу постепенно начало меняться. Хотя на первых порах новый египетский президент еще продолжал выступать с заявлениями о солидарности с палестинским народом и о поддержке Египтом его права на самоопределение, в действительности его правительство шаг за шагом отходило от прежней политики в палестинском вопросе. А. Садат стремился подчинить сотрудничество с ООП его новому курсу на подготовку к заключению сепаратного соглашения с Израилем и сближению с Соединенными Штатами. Изменение позиции Египта еще более четко обозначилось после октябрьской войны 1973 г. Исполком Организации освобождения Палестины осудил первое синайское соглашение между Египтом и Израилем, заключенное 18 января 1974 г., расценив его как шаг, поставивший под угрозу существование палестинского сопротивления [103]. Дальнейшее развитие курса Египта на сепаратную сделку с Израилем привело к еще

большему ухудшению египетско-палестинских отношений и в конечном счете к их разрыву (подробно см. гл. IV).

В политике Сирии в отношении палестинской проблемы вплоть до войны 1973 г. и подписания Рабатских соглашений преобладала линия на активную поддержку ПДС и ООП. Сирия оказывала большую помощь в подготовке Армии освобождения Палестины, разрешила деятельность на своей территории учебных центров и баз палестинских фидаев, а также некоторых органов и учреждений Организации освобождения Палестины. Сирийское правительство твердо поддерживало ООП на общеарабском уровне: оно отвергло политику сепаратных переговоров, предпринятых египетским президентом Садатом, и выступило за выполнение решений Рабатского совещания арабских стран, настаивая на всеобъемлющем решении ближневосточного конфликта на основе полного вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий и обеспечении законных прав арабского народа Палестины, включая его право на создание собственного государства [104]. В период подготовки Женевской конференции Сирия высказалась за приглашение на нее Организации освобождения Палестины. Словом, Сирия выступала как наиболее последовательный стратегический союзник Палестинского движения сопротивления. Со своей стороны, руководство ООП считало, что Сирия как государство с прогрессивным режимом, ставящее перед собой общие с ПДС задачи борьбы за прекращение израильской оккупации арабских земель, сможет оказать ему наиболее действенную и активную поддержку.

В условиях наметившегося в начале 70-х годов отхода Египта от общеарабского фронта борьбы с израильской агрессией значение союза между Сирией и Палестинским движением сопротивления еще больше возросло. «Без Сирии нет Палестины, нет освобождения, нет прогресса»,— утверждала газета «Аль-Баас» — центральный орган ПАСВ в Сирии [105]. Однако действительно важная роль Сирии в противостоянии израильской агрессии и в поддержке прав арабского народа Палестины не исключала определенных трудностей в сирийско-палестинских отношениях. Отчасти они проистекали из дифференцированного подхода сирийского руководства к отдельным отрядам палестинского сопротивления (например, оно отдавало предпочтение сотрудничеству с организацией Ас-Саика, созданной сирийской ПАСВ, перед ведущей организацией ПДС — Фатх), отчасти — из-за расхождений во взглядах по отдельным вопросам межарабских отношений и роли ПДС в Ливане. Если сирийское руководство подходило к этим проблемам прежде всего с позиции сохранения наиболее благоприятного для Сирии баланса сил в Ливане и усиления своего влияния в арабском мире в целом, то руководство Организации освобождения Палестины придерживалось в вопросах межарабских отношений собственной независимой линии, выработанной и одобренной XII сессией Национального совета Палестины. К сожалению, эти расхождения, носившие преимущественно тактический и в известной степени субъективный характер, в условиях постоянно меняющейся ситуации на Ближнем Востоке нередко приводили к осложнениям в сирийско-палестинских отношениях.

На позицию Ливана в палестинском вопросе в середине 70-х годов большое, если не решающее влияние оказывал острый внутриполитический кризис, переросший затем в гражданскую войну. Хотя главными причинами возникновения этого кризиса были глубокие, требовавшие радикального решения внутренние социально-политические противоречия ливанского общества, верхушка общины христиан-маронитов, занимавшая господствующие позиции в Ливане и ориентировавшаяся на западные державы и Израиль, заняла открыто враждебную позицию в отношении Палестинского движения сопротивления и ООП. Присутствие на территории Ливана руководящих органов ПДС и Организации освобождения Палестины, вооруженных отрядов палестинцев, а также более 300 тыс. беженцев маронитская христианская верхушка использовала для разжигания антипалестинских настроений и отвлечения ливанских народных масс от борьбы за свои социальные права и за коренные преобразования в стране. Она стремилась, по словам ливанских коммунистов, к установлению в стране режима «сильной власти», а точнее — военной диктатуры [106]. Несмотря на неоднократные заявления палестинского руководства об уважении суверенитета Ливана и готовности ПДС к его защите от израильской агрессии, правоэкстремистские ливанские силы развернули кампанию за изгнание палестинцев из страны, за уничтожение палестинского сопротивления. Тайными пружинами этой кампании были Израиль и Соединенные Штаты. Будучи вовлеченными во внутриливанский конфликт, палестинские отряды сопротивления вместе с национально-патриотическими силами Ливана были вынуждены отбивать атаки правохристианских вооруженных формирований на лагеря беженцев и опорные базы фидаев. Происходившее в Ливане размежевание классовых и политических сил не могло не повлечь за собой резкое возрастание напряженности в ливано-палестинских отношениях. Хотя Ливан вместе с остальными арабскими странами подписал Рабатские соглашения по вопросу о Палестине, о поддержке прав палестинского народа, практические действия ливанских правящих кругов, находившихся под влиянием правохристианских группировок затрудняли борьбу палестинцев. В то же время действия правохристианских сил встречали резкое осуждение прогрессивной демократической общественности Ливана и всего арабского мира. В конечном счете отношение различных политических кругов и общественных сил к палестинской проблеме в Ливане, равно как и в других арабских странах, определялось не национальной или религиозной принадлежностью, а классовыми интересами. Ибо, как отмечается

в коллективном исследовании американских ученых У. Квандта, Ф. Джаббара и У. Лэш, Палестинское движение сопротивления вносит прогрессивное социальное содержание во все арабское освободительное движение, ускоряя социальные преобразования, чем бросает вызов устаревшим традициям и режимам [107]. Это революционизирующее влияние побуждает правонационалистические круги некоторых арабских стран прибегать порой, как об этом говорит пример Ливана, к открытой борьбе против ПДС и ООП в надежде если не ликвидировать, то по крайней мере ослабить и нейтрализовать их как самостоятельную политическую силу.

В условиях дальнейшего размежевания политических и классовых сил в арабском мире в начале 70-х годов заметно возросла активность Саудовской Аравии. В значительной степени благодаря применению в октябрьской войне 1973 г. «нефтяного оружия» это крупнейшее арабское нефтедобывающее государство к середине 70-х годов выдвинулось в число лидеров арабского мира, оказывая подчас решающее влияние на межарабские отношения и выработку странами региона общей позиции. Для феодально-монархического режима Саудовской Аравии палестинская проблема — это не только один из ключевых вопросов ее внешней политики и средство укрепления позиций в арабском мире, но и немаловажный фактор внутренней жизни. В стране находится значительное число палестинцев, работающих в нефтяной промышленности, административных учреждениях, здравоохранении и просвещении, это дает им возможность в определенной степени воздействовать на настроения широких слоев населения. Кроме того, с решением палестинской проблемы саудовское руководство неизменно связывает вопрос об освобождении Восточного Иерусалима и мусульманских святынь.

Позиция Саудовской Аравии по проблеме Палестины и палестинского государства к середине 70-х годов претерпела определенные изменения. До июньской войны 1967 г. подход саудовских лидеров к этому вопросу был однозначен: «полное освобождение» Палестины (предполагавшее ликвидацию Израиля) и создание единого палестинского государства. После поражения арабов в войне 1967 г., отчасти под влиянием новой ситуации, а отчасти под нажимом США позиция Саудовской Аравии в палестинском вопросе постепенно трансформировалась в более умеренную. Подобно Египту и Иордании, она приняла резолюцию № 242 Совета Безопасности [108].

Саудовская Аравия выступала за ликвидацию последствий израильской агрессии, освобождение всех арабских территорий и в поддержку прав народа Палестины. Однако в ее позиции акцент делался не на создание демократического и независимого палестинского государства, а на возвращение арабам Иерусалима. Что касается палестинского государственного образования, то оно, по мнению правящих саудовских кругов, должно

всегда оставаться «дружественно настроенным» к Саудовской Аравии и в любом случае быть «умеренным».

Наряду с Сирией неизменно безоговорочно поддерживают палестинское национально-освободительное движение, права палестинского народа за самоопределение и создание палестинского государства Алжир и Народно-Демократическая Республика Йемен. Оба государства исходят из того, что палестинская проблема является основной частью арабо-израильского конфликта и решать ее должен сам палестинский народ под руководством Организации освобождения Палестины. Предельно четко это выразил тогдашний президент Алжира Х. Бумедьен: «Мы выступаем против всякого арабского и неарабского опекунства над палестинской революцией, за ее право стратегически и тактически осуществлять революционную деятельность» [110].

Свои особенности есть в подходе к палестинскому вопросу и палестинской государственности у Ирака и Ливии. Отвергая резолюцию № 242 Совета Безопасности, они считают палестинскую проблему центральной проблемой арабов, которая может быть решена только вооруженным путем, и полагают, что палестинское государство должно быть создано на территории всей бывшей Палестины, а не какой-то ее части. Пожалуй, отличную от всех других арабских стран позицию в палестинском вопросе занимает Тунис. В резолюции IX съезда правящей Социалистической дестуровской партии, принятой 18 сентября 1974 г., выражалась полная поддержка Палестинскому движению сопротивления в его борьбе за восстановление своих священных прав, а также ООП как представителю всего палестинского народа. По мнению тогдашнего президента Туниса Хабиба Бургибы, арабы не могут добиться решения арабо-израильского конфликта военным путем и единственный путь решения конфликта и палестинской проблемы — это «возврат к международной законности», т. е. к резолюциям ООН от 29 ноября 1947 г. по вопросу о Палестине. Следовательно, палестинское государство должно быть создано на той территории, которая была отведена ООН для арабского государства [111].

Значительные различия в подходе правительств арабских стран к проблеме палестинской государственности, как это явствует из приведенных конкретных примеров, были главной причиной, мешавшей выработке единой арабской стратегии в палестинском вопросе и арабо-израильском конфликте. В то же время указанные расхождения ставили в трудное положение Организацию освобождения Палестины, которая была вынуждена в известной мере «балансировать» в своей межарабской политике для того, чтобы остаться независимой политической силой. Это положение усугублялось еще и тем, что различные арабские режимы, пытаясь использовать ООП в борьбе за преобладающее влияние в арабском мире, делали ставку на различные течения и организации Палестинского движения сопро-

тивления. Данное обстоятельство не могло не ослаблять внутреннее единство ООП как организационного оформления всех течений, существовавших в палестинском национально-освободительном движении. Кроме того, ООП неизбежно втягивалась в противоречия между радикальными и феодально-монархическими режимами, а также между различными, подчас временными, коалициями и группировками в арабском мире.

Несмотря на все эти трудности, Организация освобождения Палестины к середине 70-х годов стала играть существенную роль в межарабских отношениях. Убедительным тому подтверждением явилось широкое признание Организации освобождения Палестины на региональном и международном уровнях.

Глава четвертая

ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х — НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ

Несмотря на подтверждение мировым сообществом национальных прав палестинского народа в резолюциях XXIX (1974 г.) и последующих сессий Генеральной Ассамблеи ООН, каких-либо сдвигов в практическом обеспечении этих прав и в разрешении арабо-израильского конфликта к середине 70-х годов не произошло. Исконно палестинские территории Западного берега р. Иордан, сектора Газа и зоны Иерусалима по-прежнему оставались оккупированными израильскими войсками, палестинские арабы в своем большинстве продолжали находиться на положении изгнанников, лишенных родины и возможности вернуться к своим очагам, между Израилем и соседними с ним арабскими государствами сохранялось формальное состояние войны.

Тот факт, что арабскому освободительному движению и всем миролюбивым силам не удалось положить конец трагедии арабского народа Палестины, объяснялся отнюдь не отсутствием готовности руководства Организации освобождения Палестины к поискам путей мирного, политического урегулирования арабо-израильского конфликта. Напротив — новая политическая программа ООП, принятая XII сессией Национального совета Палестины в июне 1974 г., открыла благоприятные перспективы для таких поисков. Выдвигая задачу установления на Западном берегу р. Иордан и сектора Газа палестинской «национальной власти», эта программа фактически означала отход от прежнего тезиса Национальной хартии о создании арабского государства на всей территории Палестины, содержала альтернативу мирного сосуществования палестинского государства наряду с Израилем, а не вместо него. Готовность ПДС к разумным компромиссам подтверждала лживость известного тезиса официальных кругов Израиля и сионистской пропаганды о том, что главной целью палестинского сопротивления и ООП якобы является «уничтожение Израиля».

Если арабскому освободительному движению и всем миролюбивым силам не удалось добиться какого-либо прогресса в претворении в жизнь резолюций ООН по палестинской проблеме к середине 70-х годов, то причиной тому в первую очередь была неоколониалистская политика Соединенных Штатов на Ближнем и Среднем Востоке и открытый саботаж Израилем

всех решений Совета Безопасности по выполнению этих резолюций.

Характерной особенностью ближневосточной политики США с начала 70-х годов было широкое варьирование и модификация тактических приемов американской дипломатии, применявшихся к изменениям общей обстановки на международной арене, в ситуации на Ближнем Востоке и в арабском мире. Наряду с «традиционными» методами (военный и экономический нажим, прямое вмешательство во внутренние дела) Вашингтоном вводились в действие такие новые приемы, как провозглашение концепции взаимозависимости, предусматривающей все большую экономическую интеграцию арабских нефтедобывающих стран, с одной стороны, США и других западных государств — с другой, так называемый равноудаленный подход, предполагающий более сбалансированную политику США в отношении арабских стран и Израиля, другие концепции [1]. Однако при всем многообразии старых и новых тактических приемов и методов, задействованных американской дипломатией в вопросах ближневосточной политики, центральным ее элементом и в 70-х годах оставалась безоговорочная поддержка Израиля. Соединенные Штаты более чем когда-либо ранее рассматривали Израиль как свой форпост на Ближнем и Среднем Востоке и «инструмент» обеспечения своих долгосрочных военно-стратегических и экономических интересов. Весьма примечательным в этом отношении является признание американского публициста и финансиста Дж. Уорберга, оценивавшего ситуацию в указанном регионе в конце 60-х — начале 70-х годов: «Поскольку США не решаются применить свою собственную военную мощь на Ближнем Востоке, нынешняя американская политика направлена на использование Израиля как поставщика военной силы для сдерживания социальной революции на Ближнем Востоке» [2].

Новой чертой ближневосточной политики Соединенных Штатов в 70-х годах стало расширение роли Израиля в системе западного, в частности американского, неоколониализма на Ближнем и Среднем Востоке. Если в 50—60-х годах основные функции Израиля в этой системе сводились к охране интересов западных нефтяных монополий, к оказанию постоянного военного давления на соседние арабские государства, «к сдерживанию социальной революции на Ближнем Востоке», то в 70—80-х годах к ним прибавилась еще одна: непосредственное участие в разработке и осуществлении совместной американо-израильской стратегии, направленной на установление в этом регионе своей гегемонии. Данная стратегия включала следующие ключевые элементы: раскол арабского мира на отдельные враждующие группировки, подрыв единого общеарабского фронта сопротивления израильской политике оккупации и агрессии, противопоставление различных отрядов этого фронта друг другу, и в первую очередь — Палестинского движения сопротивления

другим арабским странам, вычленение палестинской проблемы из общего комплекса вопросов ближневосточного урегулирования и, наконец, поэтапное урегулирование ближневосточного конфликта под контролем США и Израиля. Все эти основные элементы новой неоколониалистской стратегии США и Израиля на Ближнем Востоке постепенно кристаллизовались в политике сепаратных сделок, осуществляемой в увязке с глобальной стратегией Вашингтона, нацеленной на достижение мировой гегемонии.

Американо-израильская политика сепаратных сделок и подход Израиля и США к решению палестинской проблемы (1975—1980)

До конца 70-х годов среди большинства исследователей по международным отношениям на Ближнем и Среднем Востоке преобладало мнение, что начало политике сепаратных сделок положило первое египетско-израильское соглашение о разъединении войск в зоне Суэцкого канала, подписанное 18 января 1974 г. при активном посредничестве США [3]. Однако новые данные и документы, появившиеся в работах ряда советских и зарубежных исследователей и публицистов, опубликованных во второй половине 70-х — начале 80-х годов, свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты и Израиль вели поиски путей к заключению сепаратных соглашений между Израилем и арабскими странами еще до четвертой арабо-израильской войны в октябре 1973 г. [4].

Например, из мемуаров бывшего государственного секретаря США Г. Киссинджера «Годы в Белом доме», опубликованных в 1979 г., явствует, что первым шагом в этом направлении явилась встреча премьер-министра Израиля Г. Меир с президентом США Р. Никсоном в декабре 1971 г. «Оба лидера, — пишет Г. Киссинджер, — пришли к взаимопониманию по решающим вопросам стратегии и тактики: поиск путей к широкому урегулированию предполагалось на время приостановить... Вместо этого нужно было вновь приложить усилия, направленные на заключение временного соглашения с Египтом» [5].

Практическую деятельность американской дипломатии по разработке и осуществлению в начале 70-х годов «новой» ближневосточной политики возглавил Г. Киссинджер. В основу ее была положена концепция «частичного урегулирования». Сущность ее состояла в том, чтобы, по словам ее основного автора, Г. Киссинджера, «разделить ближневосточную проблему на отдельные элементы, которые, по-видимому, легче разрешить, чем добиваться всеобъемлющего урегулирования» [6]. Иными словами, речь шла о том, чтобы решать указанную проблему «шаг за шагом», методом прямых переговоров между Израилем и отдель-

ными арабскими странами при посредничестве США, но без участия СССР.

В этой концепции, в частности, проявилась разработанная американскими политологами теория «контролирования» конфликтов и «управления» ими в рамках «двухполюсной» политической системы международных отношений.

Сама по себе идея поэтапного разрешения арабо-израильского конфликта могла бы стать позитивным элементом поисков действительно справедливого и всеобъемлющего урегулирования, если бы результаты каждого этапа увязывались с этой перспективой, вытекавшей из решений Совета Безопасности ООН. Однако американо-израильская концепция была нацелена как раз на то, чтобы не допустить комплексного, всеобъемлющего урегулирования на основе учета интересов всех вовлеченных в конфликт сторон.

Раскрывая подоплеку американо-израильской политики сепаратных сделок, известный египетский политический деятель и журналист М. Хейкал так формулировал основные принципы, которыми руководствовались Соединенные Штаты: «1. Они хотели удержать русских вне этого региона и не позволить им активно участвовать в его делах... 2. Они хотели, чтобы переговоры по различным проблемам осуществлялись раздельно, чтобы велись переговоры между Израилем и Египтом, между Израилем и Сирией, между Израилем и палестинцами (если это когда-либо станет возможным) и т. д. Но все должно происходить на сепаратной основе и не рассматриваться как часть всеобъемлющего урегулирования. 3. Каждое сепаратное урегулирование должно было достигаться поэтапно. 4. Соглашаясь с тезисом израильтян, американцы были убеждены, что не может быть возврата к границам 1967 года. 5. Палестинская проблема должна была рассматриваться как проблема беженцев. 6. Конечным результатом должен быть „пакс американа", гарантирующий американские интересы в регионе» [7].

Стремление американской дипломатии подменить всеобъемлющее ближневосточное урегулирование системой сепаратных двусторонних соглашений между Израилем и сопредельными с ним арабскими странами в какой-то мере проявилось уже при заключении первого египетско-израильского соглашения о разъединении войск в районе Суэцкого канала в январе 1974 г. По этому соглашению Египет и Израиль обязывались соблюдать договоренность о прекращении огня и воздерживаться от всяких действий «военного и полувоенного характера» друг против друга. Израильские войска отводились от берегов Суэцкого канала, над которым восстанавливался контроль Египта. Между войсками Египта и Израиля на Синае создавалась «буферная зона» для размещения в ней контингента чрезвычайных вооруженных сил ООН. В соглашении подчеркивалось, что его следует рассматривать не как окончательное урегулирование, а лишь как первый шаг на пути к справедливому и прочному миру в соответствии с резолюцией № 338 Совета Безопасности ООН [8]. В этом смысле соглашение имело позитивное значение и было поддержано Советским Союзом.

Однако радикального и всеобъемлющего урегулирования не последовало. Этому помешали действия Соединенных Штатов и Израиля, с самого начала рассматривавших договоренность о разъединении войск Израиля и Египта на Синае как самостоятельную, изолированную акцию, никак не связанную с решением ключевых вопросов ближневосточного урегулирования: выводом израильских войск с оккупированных арабских территорий и реализацией права палестинского народа на самоопределение, предусмотренных резолюциями Совета Безопасности ООН.

Аналогичную линию на достижение частного, ограниченного соглашения, не выходящего лишь за рамки отвода войск, американская дипломатия старалась проводить и в отношении Сирии при подготовке соглашения о разъединении израильских и сирийских войск на Голанских высотах. Однако переговоры о заключении этого соглашения и само оно принципиально отличались от январского 1974 г. египетско-израильского соглашения. Во-первых, это соглашение, подписанное 5 июня 1974 г. в Женеве, готовилось в рамках Женевской мирной конференции, во-вторых, оно проходило при активном участии Советского Союза. Поэтому условия сирийско-израильского соглашения были отработаны не в результате диктата Израиля и США, а во многом с учетом требований Сирии, активно поддержанной Советским Союзом. Израильские войска были выведены с сирийской территории, оккупированной Израилем в 1973 г., а также из некоторых районов, захваченных в 1967 г. (включая административный центр Голан город Эль-Кунейтру). В зону, разделяющую позиции сторон, вводились войска ООН по наблюдению за разъединением войск [9].

Столкнувшись с твердой позицией Сирии, американская дипломатия сосредоточила усилия на подготовке второго египетско-израильского соглашения о разъединении войск на Синае. Оно было подписано 4 сентября 1975 г. в Женеве при активном содействии и посредничестве Соединенных Штатов. Египет «в обмен» на частичный отвод израильских войск от Суэцкого канала на расстояние 10—15 км подписался под обязательством о ненападении на Израиль. Соответственно отодвигалась к востоку от канала контролируемая войсками ООН «буферная зона» разъединения, в которой создавались три станции радиолокационного наблюдения за выполнением соглашения, обслуживаемые американским персоналом. Соглашение разрешало провоз невоенных грузов для Израиля или из Израиля через Суэцкий канал. Второе синайское соглашение (4 сентября 1975 г.) и подписанные накануне (1 сентября 1975 г.) между США и Израилем, США и Египтом четыре двухсторонних документа фактически гарантировали «безопасность» Израиля; они преду-

сматривали также увеличение военной и экономической помощи Соединенных Штатов Израилю и Египту. Кроме того, по двустороннему американо-израильскому соглашению от 1 сентября 1975 г. Соединенные Штаты брали на себя обязательство перед Израилем не признавать Организацию освобождения Палестины [10].

Второе синайское соглашение оставляло под израильской оккупацией около 90% Синая, обходило молчанием вопрос о выводе израильских войск с Западного берега и остальных арабских территорий, оккупированных Израилем, проблему самоопределения палестинского народа. Это соглашение имело более отчетливо выраженный сепаратный характер, поскольку меры по разъединению войск никак не увязывались с принятыми Советом Безопасности резолюциями № 242 и № 338 о всеобъемлющем урегулировании, подтвержденными Женевской конференцией. Фактически второе синайское соглашение стало как бы прологом к американо-израильско-египетскому сговору в Кэмп-Дэвиде.

Хотя предусмотренные тремя соглашениями 1974—1975 гг. разъединения войск на Синае и Голанских высотах вносили определенный новый элемент в развитие региональной ситуации, процесс реального всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта фактически так и не был начат. «Опыт показывает, — говорилось в Заявлении правительства СССР от 9 января 1975 г., — что путь частичных мер, осуществляемых к тому же на сепаратной основе, не ведет к решению ближневосточной проблемы. Да он и не может вести к решению, поскольку при этом остаются в стороне главные, ключевые вопросы политического урегулирования» [11].

Если возможности политического урегулирования арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы, появившиеся после октябрьской войны 1973 г. и созыва Женевской мирной конференции в декабре того же года, оказались неиспользованными, если работа конференции была в самом начале фактически заблокирована действиями США и Израиля (последние, как показали факты, пойдя на созыв конференции, добивались лишь устранения неблагоприятных для Израиля последствий войны 1973 г. и исключения самой возможности повторения подобной для него ситуации), то это в значительной мере было связано с позицией, занятой тогдашним египетским президентом Анваром Садатом.

Уже вскоре после прихода к власти в Египте А. Садата наметилась постепенная переориентация египетского внешнеполитического курса в сторону сближения с Соединенными Штатами. Из мемуаров Г. Киссинджера стало известно, например, что еще до открытия мирной конференции в Женеве А. Садат вел с ним секретные переговоры об условиях сепаратного соглашения с Израилем [12]. В своих мемуарах Г. Киссинджер признает, что США рассматривали проблему урегулирования ближневосточного кризиса через призму борьбы с советским влиянием в этом регионе, и усиленно вооружали Израиль, преднамеренно блокируя возможность политического выхода из кризиса [13]. При этом американская дипломатия усиленно внедряла в сознание руководителей арабских стран идею о том, что «ключи к решению ближневосточной проблемы находятся в руках Соединенных Штатов, а не СССР» [14]. Действия А. Садата в преддверии октябрьской войны 1973 г. во время и после нее свидетельствовали, что он, видимо, был согласен с этой разработанной Г. Киссинджером формулой.

По мере сближения с Соединенными Штатами А. Садат все более отходил от антиимпериалистических принципов египетской революции 23 июля 1952 г., предавая интересы своих арабских союзников. По словам американского журнала «Тайм», А. Садат стремился «повернуть настроения в Египте от воинствующего панарабизма к конструктивному национализму» [15]. Если во время президентства Г. А. Насера (1954—1970) доминирующее влияние на внешнеполитический курс Египта оказывала идеология панарабизма, то в период правления А. Садата решающую роль в египетской внешней политике стал играть чисто «египетский» национализм, неизбежно противопоставлявший Египет другим арабским странам.

Египтоцентристские тенденции во внешнеполитическом курсе А. Садата, его готовность следовать в фарватере американо-израильской политики сепаратных сделок обусловливались не только его личными взглядами, хотя было бы вряд ли правильным их вовсе не учитывать [16]. Эти тенденции возникли в условиях возросшего влияния на внутреннюю и внешнюю политику страны новых слоев египетской буржуазии, ставших главной социальной опорой режима А. Садата. К таким слоям относились крупные оптовые торговцы, подрядчики, владельцы недвижимости, всякого рода посредники и спекулянты, представители сельской и так называемой бюрократической буржуазии, т. е. те, кто был заинтересован в восстановлении финансово-экономических связей с иностранным капиталом, серьезно ослабленных во время президентства Г. А. Насера в 50—60-х годах. Влияние этих групп египетской буржуазии в решающей степени предопределило введение А. Садатом политики «инфитаха», т. е. «открытых дверей», рассчитанной на широкое привлечение в страну зарубежных инвестиций. Изменение характера внутренней политики повлекло, в свою очередь, переориентацию внешнего курса, включая постепенное свертывание сотрудничества с социалистическими странами и сближение с Западом.

Изменение подхода Египта к урегулированию арабо-израильского конфликта и переориентация его на сближение с Соединенными Штатами происходили постепенно. В течение первой половины 70-х годов Садат, ведя секретные переговоры с Г. Киссинджером об условиях сепаратной сделки с Израилем, в то же время стремился заручиться поддержкой остальных

арабских государств, в первую очередь богатых нефтедобывающих стран Персидского залива. Он неоднократно заявлял о верности Египта делу арабского единства и о солидарности с требованиями арабского народа Палестины. Так, в речи в Национальном собрании (парламенте) Египта 4 февраля 1971 г. А. Садат говорил: «Мы не можем говорить от их (палестинцев.— *В. К.*) имени и не имеем права это делать, не говоря уже о том, чтобы пойти от их имени на капитуляцию. Мы не войдем в историю как поколение, которое предаст права палестинского народа» [17]. В марте 1972 г. Садат отверг выдвинутый королем Иордании Хусейном проект создания Объединенного арабского королевства, опасаясь, что признание такого рода планов может ослабить влияние Египта на ООП. В сентябре 1972 г. Садат выступил с предложением образовать палестинское правительство в изгнании, надеясь, очевидно, использовать его в интересах египетской политики в арабском мире [18]. Однако руководство ООП отвергло это предложение, указав, что оно «направлено на то, чтобы уйти от жизненно важных вопросов» [19].

После октябрьской войны 1973 г. зигзаги и непоследовательность курса Садата в отношении ООП и палестинской проблемы стали проявляться еще резче. Во время переговоров с Г. Киссинджером относительно созыва Женевской конференции он поначалу ставил вопрос о желательности «подключения» палестинцев в той или иной форме к разрабатывавшейся американцами схеме урегулирования во избежание каких-либо «нежелательных эксцессов» со стороны ООП. Но как только эта инициатива натолкнулась на сопротивление Израиля, отказался от нее [20]. В июле 1974 г. Садат предложил, чтобы интересы палестинцев на Женевской конференции представляла Иордания [21]. Однако резко отрицательная реакция руководства ООП на такое предложение вынудило египетское правительство снять его. В октябре 1974 г. на совещании глав государств и правительств арабских стран в Рабате президент Египта поставил свою подпись под коллективным обязательством всех арабских стран рассматривать ООП как единственно законного представителя арабского народа Палестины и поддерживать его национальные права [22].

Однако Садат, в отличие от других арабских лидеров, уже в начале 1975 г., т. е. всего через несколько месяцев после совещания в Рабате, пошел на возобновление переговоров с Г. Киссинджером и Дж. Фордом об условиях нового сепаратного соглашения с Израилем о разъединении войск на Синае, а затем и на подписание такого соглашения (4 сентября 1975 г.). Этот шаг египетского президента, предпринятый им без всякого согласования со своими ближайшими союзниками по военной конфронтации с Израилем — Сирией и ООП, прогрессивные силы арабского мира справедливо расценили как прямой акт отступничества от решений Рабатского совещания в верхах по

палестинской проблеме. Так, в заявлении сирийской партии ПАСВ подчеркивалось, что действия Египта означают отход от основной цели арабов — освобождения Палестины и противоречат решениям совещаний в Хартуме, Алжире и Рабате, на которых арабы взяли на себя обязательства вести борьбу до полного освобождения оккупированных Израилем территорий и восстановления национальных прав арабского народа Палестины [23]. «Садат,— писала в сентябре 1975 г. марокканская газета „Опиньон“, — по сути дела, перечеркнул 28 лет борьбы палестинского народа, рекомендации Рабатского совещания глав арабских стран, а также обязательства Египта в отношении палестинской революции, променяв все это на незначительный отход израильских войск и несколько миллионов американских долларов» [24].

Поддержка Египтом американо-израильской политики сепаратных сделок дала Израилю благоприятную возможность для нанесения удара по Палестинскому движению сопротивления в Ливане — единственной тогда арабской стране, с территории которой отряды ПДС могли вести операции против израильской армии. В течение ряда лет, еще до подписания Египтом синайских соглашений, Израиль тайно снабжал правохристианские силы Ливана оружием, подталкивая их на открытое выступление против палестинцев. Одновременно шла подготовка к совместному израильско-американскому вмешательству во внутренние дела Ливана [25]. Подстрекательские действия Израиля и США (наиболее активную роль в этом играли израильские спецслужбы и американское Центральное разведывательное управление) явились одной из главных причин перерастания острого внутреннего социально-политического конфликта в Ливане в 1975—1976 гг. в гражданскую, братоубийственную войну [26].

В самый разгар гражданской войны в Ливане, в марте—апреле 1976 г., Израиль полностью блокировал ливанские порты Тир и Сайду, через которые главным образом отряды национально-патриотических сил и Палестинского движения сопротивления получали оружие, боеприпасы и продовольствие. Одновременно США направили к берегам Ливана соединение боевых кораблей в составе авианосца и шести других судов с морской пехотой на борту. В американской прессе появились сообщения о разработке Пентагоном «чрезвычайных мер» в отношении Ливана [27].

В условиях нараставшей опасности прямой интервенции Израиля и США, угрожавшей существованию как независимого государства не только Ливана, но и соседней с ним Сирии, Дамаск принял решение о вводе на территорию Ливана 1 июня 1976 г. своих войск. Но постепенная нормализация обстановки в Ливане наступила лишь после созванного в Эр-Рияде 17 октября 1976 г. по инициативе саудовского короля совещания глав пяти арабских государств: Саудовской Аравии, Египта, Кувейта, Сирии, Ливана и Организации освобождения Палести-

ны. На этом совещании было достигнуто соглашение (21 октября 1976 г.) о прекращении огня в Ливане и поэтапном урегулировании ливанского кризиса, о сформировании «межарабских сил по поддержанию мира» (соглашением предусматривалось, что их основу составит сирийский воинский контингент), а также об урегулировании взаимоотношений между ПДС и ливанскими властями на основе восстановления действия Каирского соглашения 1969 г.[28]. Процесс нормализации обстановки в Ливане протекал, однако, крайне медленно и сложно, прежде всего из-за вмешательства Израиля, который инспирировал все новые и новые столкновения между враждующими сторонами.

Хотя Израилю и Соединенным Штатам — подлинным инициаторам ливанского кризиса удалось с помощью своих союзников в арабском мире — Садата и ливанских правохристианских группировок — втянуть палестинцев и Сирию во внутренний конфликт в Ливане, они не смогли добиться своей главной цели: подавления ПДС и ливанских национально-патриотических сил. Несмотря на тяжелые потери палестинцев (по оценке западной печати, они составили к концу 1976 г. до 20% руководящего состава ПДС и 20 тыс. рядовых членов организации)[29], Палестинское движение сопротивления и его политический авангард — Организация освобождения Палестины смогли выстоять и сохранить жизнеспособность. Ливанский кризис 1975—1976 гг. не привел, как на это рассчитывали Израиль и США, к устранению палестинского фактора из ближневосточной реальности и тем самым к исчезновению самого серьезного, по их мнению, препятствия на пути американо-израильской политики сепаратных сделок. Более того, после событий 1975—1976 гг. в Ливане необходимость конструктивного решения палестинской проблемы с учетом национальных требований палестинцев приобрела еще большую актуальность. Косвенным подтверждением этого были критические высказывания ряда американских политических деятелей и ученых в отношении политики «частичного урегулирования». Например, в докладе «Путь к миру на Ближнем Востоке», подготовленном группой американских исследователей из Брукингского института в Вашингтоне в 1977 г., говорилось, что политика «частичного урегулирования» привела к усилению нестабильности в регионе, возрастанию опасности нового вооруженного столкновения между Израилем и арабскими странами. Подчеркивалась важность «концентрации усилий на переговорах о всеобъемлющем урегулировании, которое не может быть достигнуто без признания Израилем принципа самоопределения палестинцев, вплоть до возможности создания независимого палестинского государства». В докладе делался вывод о необходимости возврата к идее всеобъемлющего комплексного урегулирования на Ближнем Востоке[30]. В другом документе — докладе Информационной службы конгресса США «Ближний Восток: политика США, Израиля, нефть и арабские страны» (1977) указывалось, что «ко времени прихода в Белый дом в январе 1977 г. Дж. Картера сложилось общее согласие в отношении того, что поэтапная дипломатия должна быть заменена усилиями по достижению всеобщего урегулирования»[31].

В пользу всеобъемлющего, комплексного подхода к разрешению ближневосточного конфликта, включая палестинскую проблему, поначалу высказывался и президент Дж. Картер. Выступая в Клинтоне в марте 1977 г., Картер предложил план ближневосточного урегулирования, включавший следующие положения: прекращение состояния войны между Израилем и арабскими странами и установление «подлинного мира», отход войск Израиля с оккупированных в 1967 г. арабских территорий на «взаимосогласованные, безопасные и признанные границы», предоставление палестинцам «национального отечества», связанного в той или иной мере с Иорданией[32]. 1 октября 1977 г. было опубликовано совместное советско-американское заявление по Ближнему Востоку, в котором говорилось: «Советский Союз и Соединенные Штаты считают, что все конкретные вопросы урегулирования должны решаться в рамках всеобъемлющего урегулирования ближневосточной проблемы, включая такие ключевые вопросы, как вывод израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время конфликта 1967 года; палестинский вопрос, включая обеспечение законных прав палестинского народа; прекращение состояния войны»[33].

Однако спустя всего четыре дня после опубликования совместного заявления, уступая давлению сионистского лобби, Дж. Картер пошел на попятную: 5 октября 1977 г. он подписал по итогам переговоров с министром иностранных дел Израиля М. Даяном, прибывшим в срочном порядке в Нью-Йорк, так называемый «рабочий документ». Этот документ, касавшийся порядка созыва Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, исключал участие в конференции Организации освобождения Палестины и фактически перечеркнул достигнутую ранее советско-американскую договоренность о возможных совместных действиях в ближневосточных делах[34]. Столь резкое изменение позиции американского президента, обнажившее все двуличие американской дипломатии в ближневосточной политике, было вызвано не только яростной пропагандистской кампанией сионистских кругов против советско-американского заявления от 1 октября 1977 г.[35]. В не меньшей степени оно было обусловлено взятым Вашингтоном общим курсом на отход от политики разрядки. Основные усилия на Ближнем Востоке администрация Картера сосредоточила на подготовке сепаратного соглашения между Израилем и Египтом, начавшейся с инспирированного Соединенными Штатами «сенсационного» визита президента Египта А. Садата в Иерусалим 19 ноября 1977 г. и его прямых переговоров с израильским правительством[36]. Результатом этих переговоров, происходивших затем при посредничестве и прямом участии американских представителей, было под-

писание 17 сентября 1978 г. в Кэмп-Дэвиде двух документов: «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» и «Рамки для мирных переговоров по Ближнему Востоку» [37].

Первый документ предусматривал поэтапное (в течение трех лет) возвращение Египту оккупированного Израилем в июне 1967 г. Синайского полуострова «в обмен» на полное официальное признание египетской стороной государства Израиль, установление с ним дипломатических, экономических и культурных связей, прекращение экономического бойкота и снятие всех ограничений, препятствующих свободному движению грузов и людей между двумя странами, включая свободное движение израильских кораблей и товаров по Суэцкому каналу. В то же время восстановление египетского суверенитета над Синаем оговаривалось различного рода условиями: Египту, в частности, разрешалось иметь на Синайском полуострове лишь ограниченные воинские силы (не более одной дивизии); вдоль границы с Израилем на египетской территории выделялась демилитаризованная зона шириной от 20 до 40 км, в которой для «гарантии безопасности» Израиля запрещалось размещение каких-либо египетских воинских частей, там должны были дислоцироваться так называемые международные «силы наблюдения»; Египту разрешалось использовать оставлявшиеся Израилем аэродромы на Синае исключительно для гражданских целей (тогда как Израилю было предоставлено право иметь вблизи границы с Египтом две военные базы, позволявшие фактически контролировать все воздушное пространство Синая) [38].

Основные положения документа «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» свидетельствовали о том, что выработанный и подписанный в Кэмп-Дэвиде проект сепаратного договора ставил Израиль в преимущественное положение по сравнению с жертвой агрессии — Египтом, существенно ограничивая его суверенитет.

Второй документ, «Рамки мира для Ближнего Востока», касался судьбы палестинских земель — Западного берега и сектора Газа. Хотя в преамбуле этого документа и содержалась ссылка на резолюцию Совета Безопасности № 242, в нем не упоминалось ни об оккупированном Израилем в июне 1967 г. Иерусалиме, ни о возвращении на родину палестинских беженцев, ни о национальных правах арабского народа Палестины. Подписавшие документ стороны согласились на установление на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа режима так называемой «административной автономии» в преддверии «всеобъемлющих договоренностей в будущем» относительно окончательного статуса этих территорий. В документе выражалось согласие Израиля и Египта после нормализации отношений между ними приступить к переговорам об условиях функционирования режима «административной автономии» и выборов населением Западного берега и сектора Газа «административного совета» — палестинского органа, призванного участвовать совместно с израильскими властями в решении вопросов здравоохранения, образования, коммунального хозяйства и т. п. При этом специально подчеркивалось, что право решения ключевых вопросов, связанных с «безопасностью», политикой и экономикой Западного берега и сектора Газа, оставалось исключительно за израильскими властями. После сформирования «административного совета» предусматривалось введение пятилетнего «переходного периода», на третьем году которого должны начаться переговоры об определении окончательного статуса Западного берега и сектора Газа. В переговорах должны были участвовать Израиль, Египет, Иордания (если она этого пожелает) и представители палестинского населения Западного берега и Газы (с оговоркой: «по взаимному соглашению сторон», т. е. фактически с одобрения израильских властей). Стороны согласились, что израильские войска остаются в «определенных пунктах» Западного берега и сектора Газа на неопределенное время [39]. Все эти положения документа «Рамки мира для Ближнего Востока», касающиеся палестинской проблемы, по существу, воспроизводили в своих главных чертах так называемый план Бегина в отношении Западного берега и сектора Газа, который был изложен израильским премьером на заседании кнессета (парламента) в декабре 1977 г.

Подписанные в Кэмп-Дэвиде документы должны были, по замыслу инициаторов кэмп-дэвидской сделки, подготовить почву для заключения сепаратного договора о мире между Израилем и Египтом — своего рода модели аналогичных соглашений с остальными арабскими странами (Иорданией, Сирией, Ливаном). Вскоре после подписания кэмп-дэвидских соглашений при активном участии американского президента между Израилем и Египтом начались переговоры, которые завершились подписанием 26 марта 1979 г. в Вашингтоне «договора о мире» между Израилем и Египтом. Свою подпись под этим договором кроме израильского премьера Бегина и египетского президента Садата поставил также в «качестве свидетеля» и американский президент Дж. Картер. Договор и многочисленные приложения к нему (обменные письма участников кэмп-дэвидских переговоров, протоколы и другие документы) закрепляли и детализировали основные положения, сформулированные в кэмп-дэвидских соглашениях [40]. Сама церемония подписания договора, так же как и предшествующих ему кэмп-дэвидских соглашений, сопровождалась беспрецедентной по размаху пропагандистской кампанией, развернутой средствами массовой информации стран—участниц переговоров. Рекламируя миротворческие усилия США, Израиля и Египта, официальные круги этих стран и сами участники переговоров представляли кэмп-дэвидскую сделку не иначе как «событие века», якобы открывшее путь к миру и к всеобъемлющему урегулированию, как «поворотный момент» в истории народов. Было очевидным, однако, что все эти утверж-

дения, шумная реклама «духа Кэмп-Дэвида» и египетско-израильского договора предназначались главным образом для того, чтобы завуалировать подлинные цели инициаторов и участников сделки.

Каковы же были эти цели?

Израиль. «Вернуть Синай Египту, т. е. часть захваченной Израилем и не принадлежащей ему территории, чтобы развязать себе руки в Западной Иордании (Западный берег р. Иордан. — *В. К.*) и в Газе — такова была вполне конкретная цель израильского премьер-министра Менахема Бегина, когда он подписал 17 сентября прошлого года кэмп-дэвидские соглашения. Но для того, чтобы такая операция была приемлемой, нужно было создать впечатление, что палестинская проблема тоже будет решена. Отсюда проект административной автономии, который он предложил для арабских территорий, оккупированных с 1967 года; при этом он категорически заявлял, что палестинское государство никогда не будет создано ни в Иудее и Самарии (Западный берег р. Иордан. — *В. К.*), ни в Газе» [41]. Приведенный отрывок из статьи известного израильского журналиста и исследователя А. Капелюка, опубликованной в журнале «Монд дипломатик» в начале 1979 г., достаточно точно раскрывает одну из ближайших целей Израиля, одну — но не единственную. Для Израиля, как впрочем, и для Египта и США, кэмп-дэвидская сделка имела многоцелевое назначение. С помощью кэмп-дэвидских соглашений и египетско-израильского сепаратного «договора о мире» Тель-Авив не только надеялся ускорить фактическую аннексию оккупированных палестинских земель на Западном берегу и в Газе (условия соглашений давали достаточные основания для таких надежд, поскольку израильское правительство получало в свое распоряжение как минимум пятилетний период для продолжения политики «свершившихся фактов», для дальнейшей колонизации оккупированных палестинских земель, с тем чтобы их «израилизация» и «сионизация» приняли необратимый характер). Еще большее значение кэмп-дэвидской сделки для Израиля состояло в том, что она способствовала расколу общеарабского фронта борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, изоляции Египта в арабском мире, его отказу от помощи другим арабским странам и Палестинскому движению сопротивления и, наконец, снятию палестинской проблемы вообще с повестки дня как национальной проблемы народа, насильственно лишенного своей родины.

Египет. По расчетам египетского президента А. Садата, кэмп-дэвидская сделка и «договор о мире» с Израилем должны были прежде всего укрепить его престиж в Египте и в арабском мире, оправдать в глазах египтян и всех арабов его курс на сближение с Соединенными Штатами и Израилем; обеспечить поддержку его действий со стороны монархических арабских режимов, ориентирующихся на США, таких, как Саудовская Аравия, Иордания, Марокко, побудить их последовать примеру Египта; утвердить Садата в роли «первой скрипки» в процессе ближневосточного урегулирования, а в перспективе и в качестве лидера всего арабского мира. Немалые надежды Садат возлагал также на то, что его подпись под кэмп-дэвидскими соглашениями будет щедро оплачена американской экономической и военной помощью Египту.

Соединенные Штаты. С точки зрения администрации Картера — главного инициатора кэмп-дэвидской сделки — соглашения по Ближнему Востоку, подписанные в Кэмп-Дэвиде и Вашингтоне, должны были прежде всего стать исходной основой для долговременного процесса поэтапного урегулирования ближневосточного конфликта под американским контролем с постепенным вовлечением в кэмп-дэвидский процесс Ливана, Иордании, Сирии и перспективой образования проамериканского военно-политического альянса между Израилем и присоединившимися к планам кэмп-дэвидского сговора арабскими государствами.

Таким образом, ближайшие и долговременные цели партнеров по кэмп-дэвидской сделке отнюдь не совпадали. И тем не менее близость классовых интересов, а также известные иллюзии относительно того, что Кэмп-Дэвид облегчит им решение собственных острых политических и социально-экономических проблем, подтолкнул их к объединению на кэмп-дэвидской платформе.

Кэмп-дэвидская программа построения «мира» на Ближнем Востоке, соглашения, подписанные 17 сентября 1978 г. в Кэмп-Дэвиде и «договор о мире» между Израилем и Египтом от 26 марта 1979 г., а также соответствующие приложения к этим документам представляли собой в известном смысле новый этап в развитии политики сепаратных сделок.

Почти одновременно с переговорами Садата в Иерусалиме (ноябрь 1977 г.) представители израильского правительства поспешили объявить, что Израиль не признает права палестинцев на самоопределение и создание собственного государства и что они рассматривают Западный берег Иордана как «неотъемлемую часть исторической родины народа Израиля» («Эретц Исраэль») [42]. «Мы не согласимся с терминами „палестинское государство“ или „самоопределение“, оба они означают одно и то же, — заявил, например, Бегин в интервью журналу „Ньюсуик“ 16 января 1978 г. — Справедливое решение для палестинских арабов — это автономия, которая не создает угрозы для безопасности палестинских евреев» [43]. В качестве альтернативы созданию арабского палестинского государства и был выдвинут «план Бегина» о предоставлении «самоуправления» для части арабского народа Палестины на оккупированных Израилем территориях Западного берега и Газы. Палестинские беженцы, находящиеся вне пределов этих территорий, вообще не принимались в расчет и по-прежнему обрекались на вечное изгнание.

После подписания сепаратного египетско-израильского «договора о мире» от 26 марта 1979 г. «план Бегина» был детализирован в сторону его еще большего ужесточения. В окончательной редакции этого плана, утвержденного кнессетом 21 мая 1979 г., говорилось, что «автономия для Западного берега и Газы» будет рассматриваться применительно к населению, но не к территории, что «земли, необходимые для израильской армии и поселений», а также «земли государственные и необрабатываемые» сохраняются под израильским суверенитетом [44]. Декларируя «автономию» для палестинцев Западного берега и Газы, израильские власти в то же время усилили колонизацию этих земель. В октябре 1978 г. специальной «комиссией по осуществлению плана автономии» был разработан проект дальнейшего «освоения» Израилем оккупированных палестинских территорий Западного берега и сектора Газа, предусматривавший расширение сети существующих и строительство новых израильских поселений (в том числе в населенных преимущественно арабами районах вокруг городов Наблус, Хеброн, Иерусалим), усиление экономической интеграции Западного берега и Газы с Израилем в качестве его сельскохозяйственного придатка и резервуара рабочей силы. В сентябре 1979 г. правительство приняло специальный закон, разрешавший еврейским поселенцам скупать земли у частных арабских владельцев [45]. По данным доклада комиссии Совета Безопасности ООН, созданной в феврале 1979 г. для рассмотрения положения на оккупированных Израилем территориях, общая численность израильских поселений достигла 133 против 114 в 1977 г. [46]. Земли, захваченные властями для таких поселений, занимали к тому времени 27% территории Западного берега р. Иордан и большую часть Голанских высот. К концу 1982 г. общая площадь конфискованных арабских земель составляла уже 43,5% всей территории Западного берега [47]. Замысел израильского правительства состоял в том, чтобы, все более сокращая площадь, остававшуюся еще формально у арабских владельцев, свести ее к такому минимуму, который практически исключал бы образование на ней арабского палестинского государства.

Подготовка условий к фактической аннексии Израилем Западного берега и Газы под флагом «палестинской автономии» сопровождалась новыми попытками израильской армии сокрушить Палестинское движение сопротивления на оккупированных территориях и в Ливане. 15 марта 1978 г., т. е. еще в ходе сепаратных переговоров Бегина и Садата, израильская армия предприняла вторжение на юг Ливана, в ходе которого десятки тысяч палестинских беженцев были вынуждены покинуть свои лагеря и искать убежище в других районах Ливана. В марте 1978 г. в израильский кнессет была официально внесена резолюция, призывавшая к уничтожению ООП и ее руководителей. Израильскими спецслужбами совместно с египетской разведкой и ЦРУ были организованы новые террористические акции против видных палестинских деятелей с целью деморализации Организации освобождения Палестины. (По данным лондонского журнала «Мидл ист», с 1972 по 1981 г. агентами израильской разведки Моссад в различных странах мира было убито 26 видных представителей палестинских организаций [48].)

Линия официальных кругов Израиля на ужесточение подхода к решению палестинской проблемы встречала одобрение фактически всех основных сионистских партий, начиная от крайне правого блока Ликуд и национально-религиозной партии «Мафдал» до партии труда Израиля (МАИ) и партии Мапам, входивших в оппозиционный Ликуду блок Маарах. Все эти партии стояли на общей платформе сионистского «консенсуса», выраженного триединой формулой: «Нет — границам 5 июня 1967 г., нет палестинскому государству, нет переговорам с ООП». Вместе с тем на почве нараставшего недовольства широких масс политикой оккупации, милитаризации и экспансионизма в Израиле во второй половине 70-х годов ширилось движение протеста против этой политики. Во главе этого движения находилась Коммунистическая партия Израиля. В отличие от сионистских партий израильские коммунисты на протяжении многих лет стремились перебросить мост между израильским и арабским народами. Но правительство Израиля неизменно старалось сжечь этот мост [49]. Своей деятельностью израильские коммунисты стремятся доказать, что ближневосточное урегулирование должно быть основано на удовлетворении национальных прав арабов-палестинцев, что подлинный мир возможен только тогда, когда будет решена палестинская проблема. В резолюции XVIII съезда Компартии Израиля (1976 г.) отмечалось, что «КПИ полностью поддерживает национальное стремление арабского палестинского народа создать независимое палестинское государство на территориях, которые будут освобождены от израильской оккупации» [50]. Генеральный секретарь ЦК КПИ М. Вильнер в своем выступлении на встрече с египетским президентом А. Садатом в кнессете 21 ноября 1977 г. заявил: «Не кто иной, как ООП, в нашем понимании,— единственный законный и признанный арабскими странами и ООН представитель народа Палестины. Для нас вполне очевидно, что без признания Израилем ООП как представителя палестинского народа и защитника его прав... не будет решена палестинская проблема — основная проблема арабо-израильского конфликта» [51]. Отражением важных сдвигов в сознании масс было также возникновение в Израиле в июне 1978 г. движения «Мир — сейчас» («Шалом охшави»), объединившего представителей различных слоев населения, выступавших за мир с палестинцами и другими арабскими народами, против создания колониальных поселений на оккупированных израильской армией территориях. Однако в условиях абсолютного господства в Израиле сионистской идеологии, а также материальной зависимости трудящихся от Гистадрута и других сионистских органи-

заций эти сдвиги не могли коренным образом изменить официальную политику израильского правительства в палестинском вопросе и в отношении урегулирования арабо-израильского конфликта. Соотношение сил между сторонниками изменений и правительственного курса в конце 70-х годов было примерно таким же, как во время голосования в кнессете в марте 1978 г. в связи с обсуждением резолюции об уничтожении ООП — 115 за такую резолюцию и 5 — против (Демократический фронт за мир и равноправие, руководимый компартией) [52].

Ужесточение израильского подхода к решению палестинской проблемы в кэмп-дэвидский период находило полную поддержку у Соединенных Штатов. Эта поддержка обусловлена общей империалистической стратегией США и Израиля на Ближнем Востоке и фактическим совпадением их позиций в палестинском вопросе. Правительство Дж. Картера, как и предшествующие правительства Р. Никсона и Дж. Форда, рассматривало этот вопрос преимущественно как проблему беженцев, отрицая за палестинским народом право на самоопределение и создание своего национального независимого государства [53]. Оно отказывалось также от признания Организации освобождения Палестины, от каких-либо контактов с этой организацией. Исходя из таких посылок, Соединенные Штаты на всех сессиях Генеральной Ассамблеи ООН и других международных форумах, на которых обсуждался палестинский вопрос, неизменно голосовали против резолюций, признававших права палестинского народа (в частности, резолюций XXIX—XXXV сессий ГА ООН в 1974—1980 гг.). В Совете Безопасности США всякий раз прибегали к вето при обсуждении проектов резолюций Совета Безопасности, призванных содействовать справедливому решению палестинской проблемы. Более того, со времени подписания 1 сентября 1975 г. «Меморандума о соглашении между правительством Соединенных Штатов и правительством Израиля», в котором заявлялось, что США не признают ООП и не будут вести с ней переговоров до тех пор, пока эта организация не признает право Израиля на существование и не согласится с резолюциями Совета Безопасности № 242 и 338, политика Вашингтона в палестинском вопросе фактически согласовывалась с курсом Тель-Авива. Наиболее отчетливо это проявилось во время переговоров руководителей США, Израиля и Египта в Кэмп-Дэвиде в сентябре 1978 г., на которых Соединенные Штаты полностью поддержали израильский план «административной автономии» для Западного берега и Газы. Столь же согласованно партнеры по кэмп-дэвидской сделке действовали при подготовке египетско-израильского «договора о мире» от 26 марта 1979 г., старательно обходя вопросы о палестинской государственности, прекращении израильской оккупации палестинских земель и справедливом урегулировании палестинской проблемы. США не предприняли никаких шагов для того, чтобы не допустить израильского вторжения в Ливан в марте 1978 г. и

оккупации южной части его территории (2 тыс. кв. км, или 17% ливанской территории), они не осудили эту очередную агрессивную акцию Израиля и практику геноцида против мирных жителей, находившихся в лагерях палестинских беженцев.

Профессор Колумбийского университета Эдвард Саид в своей монографии по палестинскому вопросу, изданной в 1980 г., подчеркивал, что политика США всегда строилась на игнорировании прав палестинцев. «В течение ряда лет, — писал Э. Саид, — США играли деструктивную и безответственную роль. Генри Киссинджер и два президента, которым он служил, за короткий промежуток времени предоставили Израилю больше оружия, чем он получил за всю историю своего существования. Политика состояла в том, чтобы намеренно игнорировать палестинцев, попытаться искоренить чувство арабского национализма в регионе, превратить политическое движение в предмет двустороннего, поэтапного торга... Палестинский вопрос, казалось, был сведен к тому, каким образом утопить его в египетской, сирийской или саудовской политике» [54].

Поддерживая и поощряя действия Израиля, направленные на всемерное ослабление и подавление Палестинского движения сопротивления и Организации освобождения Палестины, официальные круги Соединенных Штатов в то же время не могли не учитывать, что их отказ от признания политического и национального характера палестинской проблемы затрудняет дальнейшее развитие политики Кэмп-Дэвида и так называемого «сбалансированного» курса США на Ближнем Востоке. Это обстоятельство вынуждало американское правительство маневрировать, создавая видимость готовности «модифицировать» свой подход к палестинской проблеме. Одним из примеров подобной «модификации» явилась известная «асуанская формула», изложенная в заявлении президента Дж. Картера во время его встречи с А. Садатом в Асуане 4 января 1978 г. В заявлении говорилось: «Должно быть обеспечено решение палестинской проблемы во всех аспектах. Нужно признать законные права палестинского народа и предоставить палестинцам возможность участвовать в определении своего будущего» [55]. Одновременно в американской печати и научно-исследовательских организациях, близких к администрации, муссировались домыслы о неких различиях в политике США и Израиля на Ближнем Востоке и необходимости в связи с этим пересмотра американской политики в палестинском вопросе. Так, в докладе Специальной рабочей группы по Ближнему и Среднему Востоку Атлантического совета, опубликованном 4 ноября 1979 г., указывалось, что «не должно быть автоматической поддержки позиции Израиля со стороны США, ибо непримиримая политика Израиля, так же как и арабских стран, может противоречить американским интересам в регионе». В том же докладе признавалось, что палестинская проблема «является сердцевиной арабо-израильского конфликта», и рекомендовалось начать «не-

официальные контакты с ООП», невзирая на факт непризнания США этой палестинской организации [56].

Однако все эти высказывания и рекомендации обычно носили чисто риторический характер и предназначались прежде всего для дезориентации общественного мнения и лидеров арабских стран в отношении американской политики. Произвольно истолковывая понятие «законные права палестинского народа», Соединенные Штаты и не помышляли о пересмотре своего негативного подхода к проблеме Палестины. Это, в частности, подтверждал тот факт, что вопрос о создании палестинского государства — ключевой для указанной проблемы — был полностью обойден в кэмп-дэвидских договоренностях и египетско-израильском «договоре о мире». Для того чтобы не оставалось никаких сомнений в подлинной позиции США, Дж. Картер, рассуждавший в 1977—1978 гг. о «палестинском отечестве», 15 апреля 1980 г. на приеме в Белом доме поставил точки над «i», заявив: «Мы *решительно и последовательно* (курсив наш.— *В. К.*) высказываемся против создания какого-либо независимого палестинского государства в районе Западного берега» [57]. Это заявление почти точь-в-точь воспроизводило слова израильского премьера Бегина, с той лишь разницей, что произносились они в Белом доме, а не в кнессете!

Упорное нежелание правительства Соединенных Штатов признать право палестинцев на самоопределение и государственность объяснялось не только совпадением стратегических интересов США и Израиля на Ближнем Востоке. В значительной мере произраильская политика США обусловлена влиянием сионистских организаций в этой стране. Оно столь велико, что ни один политический деятель, вплоть до президента, не может позволить себе занять позицию, которая была бы истолкована как проарабская и антиизраильская. Во время президентства Картера под давлением Израиля и сионистского лобби в США американское правительство было вынуждено не раз пересматривать свои решения по Ближнему Востоку, поскольку они в той или иной мере были неугодны сионистам и противоречили израильским планам. Одним из примеров такого рода был отказ Вашингтона от совместного советско-американского Заявления по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 г., в одном из пунктов которого говорилось о необходимости признания законных прав арабского палестинского народа. Другой пример: в августе 1979 г. Дж. Картер под нажимом сионистских кругов уволил в отставку представителя США в ООН Э. Янга, имевшего ранг члена кабинета, за то, что тот в конце июля 1979 г. имел «несанкционированную встречу» в Нью-Йорке с З. Терази — постоянным наблюдателем Организации освобождения Палестины при ООН.

Усилившееся в конце 70-х годов военно-силовое давление Израиля на Палестинское движение сопротивления и откровенно произраильская позиция Соединенных Штатов в палестинском вопросе, кэмп-дэвидские договоренности между президентом Египта, премьер-министром Израиля и президентом США о «палестинской автономии» — все это было направлено к единой цели: искусственно отделить палестинскую проблему от всего комплекса вопросов ближневосточного урегулирования и попытаться таким образом вообще устранить ее из политической реальности Ближнего Востока и мировой политики. Однако эта линия партнеров по кэмп-дэвидской сделке вступала в явное противоречие с волей мирового сообщества к политическому урегулированию ближневосточного конфликта и палестинской проблемы на справедливой и всеобъемлющей основе, со стремлением народов Ближнего Востока оказать отпор агрессивной политике Израиля и Соединенных Штатов. Это достаточно убедительно подтвердили итоги XXXIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в октябре—декабре 1978 г. Делегации подавляющего большинства стран осудили кэмп-дэвидскую сделку (за такое осуждение голосовало 100 делегаций, 33 — воздержались и лишь четыре делегации: США, Израиля, Канады и Гватемалы голосовали против) [58]. В резолюции о положении на Ближнем Востоке указывалось, что «мир неделим и справедливое и прочное урегулирование ближневосточной проблемы должно быть основано на всеобъемлющем решении под эгидой Организации Объединенных Наций, в котором учитывались бы все аспекты арабо-израильского конфликта, в особенности достижение палестинским народом всех его неотъемлемых национальных прав и уход Израиля со всех оккупированных палестинских и других арабских территорий» [59]. Вместе с большинством государств с решительным осуждением американо-израильской политики сепаратных сделок выступил Советский Союз и другие страны социалистического содружества.

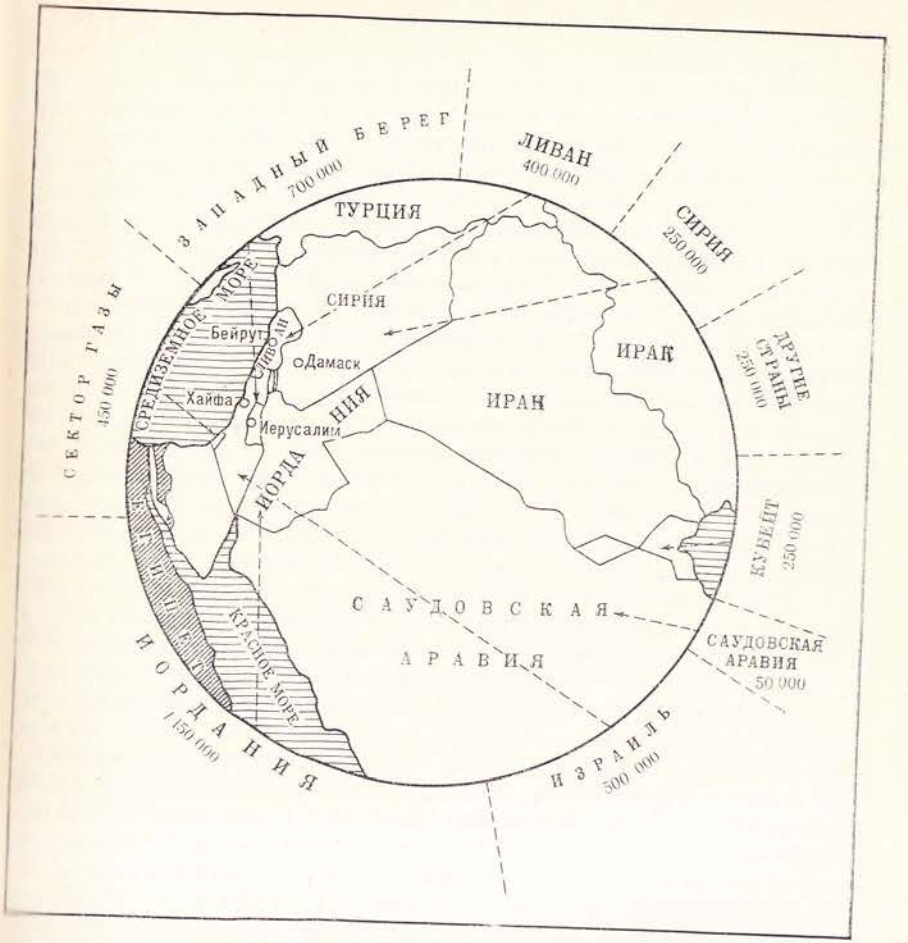
Весь ход событий, связанный с подготовкой и осуществлением кэмп-дэвидской сделки между Египтом, Израилем и Соединенными Штатами, полностью подтвердил бесперспективность политики сепаратных сделок. Эта политика не приблизила установление справедливого мира на Ближнем Востоке, а наоборот, еще более отдалила его, поскольку обходила саму суть ближневосточного конфликта, заключавшуюся в решении палестинской проблемы — осуществлении права палестинского народа на самоопределение и создание своего национального государства.

Противодействие Организации освобождения Палестины политике сепаратных сделок и укрепление ее позиций в арабском мире и на международной арене (1975—1980)

Политика сепаратных сделок, открывшая «зеленый свет» израильской агрессии в Ливане и аннексии Восточного Иерусалима, Западного берега р. Иордан и сектора Газа, оказала нега-

тивное воздействие на все стороны международных отношений на Ближнем Востоке и в арабском мире в целом. В результате проведения такой политики обострились противоречия между отдельными арабскими странами. Разлад в отношениях между ними, начавшийся после синайских соглашений между Египтом и Израилем 1974—1975 гг., был усугублен ливанской междоусобицей в 1975—1976 гг. В то время как Египет, все более ориентируясь на сближение с Соединенными Штатами, продолжал линию на заключение сепаратной сделки с Израилем, арабские государства антиимпериалистической ориентации (Сирия, Южный Йемен, Алжир, Ирак и Ливия) решительно осуждали этот курс.

Вторым негативным следствием политики сепаратных сделок, имевшим весьма существенные последствия для дальнейшего развития региональных международных отношений на Ближнем Востоке, была заметная активизация правых сил в арабском мире, которая проявлялась в различных формах. В Ливане, например, она вылилась в развязанную правохристианскими группировками вооруженную борьбу против ливанских национально-патриотических сил и Палестинского движения сопротивления, приведшую к возникновению кризисной ситуации в этой стране; в другом случае — выразилась в перерождении самой социально-политической сущности режима, как это имело место в Египте в период правления Садата. Но самым существенным по своим последствиям проявлением указанной тенденции было выдвижение на авансцену арабской политики монархических государств прозападной ориентации. Так, заметно возросло влияние в арабском мире и на Ближнем Востоке Саудовской Аравии. Об усилении политической роли этой страны свидетельствовал, например, созыв по ее инициативе 17 октября 1976 г., в Эр-Рияде совещания руководителей Египта, Сирии, Ливана, Саудовской Аравии, Кувейта и представителей Организации освобождения Палестины для обсуждения условий прекращения междоусобной войны в Ливане [60]. По замечанию американской «Нью-Йорк таймс», Саудовская Аравия тогда «впервые стала открыто играть политическую роль в Ливане» [61]. Активную деятельность саудовская дипломатия развернула и на конференции глав арабских государств и правительств в Каире 25—28 октября 1976 г., обсуждавшей итоги шестисторонней встречи в Эр-Рияде и положение в Ливане. Итальянская газета «Унита» следующим образом охарактеризовала ход этой конференции и расстановку сил на ней: «Примадонна совещания на высшем уровне в Каире — это Саудовская Аравия. Ее цель необычайно проста: воспрепятствовать любой форме революции в арабском мире... Планируется распятие на кресте. Как всегда и в первую очередь, к смерти приговорены палестинцы. На этот раз есть и другие жертвы: левые силы Ливана и те палестинцы, которые живут, страдают, борются со все возрастающей эффективностью против израильтян в Западной Иордании *, Газе и территории самого Израиля» [62]. На Каирском совещании были заложены основы для соглашения с Израилем за счет прав и интересов палестинского народа — такой вывод делала газета из анализа положения в арабском мире и подхода Саудовской Аравии к урегулированию арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы в преддверии кэмп-дэвидского сговора. Хотя такой вывод в то время мог показаться слишком категоричным и преждевременным, он тем не менее довольно точно отражал общую тенденцию в развитии ближневосточной ситуации.

Расселение палестинцев на Арабском Востоке

Изменения в расстановке сил и общей ситуации в арабском мире и на Ближнем Востоке, связанные с политикой сепарат-

* Имеется в виду Западный берег р. Иордан.

ных сделок и с непосредственной подготовкой кэмп-дэвидских соглашений, особенно остро отразились на Палестинском движении сопротивления и Организации освобождения Палестины. Все более очевидный отход Садата от общеарабской линии в палестинском вопросе, согласованной в Рабате, и его готовность заключить сепаратную сделку с Израилем в ущерб интересам палестинцев и всей «арабской нации», дипломатические маневры Саудовской Аравии и общая активизация арабской реакции представляли серьезную опасность «справа» для стратегического курса ООП, выработанного XII сессией Национального совета Палестины. Немалая опасность для этого курса исходила и «слева» — от возникшего внутри самого палестинского сопротивления так называемого Фронта отказа: нескольких палестинских организаций, занимавших крайне «левые» позиции в ПДС и отказавшихся следовать решениям XII сессии НСП (НФОП, НФОП—главное командование, Арабский фронт освобождения и Фронт палестинской народной борьбы) [63]. События в Ливане еще более увеличивали опасность вспышки экстремистских настроений среди палестинцев как реакции на жестокость израильтян. Таким образом, Исполком ООП оказался в чрезвычайно сложном положении, под перекрестным воздействием противоположных по своей ориентации течений в арабском мире: с одной стороны, правых кругов, толкавших его на путь компромиссного решения палестинской проблемы, приемлемого для США и Израиля, а с другой — антиимпериалистических сил, выступавших против политики сепаратных сделок, в поддержку национальных требований палестинского народа.

Несмотря на многие трудности, ООП не отступила от своей принципиальной линии, выработанной на XII сессии НСП. В ряде заявлений Исполкома ООП уже после этой сессии подчеркивалось, что задача ПДС — «сорвать планы империализма, сионизма и арабской реакции, которые намереваются принести жизненные интересы нашего народа в жертву Израилю в обмен на согласие вывести войска с той или иной части оккупированной территории» [64]. Наряду с разоблачением антиарабской сущности египетско-израильских сделок, а также политики США и Израиля в официальных выступлениях руководителей ООП, в палестинских и арабских средствах массовой информации, в арабском мире и на международной арене организовывались различного рода кампании в защиту требований арабского народа Палестины. В 1975—1977 гг. палестинское население оккупированных территорий Западного берега и сектора Газа было охвачено широким движением протеста против израильской оккупации, проходившим под лозунгом «Палестина принадлежит палестинцам!» [65]. Это движение было частью Палестинского движения сопротивления, которое уже самим фактом своего существования мешало продвижению политики сепаратных сделок. Даже тогда, «когда поэтапные инициативы Никсона—Киссинджера приводили к частичным урегулированиям, — признавала английская газета „Файнэншэл таймс", — чаяния и требования палестинцев приносили пользу арабам, поскольку постоянно напоминали им о том, что основные проблемы арабо-израильского конфликта оставались нерешенными» [66].

Однако противодействие палестинцев политике сепаратных сделок никогда не было однозначным и прямолинейным. Осуществлявшееся в условиях активизации правых сил в арабском мире, оно сопровождалось довольно резкими «перепадами» и трудностями в арабо-палестинских и межарабских отношениях. И нередко эти трудности вынуждали ООП прибегать к тактике политического лавирования, идти на отдельные компромиссы и даже уступки некоторым арабским режимам. Так, руководство ООП вплоть до начала «миссии» Садата в Иерусалим (ноябрь 1977 г.) проявляло известную сдержанность по отношению к Египту, надеясь, возможно, сохранить свои связи с ним, если бы удалось удержать Садата от заключения сепаратной сделки с Израилем. В том же году, уступая «рекомендациям» руководителей некоторых арабских стран, оно пошло на возобновление контактов с Иорданией, прерванных после событий «черного сентября». 8 марта 1977 г. впервые после шестилетнего перерыва состоялась встреча председателя Исполкома ООП Я. Арафата с королем Иордании Хусейном, на которой были рассмотрены вопросы иордано-палестинских отношений. Несколько ранее, в декабре 1976 г. по решению Центрального совета ООП было восстановлено сирийско-палестинское сотрудничество, прерванное во время ливанских событий того же года.

Активная политическая и дипломатическая деятельность ООП, направленная на сглаживание разногласий с арабскими странами—участницами непосредственной конфронтации с Израилем и на создание возможно более широкой оппозиции политике сепаратных сделок, способствовала определенной стабилизации арабо-палестинских отношений и восстановлению позиций ООП на арабской политической арене, ослабленных в период ливанского кризиса. Об этом свидетельствовали, в частности, итоги XIII сессии Национального совета Палестины, состоявшейся 12—20 марта 1977 г. в Каире. В одобренной на этой сессии программе действий ООП, состоявшей из 15 пунктов, подчеркивалось, что Организация освобождения Палестины «отвергает все формы американских капитулянтских планов урегулирования и ликвидации палестинской революции», выражалась «решимость ООП не допустить какого-либо урегулирования за счет неотъемлемых прав палестинского народа» и требование к арабской нации, «чтобы она приложила максимум усилий для срыва этих империалистических и сионистских замыслов». В то же время принципиально новым положением, включенным в программный документ XIII сессии, было признание важности «сотрудничества и солидарности с социалистическими странами, присоединившимися государствами, мусульманскими и африканскими странами и со всеми национально-освободительными

движениями, а также необходимость укрепления арабского фронта содействия палестинской революции и углубления солидарности с народом Ливана и со всеми силами этого фронта во всех арабских странах». Новым положением, зафиксированным в документах сессии, был также тезис о «координации усилий с прогрессивными и демократическими еврейскими силами... которые борются против сионизма как идеологии и практики» [67].

В программе XIII сессии НСП получила дальнейшее развитие идея участия ООП в поисках политического урегулирования ближневосточного конфликта, сформулированная в общих чертах на предыдущей сессии. Подтвердив право ООП на «продолжение вооруженной борьбы в сочетании с соответствующими ей формами политической и народной борьбы для удовлетворения неотъемлемых национальных прав», XIII сессия НСП вместе с тем впервые определила два главных условия участия ООП в политическом урегулировании ближневосточного конфликта: предоставление ООП права формирования самостоятельной делегации на любые конференции по палестинской проблеме и необходимость обсуждения всех аспектов арабо-израильского конфликта, затрагивающих права палестинского народа [68]. В документах XIII сессии не рассматривался вопрос об «освобождении всей Палестины» и создании демократического государства на ее территории, а говорилось о создании «палестинского государства» на освобожденных от израильской оккупации палестинских землях — в отличие от несколько туманной формулы «установления национальной власти», принятой на предыдущей, XII сессии НСП. Это уточнение означало подтверждение фактического согласия ООП с перспективой сосуществования будущего палестинского государства с Израилем [69].

XIII сессия Национального совета Палестины явилась заметной вехой в упрочении реалистических тенденций в Палестинском движении сопротивления, в укреплении самостоятельной роли ООП в межарабских отношениях. Ее установки на отказ от американо-израильских проектов ближневосточного урегулирования, на союз с социалистическими странами, а также с левыми силами в Израиле предопределили активное участие Организации освобождения Палестины в борьбе прогрессивных сил арабского мира против политики сепаратных сделок. Исполком ООП выступил одним из инициаторов созыва совещаний руководителей ряда арабских государств — Ливии, Алжира, Сирии, Ирака, Южного Йемена — в Триполи 2—5 декабря 1977 г., вскоре после поездки Садата в Иерусалим. В принятой на этом совещании резолюции его участники осудили сепаратные переговоры Садата с Израилем, отказались признать их итоги, решили «заморозить» дипломатические и политические отношения с египетским правительством, потребовать исключения Египта из ЛАГ и переноса ее штаб-квартиры из Каира, бойкотировать

любые межарабские конференции, созываемые в Каире [70]. На совещании было решено образовать Национальный фронт стойкости и противодействия (НФСП), в состав которого вошли Ливия, Сирия, Алжир, Южный Йемен и ООП. Это объединение стало ядром общеарабского фронта, противостоявшего политике сепаратных сделок и американо-израильской схеме «построения мира» на Ближнем Востоке. 6 декабря 1977 г. в Триполи был учрежден также Общеарабский конгресс (ОНК), в который вошли деятели 210 политических партий, общественных организаций и освободительных движений из большинства арабских стран [71]. ОНК поставил своей задачей помешать осуществлению навязывавшегося арабским народам американо-израильского плана ближневосточного урегулирования и сепаратных сделок с Израилем. На втором совещании НФСП в начале февраля 1978 г. в Алжире была одобрена Хартия совместных действий, которая предусматривала образование объединенного командования входящих в НФСП государств и Организации освобождения Палестины, а также специального фонда для оказания финансовой помощи странам, непосредственно противостоящим израильской агрессии [72].

Одним из важных итогов Триполийского совещания явилось улучшение двусторонних отношений ООП с арабскими странами НФСП, в частности палестино-сирийских отношений, к чему призывал восьмой пункт резолюции совещания. (Этот пункт гласил: «Содействовать укреплению отношений между Сирией и ПДС, составляющих единый фронт борьбы против империалистического и сионистского заговора» [73].) Сближению ООП с арабскими странами—участниками Фронта стойкости сопутствовало восстановление единства рядов Палестинского движения сопротивления в ходе триполийской встречи перед лицом угрозы, исходившей от давления США, Израиля и правых сил в арабском мире. В совместном документе о сформировании объединенного руководства, в которое вошли лидеры различных палестинских организаций, в том числе из Фронта отказа, акцент делался на вооруженную борьбу против израильской оккупации, что соответствовало подходу палестинских организаций из Фронта отказа и стоявших за ними наиболее радикальных в то время арабских режимов — Ливии и Ирака к решению палестинской проблемы и поэтому встретило их поддержку. Возможно, в связи с ужесточением тактики ПДС в конце 1977 г. и в первые месяцы 1978 г. наблюдалась активизация деятельности палестинских партизан на оккупированных территориях и непосредственно в Израиле.

Чем ближе сепаратные переговоры между Египтом, Израилем и Соединенными Штатами подходили к своей кульминации — подписанию «договора о мире», тем сильнее становилось противодействие ООП и стран Фронта стойкости американо-израильской политике диктата. Отношение той или иной арабской страны, организации или политического движения к поли-

тике сепаратных сделок, к палестинской проблеме и американо-израильскому проекту ближневосточного урегулирования стало определяющим фактором политической борьбы на Ближнем Востоке и развития межарабских отношений. Это с особой силой проявилось после подписания кэмп-дэвидских соглашений и сепаратного египетско-израильского договора. «Мы сразу же отвергли достигнутые в Кэмп-Дэвиде соглашения, — говорилось в заявлении Исполкома ООП. — Наша позиция остается неизменной. Проект административной автономии, который предлагают нам Бегин, Садат и Картер, имеет своей целью придать законный вид оккупации Израилем Западного берега и Газы. Ни больше, ни меньше. Для палестинцев это равнозначно новому рабству» [74].

С решительным осуждением сговора в Кэмп-Дэвиде, совершенного в обход решений Организации Объединенных Наций по палестинской проблеме, выступили участники состоявшегося 20—23 сентября 1978 г. в Дамаске совещания стран Фронта стойкости. Они заявили, что считают американо-египетско-израильские договоренности незаконными и недействительными, поскольку египетский президент не был правомочен выступать от имени палестинского народа и всех арабов. «Соглашения Кэмп-Дэвида, — отмечалось в документах совещания, — это часть широкого процесса навязывания господства американского империализма и сионизма над арабским миром и Африкой с использованием египетского режима в качестве орудия для нанесения удара по национально-освободительным движениям» [75]. Члены Фронта стойкости приняли решение разорвать все отношения с Египтом и развернуть широкую кампанию в арабском мире, с тем чтобы не допустить одобрения кэмп-дэвидских соглашений другими арабскими странами и их присоединения к ним. Констатируя тот факт, что Вашингтон проводит политику, «враждебную правам и целям арабской нации», участники Дамасского совещания призвали к укреплению сотрудничества с социалистическими странами «в целях защиты независимости арабских стран, их свободы, прогресса и завоеваний арабского освободительного движения» [76]. «Если Фронт стойкости хочет восстановить баланс, нарушенный совещанием в Кэмп-Дэвиде,— подчеркивал в своем выступлении на Дамасском совещании член Исполкома ООП Салах Халаф (Абу-Айяд),— наши отношения с Советским Союзом должны отличаться от наших прежних связей с ним» [77]. По поручению всех участников Фронта стойкости президент Сирии Х. Асад 5—6 октября 1978 г. посетил Москву, где обсудил с советским руководством пути расширения и укрепления сотрудничества между СССР и странами НФСП. Данная инициатива нашла понимание у советской стороны, полностью разделявшей позицию НФСП в отношении кэмп-дэвидских соглашений.

Развивая линию на расширение бойкота кэмп-дэвидских соглашений, начатую Дамасским совещанием стран Фронта стойкости, руководство ООП в то же время достаточно четко представляло себе сложность обстановки в арабском мире и ограниченность возможностей стран НФСП для эффективного отражения натиска США и Израиля. Помимо географической разделенности выполнению указанных совместных задач этим странам мешали их специфические трудности: Сирия была занята вопросами обеспечения своей безопасности в связи с израильской агрессией в Ливане, действия Алжира в известной мере сковывались из-за нерешенности проблемы Западной Сахары и обострения отношений с Марокко, Ливия испытывала давление Египта на границе, над Южным Йеменом довлела угроза со стороны монархических режимов. Поэтому, учитывая реальное соотношение сил в арабском мире, ООП стремилась заручиться поддержкой не только стран Фронта стойкости, но и так называемых умеренных арабских государств — Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ и ряда других. Она использовала все средства воздействия на эти режимы с тем, чтобы побудить их присоединиться к осуждению кэмп-дэвидских соглашений и капитулянтского курса Садата. Весьма характерной в этом отношении была деятельность делегации ООП на IX совещании глав государств и правительств арабских стран в Багдаде 2—5 ноября 1978 г., посвященном главным образом обсуждению вопроса об отношении арабов к кэмп-дэвидским соглашениям и политике Садата. В ходе работы этого представительного форума, в котором приняло участие 20 арабских государств и Организация освобождения Палестины (т. е. 21 из 22 членов Лиги арабских государств), выявились различные точки зрения по обсуждавшимся вопросам. С наиболее радикальных позиций на совещании выступили делегации стран антиимпериалистической ориентации — Сирия, Ливия, Алжир, Южный Йемен, Ирак и ООП. Они высказались за безоговорочное отклонение всеми арабскими странами кэмп-дэвидских соглашений и разработку конкретной программы мер против усиления американского влияния в ближневосточном регионе; подвергли резкой критике капитулянтский курс Садата и призвали к применению санкций против египетского режима. Твердая и решительная позиция этой группы делегаций в значительной мере задала тон общей дискуссии и оказала большое влияние на весь ход совещания.

Группа делегаций умеренных режимов во главе с Саудовской Аравией, не одобряя кэмп-дэвидские соглашения, вместе с тем высказывалась против открытого и резкого осуждения действий Садата и политики США. По мнению руководителей делегаций этих стран, в численном отношении превалировавших на совещании, такого рода осуждение могло бы лишь окончательно толкнуть Египет в американо-израильский лагерь. Наконец, делегации трех арабских стран — Марокко, Судана и Омана — выступили в поддержку «усилий» Садата. Само участие в багдадском совещании этих стран скорее можно было объяс-

нить их опасением оказаться в изоляции в арабском мире, чем желанием противостоять политике сепаратных сделок.

Выявившиеся в ходе подготовки и проведения багдадского совещания три основные группировки арабских стран: прогрессивная, «умеренная» и «просадатовская», в какой-то степени отражали общую расстановку сил в арабском мире. Различия в оценке кэмп-дэвидских соглашений и сепаратных действий Садата представителями этих группировок предопределили и остроту дискуссии по этим вопросам. Одним из эпизодов, иллюстрирующих ее весьма напряженный характер, была попытка «просадатовской» и «умеренной» группировок найти компромисс с Садатом. С этой целью по их настоянию в Каир была направлена делегация во главе с премьер-министром Ливана С. Хоссом для передачи Садату послания конференции с призывом «отказаться от Кэмп-Дэвида и вернуться в арабские ряды», а также предложить ему финансовую помощь в 5 млрд. долл. в случае, если он откажется от подписания сепаратного договора с Израилем [78]. Садат, однако, отказался принять делегацию.

В обстановке очевидных разногласий между участниками совещания делегация Организации освобождения Палестины сосредоточила свои усилия на том, чтобы сгладить эти разногласия и выработать единую общеарабскую позицию в отношении кэмп-дэвидских соглашений. Добиваясь принятия совещанием решения об осуждении кэмп-дэвидской сделки, делегация ООП в то же время проявляла сдержанность к предложенным умеренными арабскими странами половинчатым санкциям против Египта. В известной степени ООП выступала на совещании как связующее звено между антиимпериалистическими режимами и находящимися на правом фланге арабской политической арены консервативными и умеренными государствами. Этому сопутствовало постепенное смещение акцента дискуссии на палестинскую проблему и отношение арабских стран к ООП в связи с кэмп-дэвидскими соглашениями.

В принятой на совещании Декларации участники багдадской встречи заявили, что указанные соглашения несовместимы с интересами арабской нации, «противоречат решениям арабских совещаний в верхах в Алжире и Рабате, Уставу Лиги арабских государств, резолюциям ООН по палестинской проблеме и не ведут к справедливому миру, к которому призывает арабская нация». В противовес американо-израильской схеме «мира» на Ближнем Востоке главы государств и правительств арабских стран заявили в Багдаде, что «справедливый мир на Ближнем Востоке возможен только на основе полного вывода израильских войск со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий, в том числе Иерусалима, и обеспечения национальных прав арабского народа Палестины» [79].

Участники багдадского совещания подчеркнули, что «палестинская проблема является решающей для судеб арабской нации и что борьба за восстановление прав арабского народа Палестины на оккупированных территориях — это общенациональная обязанность» [80]. Они подтвердили статус Организации освобождения Палестины как единственного законного представителя арабского палестинского народа и обязательства оказывать ПДС всемерную помощь. Создавался Фонд помощи народу Палестины и странам непосредственной конфронтации в размере 3,5 млрд. долл. Предусматривались ежегодные отчисления ООП в сумме 300 млн. долл. и движению сопротивления на оккупированных территориях — 150 млн. долл. [81].

Призвав правительство Египта отказаться от кэмп-дэвидских соглашений, главы арабских государств условились предпринять целый ряд санкций против египетского режима в случае заключения им договора с Израилем. Садат не внял этому призыву.

На следующий день после того, как 26 марта 1979 г. между Египтом и Израилем был подписан сепаратный «договор о мире», в Багдаде открылось экстренное совещание министров иностранных дел, экономики и финансов арабских стран, принявшее решение о применении политических и экономических санкций против Египта. В частности, было решено отозвать послов арабских государств из Каира, рекомендовать странам—членам Лиги арабских государств разорвать дипломатические отношения с Египтом, приостановить его членство в ЛАГ и других межарабских организациях, перевести штаб-квартиру ЛАГ из Каира в Тунис, приостановить членство Египта в организации Исламская конференция, прекратить оказание финансовой и экономической помощи Египту [82].

Принятию этих решений предшествовала острая борьба на совещании между умеренными и прогрессивными арабскими странами. Представители ООП, Сирии, Ирака, Ливии, Алжира в своих выступлениях на совещании настаивали на принятии действенных мер не только против Египта, но и против «истинного архитектора» египетско-израильского договора — Соединенных Штатов. Они призывали, в частности, к прекращению поставок арабской нефти в США, к изъятию валютных авуаров арабских стран из американских банков, к торговому бойкоту американских фирм и компаний. Против этих предложений выступили представители умеренных режимов. В критический момент совещания — 29 марта делегация ООП, а вслед за ней Ирак, Сирия и некоторые другие арабские страны предприняли ряд демаршей, пытаясь оказать нажим на умеренных. Было опубликовано, в частности, совместное заявление ООП и иракской делегации ПАСВ, предупреждающее о тяжелых последствиях, которые повлечет для руководителя любой арабской страны поддержка им предательского шага Садата. Аналогичное заявление было сделано также Ираком. Твердая позиция ООП, Сирии, Ирака, Ливии, Алжира, Народно-Демократической Республики Йемен в сочетании с давлением широких кру-

гов арабской общественности, возмущенной действиями Садата (в течение нескольких дней после подписания египетско-израильского договора в арабских странах, в том числе странах Персидского залива, проходили массовые демонстрации протеста), вынудили представителей умеренных согласиться с проектом резолюции, представленным ООП и рядом стран Фронта стойкости и предусматривавшим немедленное применение санкций против Египта. Оценивая итоги Багдадского совещания 27—31 марта 1979 г., еженедельник «Аль-Хуррийя», орган Демократического фронта освобождения Палестины, писал, что принятие программы-минимум совместных практических действий против режима Садата означало значительный успех Фронта стойкости, и в первую очередь ООП, которая «оказалась способной повлиять на общеарабскую позицию и уменьшить склонность арабских режимов к проведению капитулянтского курса» [83].

Решения IX арабской встречи в верхах 2—5 ноября 1978 г. и особенно совещания министров арабских стран 27—31 марта 1979 г. имели важные последствия для последующего развития международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке. Дамасская газета «Тишрин» писала, что эти решения опрокинули расчеты империализма и сионизма, сделавших ставку на капитулянтский курс египетского руководства [84]. Вместо «цепной реакции» присоединения вслед за Египтом к кэмп-дэвидскому процессу остальных арабских стран, на что уповали в Вашингтоне, Тель-Авиве и Каире, наметилась тенденция к изоляции Египта и к поискам общего подхода арабских государств к ближневосточному урегулированию и палестинской проблеме, противодействие курсу сепаратных сделок стало превалирующей чертой политики большинства из них. Багдадское совещание помимо официальных результатов, связанных с выработкой общеарабской позиции по отношению к Кэмп-Дэвиду и политике Египта, привело к некоторым позитивным сдвигам в межарабских отношениях. В частности, несколько спала напряженность между Сирией и Ираком, наладилось взаимопонимание между ООП и Ираком, был сломан лед в отношениях между Багдадом и Амманом: король Иордании Хусейн впервые после июльской революции 1958 г., когда был свергнут его троюродный брат Фейсал, посетил с официальным визитом Багдад.

Итоги багдадских встреч показали, что при всем усилении влияния правых кругов они были вынуждены в вопросах общеарабской политики, в отношении арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы координировать свои действия с арабскими странами антиимпериалистической ориентации и Организацией освобождения Палестины. Наконец, вопреки надеждам Вашингтона и Тель-Авива устранить палестинскую проблему из комплекса вопросов ближневосточного урегулирования, она, говоря словами официальной декларации Багдадской встречи в верхах, стала «общенациональной обязанностью».

Для саудовской монархии «национальная обязанность» перед палестинцами была связана в первую очередь со стремлением к расширению своего влияния в арабском мире; для стран антиимпериалистической ориентации она вытекала из общей задачи борьбы против натиска империализма и сионизма. Но как для арабских монархий, так и для прогрессивных стран арабского мира проблема Палестины оставалась важнейшей в их внешней политике.

Одной из главных предпосылок возрастания значения палестинского фактора в межарабских и региональных отношениях после Кэмп-Дэвида явились качественные сдвиги в самом Палестинском движении сопротивления, нашедшие выражение в заметной радикализации этого движения, в усилении его антиимпериалистической направленности, в его все большей ориентации на союз с прогрессивными силами на Ближнем и Среднем Востоке и на международной арене. Объективной основой этих сдвигов явилось ужесточение израильской политики в палестинском вопросе после Кэмп-Дэвида: расширение «ползучей аннексии» Израиля на Западном берегу, в Восточном Иерусалиме и секторе Газа: попытки навязать палестинцам, вопреки их воле, проект «административной автономии»; новая серия террористических актов израильских спецслужб против палестинских деятелей; варварские бомбежки и обстрелы лагерей палестинских беженцев на юге Ливана. Непосредственной реакцией палестинцев на жестокости израильской армии было усиление движения сопротивления. Наиболее ярко оно проявилось в массовых выступлениях палестинского населения Западного берега и сектора Газа против плана «автономии» и продолжения израильской оккупации, начавшихся вслед за подписанием кэмп-дэвидских соглашений в сентябре 1978 г. и принявших особенно широкий размах после заключения сепаратного египетско-израильского договора в марте 1979 г. Даже израильские и западные журналисты — очевидцы событий на Западном берегу и в секторе Газа, — отмечали небывалый размах этого движения. «Еще ни разу со времени шестидневной войны 1967 года, — писал, например, израильский журналист А. Капелюк в начале 1979 г., — не было такого единодушия между различными течениями общественности на Западном берегу, в Иордании и в секторе Газа... В Восточном Иерусалиме, в Наблусе, в Бейт-Лахме (Вифлееме), в университете Бир-Зейт и в Газе состоялись митинги с участием тысяч людей (беспрецедентные события после 1967 г.), на которых был осужден план „административной автономии“. Все мэры арабских городов и старосты деревень единодушно отвергли план „административной автономии“ и настаивали на провозглашенной ООП цели — создании независимого палестинского государства» [85]. Одновременно активизировали свои действия партизанские группы сопротивления.

С нарастанием политической активности широких масс пале-

стинского населения на оккупированных территориях усиливалась тенденция к единству различных отрядов Палестинского движения сопротивления и их сплочению вокруг Организации освобождения Палестины. На Западном берегу и в секторе Газа, например, под влиянием роста националистических настроений палестинцев за такое единство стали выступать представители всех течений, в том числе даже склонные к соглашательству деятели — мэры городов; Газы — Рашид аш-Шауа и Вифлеема — Эмас Фрейдж. Последний в интервью корреспонденту израильского журнала «Нью аутлук» в конце 1979 г. заявил: «Мы все едины по таким вопросам: окончание оккупации и создание палестинского государства, признание Организации освобождения Палестины нашим законным представителем, прекращение строительства поселений и их ликвидация в рамках мирного соглашения, категорическое отклонение плана „автономии" или „самоуправления"» [86]. Под знаком укрепления национального единства палестинцев проходила работа XIV сессии Национального совета Палестины, состоявшейся 15—22 января 1979 г. в Дамаске. Одним из позитивных итогов работы сессии было признание всеми организациями палестинского сопротивления, в том числе НФОП и другими группами Фронта отказа, основных стратегических установок, разработанных на предыдущих — XII и XIII сессиях НСП.

Тем самым впервые все отряды палестинского сопротивления выступили в поддержку стратегического курса ООП на создание палестинского государства на части палестинской территории (Западный берег и сектор Газа) после ее освобождения от израильской оккупации. XIV сессия НСП и состоявшийся вскоре после нее IV съезд ведущей организации ООП — Фатха (май 1980 г.) закрепили в своих программных документах ориентацию ПДС и ООП на сближение и тесное сотрудничество со всеми силами, выступающими против сепаратных сделок на Ближнем Востоке и на международной арене. В этих документах указывалось, что главной силой, поддерживающей ООП, является Национальный фронт стойкости и противодействия, который должен стать ядром широкого арабского фронта для отражения заговоров империализма и сионизма [87].

В документах XIV сессии были осуждены политика Соединенных Штатов, которая квалифицировалась как неприкрытая агрессия против палестинского народа и арабского национально-освободительного движения, кэмп-дэвидская сделка и план «автономии» для оккупированных палестинских территорий Западного берега и сектора Газа [88]. Еще более резкой критике действия США подверглись в программном документе IV съезда организации Фатха, в котором было записано, что «США являются „врагом № 1" палестинского народа. Исходя из этого,— говорилось в документе, — необходимо укрепить международный фронт борьбы против американской политики, добиваясь поражения этой политики и нанесения ударов по американским интересам в регионе» [89]. XIV сессия НСП и IV съезд Фатха выдвинули задачу дальнейшего «укрепления стратегического союза ПДС с социалистическими странами во главе с Советским Союзом» [90].

Антиимпериалистическая направленность решений XIV сессии НСП и IV съезда Фатха во многом определялась антиамериканскими настроениями, превалировавшими в ПДС и в арабском мире в тот период (1978—1980), а также общей расстановкой сил в самом движении сопротивления, характеризовавшейся преобладающим влиянием левых и левоцентристских фракций. Решения XIV сессии НСП и IV съезда Фатха явились дальнейшим развитием реалистических тенденций в политике ООП, ее принципиальной стратегической линии, направленной на создание на части освобожденной от оккупации палестинской территории независимого палестинского государства. Руководство ООП не уступило давлению правых сил и попыткам реакционных кругов некоторых арабских стран склонить ООП к компромиссу с США и их партнерами по кэмп-дэвидской сделке, в то же время оно не пошло на поводу у отдельных группировок и элементов, пытавшихся подтолкнуть некоторые организации палестинского сопротивления на путь исключительно вооруженной борьбы против Израиля.

Отмеченные выше сдвиги в Палестинском движении сопротивления способствовали его выдвижению в конце 70-х годов в число передовых отрядов арабского национально-освободительного движения, повышению роли ООП в межарабских отношениях, росту его авторитета в арабском мире и на международной арене. Это достаточно убедительно проявилось во время совещаний в Багдаде в ноябре 1978 г. и в марте 1979 г. В те годы наблюдалась определенная стабилизация палестино-арабских отношений, наметилось сближение ООП с Сирией и другими странами Фронта стойкости, а также с так называемыми умеренными арабскими режимами, в том числе Иорданией. Так, в ноябре 1978 г. был образован совместный иордано-палестинский комитет по оказанию материальной помощи палестинскому населению оккупированных территорий [91]. В июне 1979 г. совместная делегация ООП и Иордании совершила поездку по ряду арабских стран для сбора средств в фонд помощи палестинскому населению оккупированных территорий (этот фонд был образован в соответствии с решением Багдадского совещания глав арабских государств).

Объективными предпосылками иордано-палестинского сближения в конце 70-х годов были возросшая после Кэмп-Дэвида агрессивность Израиля и необходимость совместного противодействия израильской экспансии. Как указывалось в программном документе, принятом на IV съезде Фатха, территория Иордании имеет важное значение для ПДС, поэтому необходимо «обратить особое внимание на то, чтобы восстановить в Иордании главную базу для нанесения удара по сионистскому врагу

и мобилизовать массы для осуществления этой цели». Для Иордании сближение с ООП после Кэмп-Дэвида также представляло интерес, поскольку оно давало ей возможность укрепить свои позиции на оккупированных территориях Западного берега и сектора Газа, в арабском мире, а также выступать в качестве одного из участников решения палестинской проблемы. Под влиянием наметившегося сотрудничества между ООП и иорданским правительством в деле оказания помощи палестинскому населению Западного берега и сектора Газа произошло сближение сторонников ООП и деятелей проиорданской ориентации на общей платформе оппозиции плану «автономии» и израильской политике оккупации и колонизации этих территорий. Вместе с тем иордано-палестинское сближение в период после Кэмп-Дэвида имело скорее тактический характер, ибо в стратегическом плане цели ООП и Иордании оставались различными: иорданский режим не отказался от идеи восстановления в той или иной форме своего контроля над Западным берегом и Газой, тогда как целью ООП было создание на этих землях независимого палестинского государства.

Придерживаясь достаточно гибкой тактики на арабской политической арене, опираясь на «стратегический союз» со странами Фронта стойкости и одновременно координируя свою позицию с правыми монархическими режимами, ООП удалось добиться на какое-то время определенной сбалансированности отношений с двумя основными группировками арабского мира. Об этом свидетельствовали, в частности, заявления представителей арабских стран на совещании в верхах в Багдаде в ноябре 1978 г. о своей верности решениям, принятым на арабских совещаниях в верхах в Алжире и в Рабате и признававшим ООП в качестве единственного законного представителя арабского народа Палестины.

В конце мая 1980 г. на IV съезде Фатха были сформулированы принципы арабо-палестинских отношений, согласно которым отношения ООП с арабскими странами должны строиться исходя из позиций каждого режима по палестинской проблеме и по вопросу признания Организации освобождения Палестины в качестве единственного законного представителя палестинского народа. При этом арабские режимы не должны вмешиваться во внутренние дела палестинцев или пытаться установить опеку над ними. Они также должны активно противостоять всем планам расселения палестинцев за пределами палестинской родины и не препятствовать использованию ими территории любой арабской страны «для достижения своих национальных целей» [92].

Разработка основных принципов палестино-арабских отношений свидетельствовала о стремлении палестинского руководства придерживаться независимого курса на арабской политической арене, исходя в первую очередь из интересов палестинского народа. Однако на практике проведение такого курса

сталкивалось со множеством трудностей, связанных и с расколом арабского мира на несколько группировок после Кэмп-Дэвида и капитуляции Садата, и с различием подходов стран Фронта стойкости и умеренных режимов к решению палестинской проблемы, с усилением влияния правых кругов в арабском мире.

В этих условиях для Палестинского движения сопротивления первостепенное значение приобретало расширение его связей с антиимпериалистическими силами в арабском мире, в регионе Ближнего и Среднего Востока и на международной арене.

Следуя курсу XII, XIII и XIV сессий Национального совета Палестины, Исполком ООП предпринял ряд шагов к установлению и развитию контактов с национально-прогрессивными партиями и организациями в регионе Ближнего и Среднего Востока, в том числе с прогрессивными силами Израиля. В мае 1977 г. в Праге состоялась первая официальная встреча представителей ООП и Компартии Израиля, положившая начало диалогу с израильскими прогрессивными организациями, выступающими с антисионистских позиций, за признание права палестинского народа на самоопределение [93]. В октябре 1980 г. на Всемирном форуме миролюбивых сил в Софии состоялась еще более представительная встреча делегации ООП и Компартии Израиля. Ее участники пришли к единому мнению в том, что мир на Ближнем Востоке может быть достигнут только после вывода израильских войск с оккупированных в июне 1967 г. арабских территорий и признания Израилем права палестинского народа на создание своего независимого государства [94].

Тенденция к широкому развитию контактов и связей ООП со всеми странами и движениями, выступающими за признание прав палестинцев, весьма четко проявилась и в ее активном участии в таких международных форумах, движениях и организациях, как движение неприсоединения, организация Исламская конференция (ОИК), Организация солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА).

Для утверждения ООП в качестве самостоятельного фактора в региональной структуре международных отношений особо важное значение имела поддержка национальных чаяний палестинцев большой группой стран—участниц движения неприсоединения. По мнению видных исследователей проблем неприсоединения А. Сингхэма и М. Хьюна, «палестинский вопрос оказал существенное влияние на многие из основополагающих принципов неприсоединения» [95]. А. Сингхэм и М. Хьюн напоминают в связи с этим, что вопрос о правах палестинского народа впервые был рассмотрен на Конференции стран Азии и Африки в Бандунге 18—24 апреля 1955 г., на которой были заложены основы движения неприсоединения. В специальном Заявлении глав государств и правительств стран Азии и Африки участники Бандунгской конференции провозгласили свою поддержку прав

арабского народа Палестины и потребовали осуществления резолюций ООН по Палестине и достижения мирного урегулирования палестинского вопроса [96]. Эта позиция афро-азиатских стран в отношении палестинской проблемы была затем подтверждена на Белградской конференции, на которой произошло организационное оформление движения неприсоединения (сентябрь 1961 г.), на II конференции неприсоединившихся стран в Каире (июнь 1964 г.), на III конференции в Лусаке (сентябрь 1970 г.). В резолюции последней конференции главы правительств стран движения неприсоединения, подтверждая резолюции по палестинскому вопросу и положению на Ближнем Востоке, принятые предыдущими конференциями, заявили, что «полное уважение неотъемлемых прав арабского народа Палестины является непреложным условием мира на Ближнем Востоке», и призвали «к полному восстановлению прав арабского народа Палестины на его узурпированную родину» [97].

Внимание к палестинской проблеме стран—участниц движения неприсоединения неуклонно росло. На IV конференции в Алжире (сентябрь 1973 г.) в специальной резолюции ООП признавалась единственным законным представителем арабского народа Палестины, все неприсоединившиеся страны призывались поддержать требования палестинского народа. На этой конференции ООП впервые присутствовала в качестве наблюдателя. На V конференции в Коломбо (16—19 августа 1976 г.) ООП была избрана членом Координационного бюро, выполняющего функции своего рода постоянного секретариата движения неприсоединения в период между конференциями в верхах. Резолюция конференции в Коломбо призвала «все страны—участницы движения, еще не сделавшие то, что необходимо для принятия представительства ООП в своих столицах, осуществить это немедленно в качестве шага на пути к развитию двусторонних отношений между неприсоединившимися странами и Организацией освобождения Палестины». Значительным успехом для ООП была ознаменована VI конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран в Гаване (3—9 сентября 1979 г.). Ее участники подавляющим большинством голосов осудили кэмп-дэвидские соглашения и египетско-израильский сепаратный договор, а также политику Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Они заявили, что только ООП как единственно законный представитель арабского народа Палестины имеет право представлять палестинский народ на всех международных конференциях и форумах, рассматривающих арабо-израильский конфликт и палестинскую проблему. Гаванская конференция подчеркнула в своих резолюциях, что «палестинская проблема и ближневосточный вопрос составляют неразделимое целое», и призвала неприсоединившиеся страны принять меры к созыву специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу [98].

Движение неприсоединения явилось первым международным

объединением, предоставившим ООП правовой статус и пригласившим ее участвовать в своей работе сначала в качестве гостя, затем — наблюдателя и, наконец, в качестве полноправного члена, а также члена Координационного бюро движения. В ООН неприсоединившиеся страны вместе с социалистическими государствами выступали с вескими аргументами в защиту прав палестинцев. Именно неприсоединившиеся страны явились инициаторами созыва 22 июля 1980 г. VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной палестинской проблеме. 29 июля 1980 г. Генеральная Ассамблея подавляющим большинством голосов (112 — за, 24 воздержавшихся и 7 против — США, Израиль, Канада, Австралия, Доминиканская Республика, Гватемала и Норвегия) приняла резолюцию в поддержку прав арабского народа Палестины. Ссылаясь на ранее принятые резолюции, Генеральная Ассамблея подтвердила, в частности, неотъемлемое право палестинцев «на создание собственного государства» и призвала Израиль «полностью и безоговорочно уйти со всех палестинских и других арабских территорий, оккупированных с июня 1967 г., включая Иерусалим, начав такой уход до 15 ноября 1980 г.». Генеральная Ассамблея обратилась с просьбой к Совету Безопасности рассмотреть ситуацию и принять эффективные меры в соответствии со статьей 4 Устава ООН (применение санкций) в том случае, если Израиль не выполнит настоящую резолюцию [99].

Сам факт созыва чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по палестинскому вопросу и резолюция, принятая на этой сессии, явились, по мнению общественности арабских стран, «важной победой арабской дипломатии, одержанной благодаря поддержке неприсоединившихся государств и стран социалистического содружества» [100].

Дебаты и итоги работы VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в июле 1980 г. показали, что политическая и дипломатическая борьба вокруг палестинской проблемы постепенно переносилась в область поисков конкретных практических мер по обузданию израильской агрессии. Это в известной степени было новым моментом в деятельности ООН по урегулированию палестинской проблемы и ближневосточного кризиса. Другим весьма существенным моментом работы данной сессии были выявившиеся на ней разногласия по вопросу о подходе к решению палестинской проблемы и ближневосточному урегулированию между США и их западноевропейскими союзниками. Несмотря на предпринятый администрацией Картера нажим (еще до созыва сессии правительство США направило во все европейские столицы составленное в решительных выражениях послание, в котором потребовало от своих союзников выступить на сессии «единым фронтом»), девять стран ЕЭС воздержались при голосовании резолюции [101]. Западноевропейские союзники США, а также Япония воздержались при голосовании резолюции, осуждавшей захватническую политику Израиля и поддер-

жавшей требование о восстановлении прав палестинского народа [102]. Позиция «девятки» приобретала особый интерес в связи с так называемой «западноевропейской инициативой» в палестинском вопросе. Суть ее, как это явствует из принятого 14 июня 1980 г. на сессии ЕЭС в Венеции специального заявления по Ближнему Востоку стран—членов ЕЭС, заключалось в следующем: главы «девятки», выражая свою тревогу по поводу нараставшей напряженности на Ближнем Востоке, признавали, что палестинская проблема не ограничивается проблемой беженцев, и выражали пожелание, чтобы «палестинскому народу... была предоставлена возможность посредством надлежащего процесса, определенного в рамках всеобъемлющего урегулирования, полностью осуществить свое право на самоопределение». В том же заявлении говорилось о возможности привлечения ООП к переговорам о ближневосточном урегулировании. В нем также констатировалось, что израильские поселения на оккупированных арабских территориях являются препятствием для процесса мирного урегулирования на Ближнем Востоке [103].

Венецианская декларация стран — членов ЕЭС обходила молчанием ключевые вопросы ближневосточного урегулирования — полный вывод израильских войск с оккупированных в июне 1967 г. территорий, включая Восточный Иерусалим, создание палестинского государства, признание ООП единственным законным представителем палестинского народа. Поэтому национально-патриотические силы арабского мира и ООП справедливо расценили «западноевропейскую инициативу» как попытку «вывести из тупика политику Кэмп-Дэвида и вместе с ней своего заокеанского партнера». Тем не менее сам факт этой «инициативы» отражал известное недовольство Западной Европы американо-израильской политикой сепаратных сделок, которая, по мнению стран «девятки», недостаточно учитывала их особую заинтересованность в тесных отношениях с арабским миром. Как бы там ни было, «западноевропейская инициатива» означала возобновление евро-арабского диалога, что в Вашингтоне сочли «дурным» симптомом. Не случайно поэтому позиция членов ЕЭС подверглась критике со стороны американской администрации и ее партнеров по кэмп-дэвидской сделке.

Характерная для внешней политики ООП второй половины 70-х годов ориентация на расширение контактов с социалистическими странами, с прогрессивными силами на Ближнем Востоке, с движением неприсоединения, несомненно, способствовала значительному росту ее авторитета на международной арене. К началу 80-х годов ООП была признана как единственный законный представитель арабского народа Палестины более 100 государствами мира. Наряду с социалистическими государствами и странами Азии, Африки и Латинской Америки постепенно ООП начали признавать и страны Западной Европы: в марте 1980 г. впервые заявили о своем официальном признании права палестинцев на самоопределение Австрия и Франция, в пользу этого высказались также председатель социал-демократической партии Западной Германии В. Брандт и председатель социал-демократической партии Швеции У. Пальме (политические обозреватели расценили эти события как прорыв палестинцами «европейского фронта сдержанности»). ООП имела к тому времени своих представителей в 82 странах мира, пользовалась статусом постоянного наблюдателя в Организации Объединенных Наций и принимала участие в работе таких ее специализированных организаций, как ЮНЕСКО, Международная организация труда (МОТ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), и ряде других; при ООН был создан специальный Комитет по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа (1976 г.). ООП являлась полноправным членом Лиги арабских государств (с 1976 г.), членом Общеарабского народного конгресса, членом Координационного бюро движения неприсоединения, членом Организации солидарности народов Азии и Африки, организации Исламская конференция. Она стала непременным участником всех крупных международных встреч и конференций, на которых затрагивались палестинская проблема и вопросы ближневосточного урегулирования. Другими словами, Организация освобождения Палестины выступала не только как руководящий орган национально-освободительного движения палестинского народа, но и как организация, представлявшая будущее суверенное палестинское государство. Даже западная печать отмечала, что «лишенные государства, они (палестинцы. — *К. В.*) играют более важную международную роль, чем многие суверенные малые страны» [104].

Таким образом, рассматривая внешнюю политику Организации освобождения Палестины в 1975—1980 гг. на общем фоне региональных межарабских и международных отношений, можно прийти к выводу об определенной и достаточно четко выраженной тенденции к упрочению роли палестинского фактора как неотъемлемого элемента структуры международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке и в афро-азиатском мире в целом. А. Сингхэм даже утверждал, что «именно палестинский вопрос вызывал в период 1960—1980 гг. наибольшее сплочение неприсоединившихся стран» [105]. Хотя в этой оценке, возможно, есть определенное преувеличение, она в целом отражала общую тенденцию возрастания роли палестинского фактора в политике неприсоединившихся стран.

Глава пятая

КУРС ИЗРАИЛЯ И США НА СИЛОВОЕ РЕШЕНИЕ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ И ОБОСТРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ И СЕРЕДИНЕ 80-х ГОДОВ

К началу 80-х годов палестинская проблема продолжала занимать центральное место в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке, несмотря на попытки США и Израиля «устранить» ее с помощью кэмп-дэвидской политики сепаратных сделок. В 1978—1980 гг. эта проблема неизменно находилась в центре внимания на всех сессиях Генеральной Ассамблеи ООН (с XXXIII по XXXV сессию). Как отметила в связи с этим в августе 1980 г. алжирская газета «Аш-Шааб», «ООН и Совет Безопасности приняли до сих пор 460 решений и рекомендаций по ближневосточной проблеме и палестинскому вопросу. Однако все они остались неосуществленными в результате отказа Израиля подчиниться этим решениям» [1]. Наконец, проблема Палестины и ближневосточного конфликта была предметом обсуждения на целом ряде крупных международных форумов и встреч в верхах стран—участниц движения неприсоединения, организации Исламская конференция, Организации солидарности народов Азии и Африки. Под знаком решимости широких кругов мировой общественности добиваться скорейшего справедливого решения палестинской проблемы как необходимого условия ближневосточного урегулирования проходила работа Всемирного конгресса солидарности с арабскими народами, состоявшегося в Лиссабоне 2—6 ноября 1979 г. В конгрессе приняло участие около 800 делегатов из почти ста стран мира.

Все эти акции ООН, международных и национальных общественных организаций и движений, предпринятые на рубеже 70—80-х годов, придали новое политическое звучание палестинской проблеме, привлекли к ней еще большее внимание мировой общественности. По мере нарастания в начале 80-х годов политической борьбы вокруг решения палестинской проблемы и ближневосточного конфликта глубже, чем раньше, обозначилось размежевание различных политических сил, участвующих в этой борьбе в регионе и на международной арене: с одной стороны, коалиция Соединенных Штатов, Израиля, некоторых их

союзников по НАТО, а также основных центров международного сионизма в Америке, Западной Европе и Южной Африке (ЮАР), а с другой — широкий антиимпериалистический фронт, включавший как официальные круги большинства арабских стран, не принявших кэмп-дэвидскую сделку, так и самые различные политические партии и общественные организации в арабском мире, опиравшиеся на поддержку социалистических государств и международных прогрессивных сил. Новый элемент в развитие ближневосточной ситуации и региональных международных отношений, в том числе и в борьбу вокруг палестинской проблемы, внесло свержение 11 февраля 1979 г. шахского режима в Иране, служившего наряду с Израилем опорой американской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Провозглашенный исламской республикой, Иран вышел из агрессивного блока СЕНТО, вывел свои войска из Дофара, заявил о своей поддержке арабского народа Палестины и Организации освобождения Палестины.

Широкое движение солидарности с палестинским народом, развернувшееся на рубеже 70—80-х годов на международном и региональном уровне, во многом способствовало подъему борьбы палестинского населения на оккупированных территориях Западного берега р. Иордан, Восточного Иерусалима и сектора Газа против кэмп-дэвидских соглашений. Ни ужесточение репрессий израильских властей, ни предпринятые ими в ноябре 1981 г. маневры по формированию на Западном берегу и в секторе Газа «гражданской администрации» и так называемых «деревенских лиг» не могли сбить накала борьбы. В течение всего 1981 г. и особенно в начале 1982 г. на этих территориях не прекращались массовые антиизраильские выступления. Основную массу их участников составляли учащаяся молодежь, рабочие, крестьяне, мелкие торговцы и интеллигенция (учителя, врачи, журналисты, служащие муниципалитетов и административных учреждений). Основным требованием палестинцев было положить конец израильской оккупации и создать на Западном берегу и в секторе Газа независимое палестинское государство под руководством Организации освобождения Палестины. Не будет преувеличением сказать, что сопротивление палестинского населения израильской оккупации, фактически переросшее весной 1982 г. в восстание, превратилось в главный фронт палестинского национально-освободительного движения [2]. Являясь неотъемлемой частью всего Палестинского движения сопротивления и одним из отрядов арабского национально-освободительного движения, оно, несомненно, сыграло важную, если не решающую роль в провале попыток израильских властей навязать палестинскому населению Западного берега и сектора Газа план «административной автономии».

К 1982 г. окончательно зашли в тупик египетско-израильские переговоры о палестинской «автономии», которые велись за спиной палестинцев. За три года, прошедшие со времени под-

писания сепаратных соглашений, Вашингтону и Тель-Авиву не удалось втянуть в кэмп-дэвидский процесс ни одну из арабских стран, известных своей прозападной ориентацией, не говоря уже о странах Фронта стойкости и противодействия.

В таких условиях в правящих кругах Израиля, среди наиболее экстремистски настроенных членов израильского кабинета, представлявших крайне правое крыло сионизма, — премьер-министра Бегина, министра обороны Шарона, министра иностранных дел Шамира, начальника генерального штаба израильской армии Эйтана — вызревала идея военно-силового «решения» палестинской проблемы. Суть его сводилась к тому, чтобы любыми средствами сокрушить Организацию освобождения Палестины, искоренить ее влияние на оккупированных территориях Западного берега и сектора Газа. Без этого, по их мнению, нельзя было осуществить пресловутый план «административной автономии», а точнее, аннексии этих территорий, оттеснить палестинскую проблему на второй план, исключить ее решение из планов ближневосточного урегулирования, а в дальнейшем и из международных отношений вообще. Израильские лидеры достаточно целеустремленно добивались осуществления на практике своей идеи. 29 июля 1980 г. — в тот самый день, когда VII специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию в поддержку прав арабского народа Палестины, — израильский кнессет в нарушение всех резолюций ООН, в одностороннем порядке принял «основной закон», объявлявший Иерусалим «вечной» и «неделимой» столицей Израиля. А 14 декабря 1981 г. кнессет принимает закон о распространении израильских законов и юрисдикции на район Голанских высот, фактически означавший аннексию части территории Сирии. На Западном берегу и в секторе Газа израильские власти, не ограничиваясь репрессиями против палестинцев — участников демонстраций в защиту своих прав, отстраняют от выполнения своих функций почти всех арабских мэров и членов муниципалитетов городов, поддерживавших Организацию освобождения Палестины. Одновременно в течение всего 1981 г. и особенно в начале 1982 г. Израиль наращивает удары с воздуха, моря и суши по лагерям палестинских беженцев и позициям ПДС в Южном Ливане. По сути дела, эти удары были подготовкой к новой широкомасштабной военной акции израильской армии против Ливана и Палестинского движения сопротивления, начавшейся 6 июня 1982 г. Израильская печать без обиняков писала тогда, что главная цель вторжения израильской армии в Ливан (под кодовым наименованием «Мир для Галилеи») состояла в том, чтобы «уничтожить военную и политическую структуру ООП» [3]. Кроме того, это вторжение в Тель-Авиве рассчитывали использовать для того, чтобы заставить ливанское правительство подписать сепаратный мирный договор с Израилем, вытеснить сирийские войска из Ливана и вынудить Сирию присоединиться к кэмп-дэвидским соглашениям.

Вторжение израильской армии в Ливан в июне 1982 г. и обострение арабо-палестинских отношений

Новая израильская агрессия в Ливане, приведшая к пятой по счету и самой продолжительной по времени арабо-израильской войне (она длилась 78 дней), явилась прямым следствием политики Кэмп-Дэвида. «Вторжение в Ливан израильской армии в июне 1982 г., — отмечает Эрик Руло в своей книге „Палестинцы от войны к войне“,— было в известной степени записано в кэмп-дэвидских соглашениях» [4].

Действия Израиля, как и в прошлом, были с самого начала согласованы и скоординированы с Вашингтоном. Пришедшая в январе 1981 г. к власти в США республиканская администрация во главе с Р. Рейганом запланировала дальнейшее увеличение военно-экономической помощи Израилю, которому уже в 1982 г. было выделено 1,4 млрд. долл. на военные цели и 750 млн. долл. — на экономические [5].

30 ноября 1981 г. между Соединенными Штатами и Израилем был подписан «Меморандум о взаимопонимании в области стратегического сотрудничества». В самый разгар вторжения, во время осады израильской армией Западного Бейрута, Вашингтон объявил о решении дополнительно предоставить Израилю танки, самоходные орудия, бронетранспортеры и другие виды вооружений, откровенно подталкивая интервентов на продолжение войны. «Никогда еще Израиль не получал от Соединенных Штатов такую поддержку, как сейчас», — признавал в июне 1982 г. израильский министр М. Зипори [6]. С помощью американского оружия Западный Бейрут с его 600-тысячным населением был превращен израильской армией в полигон для испытаний новых видов оружия массового поражения людей: фосфорных снарядов, напалма, кассетных, шариковых и вакуумных бомб. В Заявлении ТАСС от 1 августа 1982 г. говорилось, что «в этих действиях (геноциде в отношении палестинских и ливанских мирных жителей. — *В. К.*) отчетливо проявляется взаимодействие Израиля и Соединенных Штатов, которые были единственными из членов Совета Безопасности, не поддержавшими требование о снятии блокады и тем самым благословившими правящую клику Израиля на штурм ливанской столицы» [7]. В выступлениях представителей Советского Союза в Организации Объединенных Наций и официальных заявлениях ТАСС подчеркивалось, что невиданные по своей жестокости действия израильской армии против мирного населения лагерей палестинских беженцев и ливанцев «представляют собой качественно новый этап израильской политики международного терроризма» [8]. «Израиль не мог бы вести себя столь вызывающе и нагло, не чувствуя поддержки, более того — поощрения со стороны Соединенных Штатов Америки. Именно оттуда непрерывным потоком поступает смертоносный груз, который Израиль

обрушивает на ливанское население и палестинцев, нашедших временное пристанище в Ливане. В то же время не кто иной, как США пытаются выгородить Тель-Авив, оправдать его агрессивные действия в отношении арабских стран» [9].

Причастность Соединенных Штатов к израильской агрессии против ПДС и Ливана в июне—августе 1982 г., к курсу на военно-силовое решение палестинской проблемы не ограничивалась военной помощью и дипломатическим прикрытием Израиля в Совете Безопасности. В августе, а затем в октябре 1982 г. под предлогом разъединения войск противоборствующих сторон Соединенные Штаты высадили в Западном Бейруте свои подразделения морской пехоты [10].

После высадки американской морской пехоты в Бейруте израильская интервенция и оккупация части ливанской территории (около 40%) фактически превратились в совместную израильско-американскую интервенцию.

В октябре 1982 г. в дополнение к «Меморандуму о взаимопонимании» от 30 ноября 1981 г. между США и Израилем было заключено новое соглашение о «военно-стратегическом сотрудничестве», которое отражало намерение администрации Рейгана максимально использовать израильскую военную машину в интересах американской стратегии превращения ближневосточного региона в зону глобальной конфронтации с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Не случайно Рейган высоко оценивал услуги Израиля в подавлении арабского национально-освободительного движения, и в частности ПДС и ООП, в ливанской войне в июне—августе 1982 г. Рейган отмечал, что благодаря действиям израильской армии Соединенные Штаты «получили возможность для более далеко идущих усилий по установлению мира в регионе» [11]. За этим заявлением, в котором преступления израильской армии в Ливане выдавались чуть ли не за благо, скрывалось намерение использовать израильскую оккупацию части ливанской территории для усиления давления на палестинцев, на ливанское правительство, Сирию и другие арабские страны с тем, чтобы заставить их принять американо-израильские условия «мира».

Более конкретно контуры этой политики были изложены в новых американских предложениях «по урегулированию» положения на Ближнем Востоке, с которыми президент Рейган выступил 1 сентября 1982 г. Суть этих предложений сводилась в основном к обеспечению «безопасности» Израиля и к весьма туманным обещаниям предоставить палестинскому населению Западного берега и сектора Газа «административное самоуправление» в рамках «ассоциации» с Иорданией. При этом в выступлении президента специально оговаривалось, что «Соединенные Штаты не будут поддерживать создание независимого палестинского государства» [12]. Эта оговорка фактически означала сохранение уже существовавших на оккупированных территориях израильских поселений, хотя в выступлении и выражалось несогласие с неограниченным строительством новых поселений такого рода. Рейган предложил также отложить решение об определении статуса Иерусалима до неких «будущих переговоров». Истинное содержание «плана Рейгана» весьма точно раскрыл в одном из своих выступлений член Исполкома ООП Ясир Абд Раббо: «Как бы ни пытался Рейган прикрыть неприглядный облик американской политики на Ближнем Востоке в отношении палестинского народа, ее цели абсолютно ясны для нас. Выдвинутый им план по Ближнему Востоку — это не что иное, как политическая форма все той же войны, которую с его благословения вела агрессивная израильская армия, оснащенная современными средствами разрушения и уничтожения американского производства. „Челночные поездки“ эмиссаров Рейгана — Хабиба, Дрейпера и им подобных — преследуют лишь одну цель: обострить кризис и создать условия для того, чтобы сломить палестинский народ и его революцию, подчинить весь регион влиянию американского империализма» [13].

Не добившись осуществления в полном объеме своих целей — уничтожения ООП и коренного изменения соотношения сил в арабо-израильском конфликте в свою пользу, Соединенные Штаты и Израиль не оставили своих попыток отстранить ООП от участия в процессе ближневосточного урегулирования и покончить с палестинской проблемой. «План Рейгана» с его идеей прямых переговоров между Израилем и Иорданией без участия ООП и без признания за палестинцами права создать свое независимое государство был лишь одним из дипломатических маневров Вашингтона в этом направлении. Как отмечала газета «Нью-Йорк таймс», деятельность администрации Рейгана была направлена на то, «чтобы убедить умеренных арабов и палестинцев в том, что „либо сейчас, либо почти никогда“ — либо признать Израиль и открыть королю Хусейну „зеленый свет“ для переговоров о Западном береге и секторе Газа, либо столкнуться с перспективой фактического включения этих территорий в состав Израиля» [14]. Посредством такой тактики американская дипломатия надеялась в конечном счете вынудить Иорданию присоединиться к участию в кэмп-дэвидском процессе.

В то время как Соединенные Штаты усиливали дипломатическое и политическое давление на ООП, Сирию, Ливан, Иорданию, навязывая им в качестве решения палестинской проблемы «план Рейгана», правительство Израиля в борьбе против ООП по-прежнему делало ставку на насилие, на разрушение национальной общности палестинского народа, на геноцид. Как до, так и после эвакуации боевых формирований ООП из Бейрута главным направлением политики израильских сионистов оставалось насильственное оттеснение палестинцев как можно дальше от границ их родины путем создания для них невыносимых условий жизни на захваченных Израилем территориях. Свидетельство тому — спровоцированная ими кровавая бойня в

палестинских лагерях Сабра и Шатила в сентябре 1982 г., жертвами которой стали свыше трех тысяч палестинцев, в большинстве своем женщины, старики, дети, террористическая кампания против палестинского населения на Западном берегу р. Иордан, в Восточном Иерусалиме и секторе Газа, покушения на жизнь лидеров и активистов палестинских организаций.

Курс Израиля на военно-силовое решение палестинской проблемы, кульминацией которого явилась агрессия против Палестинского движения сопротивления в Ливане в июне 1982 г., расширение прямого военного присутствия США в регионе и их дипломатические маневры по «размыванию» позиций соседних с Израилем арабских стран — Иордании, Ливана с целью их вовлечения в кэмп-дэвидский процесс — все это вместе взятое привело к существенным изменениям условий борьбы палестинцев и общей ситуации на Ближнем и Среднем Востоке.

Эти изменения характеризовались прежде всего серьезным ослаблением ПДС и ООП в военном плане, что было связано с уходом боевых формирований ООП из Западного Бейрута и их рассредоточением на территории ряда арабских стран. (Всего Бейрут, а затем и Ливан покинуло около 11 тыс. палестинских бойцов; около половины из них перебрались в Сирию, остальные — в Алжир, Тунис, Южный Йемен, Северный Йемен, Судан, Ирак, Иорданию.) [15] Палестинцы — защитники Бейрута сопротивлялись более 70 дней в условиях ожесточенных бомбардировок и артобстрелов израильтян. Они уходили из Бейрута непобежденными, с оружием в руках, под национальным знаменем Палестины. Благодаря своей стойкости при отражении натиска израильской армии палестинцы снискали повсюду в мире еще большие симпатии и уважение. Тяжелый удар, нанесенный израильской армией по ООП в Ливане, не привел к ее политической смерти, как того хотели израильские лидеры.

Вместе с тем уход ООП из Бейрута (временно ее штаб-квартира расположилась в Тунисе, где находится также и штаб-квартира ЛАГ) крайне осложнил задачу сохранения завоеванных Палестинским движением сопротивления и ООП позиций на арабской и международной арене. Как отмечал в одной из своих статей член руководства Коммунистической партии Палестины Наим Ашхаб, «Соединенные Штаты, Израиль и арабская реакция попытались использовать вывод бойцов ПДС из Бейрута не только для того, чтобы подорвать и ликвидировать политические и моральные завоевания нашей революции на международной арене, но и покончить с палестинской проблемой как таковой... этот враждебный нашему народу зловещий союз резко усиливает нажим на палестинское национальное движение, пытаясь его расколоть, создать в нем противоборствующие группировки и тем самым лишить его возможности принимать самостоятельные решения» [16].

К еще большему обострению обстановки в регионе привело возникновение новых «полюсов напряженности» и конфликтов.

отдалявших общие перспективы установления прочного и справедливого мира. В 1980—1983 гг. на Ближнем и Среднем Востоке наряду с арабо-израильским конфликтом возникло еще три новых очага войны: в Ливане (в 1982 г.), ирано-иракская война и необъявленная война против Афганистана.

Особенно пагубные последствия для Палестинского движения сопротивления и межарабских отношений имела война между Ираком и Ираном, начавшаяся 22 сентября 1980 г. Эта война, отодвинув на второй план арабо-израильский конфликт и палестинскую проблему на годы вперед, поставила в трудное положение Организацию освобождения Палестины, давая Израилю преимущества в его борьбе, направленной против арабского мира.

Ирано-иракский конфликт фактически исключил Ирак и Иран из активной борьбы с сионизмом и предоставил Израилю более благоприятную возможность для нового вторжения в Ливан и удара по Палестинскому движению сопротивления на «восточном фланге». Комментируя влияние ирано-иракского конфликта на положение палестинцев один из руководителей ООП заявил в этой связи в мае 1982 г., что «некоторые арабские государства залива... поворачиваются спиной к палестинцам — одни потому, что считают главной опасностью Иран ...другие потому, что боятся настроить против себя американцев в момент усилившейся угрозы для арабской нации» [17].

В результате ирано-иракского конфликта произошла новая перегруппировка сил в арабском мире. Большая группа арабских стран, и среди них Саудовская Аравия, Иордания, Египет, выступила на стороне Ирака, тогда как Сирия, Ливия, Алжир, Южный Йемен и ООП — на стороне Ирана. Различия в оценках ирано-иракского конфликта осложнили отношения между странами — участницами Фронта стойкости и противодействия, с одной стороны, и странами, поддержавшими Ирак, — с другой. Так, например, страны — участницы Фронта стойкости и ООП не приняли участия в XI арабской встрече в верхах, состоявшейся 25—27 ноября 1980 г. в Аммане, на которой предпринимались попытки выработать общую линию действий в отношении ирано-иракского конфликта.

Углубление поляризации в арабском мире выразилось, в частности, в выдвижении каждым арабским государством на первый план своей внешней политики собственных национальных и государственных интересов, подчас противоречивших общеарабской стратегии борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии. Объективной основой для развития этой тенденции явились не только негативные последствия американо-израильской политики сепаратных сделок, но и влияние внутренних факторов, связанных главным образом с усилением неравномерности экономического развития арабских стран и, как следствие этого, различий их экономических и политических интересов и целей. В конце 70-х годов в арабском мире достаточ-

но четко выделилась группа «богатых» нефтедобывающих стран, заметно опережавших остальные арабские страны по ряду показателей своего экономического роста, и в частности по такому, как доход на душу населения. В эту группу входят: Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские эмираты (ОАЭ), Катар, Бахрейн, в которых доход на душу населения превышал в этот период 10 тыс. долл. в год; к этой группе стран близко примыкали Ливия и Оман с доходом на душу населения от 6 до 8 тыс. долл. в год. В то же время в группе наиболее бедных арабских стран: Судане, Мавритании, Сомали, Южном Йемене доход на душу населения составлял менее 450 долл. Хотя сравнение неравномерности развития арабских стран по одному этому показателю достаточно условно, тем не менее оно дает основание говорить об усилившемся расслоении арабского мира. При этом разрыв между «богатыми» и «бедными» странами в некоторых случаях достигает внушительных размеров, а главное, продолжает увеличиваться. Например, доход на душу населения в Кувейте превышал аналогичный показатель в Сомали в 1976 г. в 69,8 раза, а в 1982 г. — в 74,8 раза. Ливия по уровню душевого дохода в 1976 г. превосходила Судан в 17,9 раза, а в 1982 г. — уже в 20,1 раза, Южный Йемен отставал от Бахрейна соответственно в 26,5 и 31,1 раза [18]. Увеличение различий в уровнях экономического развития отдельных арабских стран влекло за собой расхождение их точек зрения на ближайшие задачи экономического развития, а также на ряд политических вопросов.

Процесс своеобразной экономической и политической поляризации арабских стран привел к возникновению в арабском мире новых «центров силы». Некоторые из них, такие, как, например, Саудовская Аравия, благодаря своему возросшему значению как крупнейшего экспортера нефти и международного финансового центра стали оказывать значительное, а во многих случаях и решающее влияние на решение ключевых проблем межарабских отношений.

В августе 1981 г. будущий король Саудовской Аравии (в то время еще наследный принц) Фахд предложил проект ближневосточного урегулирования и решения палестинской проблемы. Этот проект состоял из следующих восьми пунктов: 1) уход Израиля со всех оккупированных в 1967 г. территорий, включая Иерусалим; 2) ликвидация израильских поселений, созданных на оккупированных территориях после 1967 г.; 3) гарантии свободного доступа к святым местам всем верующим, независимо от вероисповедания; 4) признание за палестинцами права на возвращение в родные места или на получение компенсации для тех, кто не пожелает вернуться; 5) передача Западного берега р. Иордан и сектора Газа под опеку ООН на переходный период, ограниченный несколькими месяцами; 6) создание независимого палестинского государства; 7) признание права всех государств региона жить в мире; 8) гарантия этих принципов со

стороны ООН или нескольких государств — членов Совета Безопасности ООН [19].

«План Фахда» содержал отдельные положения, выдвигавшиеся в свое время некоторыми арабскими странами, Советским Союзом и ООП и, казалось бы, совмещал в себе интересы не только Саудовской Аравии, но и других арабских стран, Организации освобождения Палестины и западных государств. Принципиально новым содержанием этого плана, в частности, было то, что впервые после сепаратного соглашения между Египтом и Израилем, такое крупное и влиятельное арабское государство, как Саудовская Аравия, предлагало арабским странам признать, хотя и в косвенной форме, право Израиля на существование, отступая тем самым от своей прежней бескомпромиссной формулы ликвидации «сионистского образования» на арабской земле.

Вокруг «плана Фахда» в арабском мире развернулась острая дискуссия, достигшая кульминации на XII арабском совещании в верхах, состоявшемся в марокканском городе Фесе в ноябре 1981 г. Его участники смогли достигнуть согласия только по первому пункту повестки дня — ливанскому вопросу, единодушно высказавшись за сохранение национальной целостности Ливана и в поддержку борьбы ливанского народа против посягательств Израиля. По главному вопросу — выработке стратегии арабов в решении палестинской проблемы в связи с выдвинутым «планом Фахда» — между арабскими странами выявились серьезные разногласия.

Наиболее острой критике «план Фахда» подвергся со стороны ООП и стран—участниц Фронта стойкости и противодействия, поскольку в нем не упоминалась руководящая роль ООП в борьбе арабского народа Палестины за восстановление своих национальных прав и за образование палестинского государства, а также поскольку он не содержал осуждения американской политики поддержки Израиля. В итоге совещание прервало свою работу, поручив министрам иностранных дел несколько переработать проект решения по этому вопросу и определить время возобновления работы совещания.

При обсуждении «плана Фахда» голоса разделились следующим образом: за проголосовали 9 стран — Бахрейн, Джибути, Иордания, Марокко, Оман, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Тунис; против — 6 — Алжир, Ирак, Ливия, НДРЙ, ООП, Сирия; Ливан — воздержался, и четыре страны — Катар, Кувейт, ОАЭ и ЙАР высказались за внесение в проект некоторых изменений и дополнений [20].

На общем фоне разобщенности и раскола арабских стран в начале 80-х годов наблюдалась тенденция к сближению монархических арабских режимов во главе с Саудовской Аравией, к координации действий этих режимов по наиболее важным вопросам межарабских и межрегиональных отношений (палестинской проблеме и арабо-израильскому конфликту, ирано-ирак-

скому конфликту, ливанскому кризису). Что касается палестинской проблемы и арабо-израильского конфликта, то дипломатические инициативы Саудовской Аравии, связанные с «планом Фахда», представляли собой попытку урегулирования ближневосточного кризиса американо-сионистским альянсом и правыми арабскими режимами с позиций «монархического национализма». Такая противоречивая основа урегулирования, подразумевавшая удовлетворение национальных чаяний арабов при сохранении партнерских отношений с Соединенными Штатами, отражала интересы не только саудовского, но и арабского национализма в целом. И это, возможно, оказало свое влияние на выработку в конечном счете общеарабской платформы политического урегулирования арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы, приемлемой как для монархических режимов, так и для стран антиимпериалистической ориентации и Организации освобождения Палестины.

На возобновившем свою работу 6 сентября 1982 г. XII арабском совещании в г. Фесе приняли участие главы 19 государств и Организация освобождения Палестины (отсутствовали Египет и Ливия). Участники совещания, включая палестинскую делегацию ООП, единогласно приняли план урегулирования арабо-израильского конфликта и решения палестинской проблемы, который, как подчеркнул председатель совещания — король Марокко Хасан II, отражал арабские чаяния и единую позицию арабских стран. План включал следующие пункты: 1) уход Израиля со всех арабских территорий, оккупированных в 1967 г., в том числе из Восточного Иерусалима; 2) ликвидация поселений, созданных Израилем на арабских землях после 1967 г.; 3) бесспорное и неотъемлемое право палестинского народа на самоопределение под руководством Организации освобождения Палестины — его единственного законного представителя; 4) передача Западного берега р. Иордан и сектора Газа под контроль ООН на переходный период, не превышающий несколько месяцев; 5) создание независимого палестинского государства со столицей в арабской (восточной) части Иерусалима; 6) гарантии Совета Безопасности ООН сохранения мира между всеми государствами региона, включая независимое палестинское государство, а также соблюдение этих принципов [21]. По мнению представителей некоторых арабских стран антиимпериалистической ориентации — Сирии, Алжира, НДРЙ, а также Организации освобождения Палестины, сыгравших большую роль в выработке более приемлемого варианта Фесского плана, содержавшиеся в нем положения были последним пределом тех уступок, на которые могли пойти арабы, добиваясь политического решения арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы.

Принятый общеарабский план ближневосточного урегулирования представлял собой несколько измененный и уточненный вариант «плана Фахда». Он подтверждал признание ООП в качестве единственного представителя палестинского народа, подчеркивая, что самоопределение палестинцев должно происходить под ее руководством. Указание на Совет Безопасности как на гарант мира в регионе, содержавшееся в одном из пунктов плана, подразумевало безусловную необходимость участия СССР как постоянного члена Совета Безопасности в ближневосточном урегулировании, а также возможность мирного сосуществования арабских государств с Израилем. В целом Фесский план был, несомненно, весьма конструктивным вкладом арабских стран в поиски политического решения ближневосточного конфликта и палестинской проблемы, а также в дело восстановления арабской солидарности. Этот план получил одобрение большинства стран мирового сообщества, и в том числе Советского Союза [22].

Рассмотренные выше новые моменты и тенденции в развитии ситуации на Ближнем и Среднем Востоке в начале 80-х годов поставили перед Организацией освобождения Палестины новые сложные проблемы. Каким образом сохранить и укрепить национальное единство палестинских рядов вокруг ООП? Как отстоять самостоятельную национальную внешнеполитическую линию ООП на арабской и международной арене в условиях продолжавшейся эскалации агрессивных действий Израиля и разобщенности арабских стран? Как сохранить основное завоевание палестинского национального движения — признание мировым сообществом права палестинцев на самоопределение и создание собственного независимого государства? Наконец, каким путем должна идти ООП дальше для реализации этого права?

Конкретная программа действий ООП по решению этих проблем вырабатывалась и утверждалась в ходе острых дискуссий во время XV и XVI сессий Национального совета Палестины. XV сессия НСП, состоявшаяся 11—17 апреля 1981 г. в Дамаске, подтвердила, что главным в деятельности ООП должна оставаться борьба против сепаратных вариантов решения палестинской проблемы по кэмп-дэвидскому образцу, и в частности против плана «административной автономии», за самоопределение и создание независимого палестинского государства. В итоговых документах XV сессии были сформулированы важные положения, касавшиеся роли ООП в борьбе палестинцев, проблемы национального единства и союза палестинской революции с прогрессивными силами в арабском мире и на международной арене. На сессии подчеркивалось, что «никакая страна не имеет права представлять палестинский народ или вступать в переговоры по вопросу о Палестине и ее народе, кроме Организации освобождения Палестины... Только ООП правомочна избирать пути справедливого решения палестинской проблемы, которые гарантировали бы осуществление неотъемлемых прав палестинского народа» [23].

В решениях XV сессии указывалось на необходимость спло-

чения всех организаций палестинского сопротивления вокруг ООП, и в частности на необходимость превращения Палестинского национального фронта (основной организации палестинского сопротивления на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа) «в главную ветвь ООП на оккупированной родине, укрепления арабской солидарности и связей ПДС с революционными силами мира, возглавляемыми Советским Союзом»[24]. Установки XV сессии НСП, как показали дальнейшие события, способствовали укреплению реалистического внешнеполитического курса Исполкома ООП, единству рядов Палестинского движения сопротивления. Еще в ходе работы XV сессии была достигнута договоренность о возвращении в состав Исполкома ООП представителя Народного фронта освобождения Палестины. В период отражения израильской агрессии в Ливане и особенно во время битвы за Бейрут вокруг ООП фактически сплотились все отряды палестинского сопротивления. Свою поддержку ООП вновь продемонстрировало палестинское население Западного берега и сектора Газа. Уход палестинцев из Бейрута не помог Израилю добиться победы на Западном берегу, заставить его население порвать с ООП и подчиниться израильскому плану продолжения оккупации под видом «административной автономии». Царившие среди палестинцев Западного берега настроения выразил мэр города Наблуса — Бассам Шакаа в следующем заявлении, сделанном им в конце 1982 г.: «Я отвергаю любое руководство, кроме ООП. Я был избран под флагом ООП и считаю себя представителем этой организации в Наблусе. Я не признаю никакой автономии, так как, поступив таким образом, я отрекусь от моих братьев, находящихся за пределами страны. Мы — единая нация»[25].

Растущему осознанию палестинскими массами национальной общности палестинского народа на оккупированных территориях и за их пределами способствовали героическое сопротивление палестинцев израильской агрессии в Ливане в июне 1982 г., а также общие испытания и опасения за будущее своего народа как на оккупированных территориях, так и в большинстве арабских стран.

В условиях заметного усиления антиимпериалистических настроений масс, особенно в период американо-израильской интервенции в Ливане, в сентябре 1982 г. исполком ООП с достаточной твердостью выступил против принятия «плана Рейгана» и его идеи федерации Западного берега с Иорданией. Разъясняя в конце 1982 г. позицию ООП, палестинские руководители подчеркивали, что она отклоняет «план Рейгана» не потому, что это американский план, а потому, что он не признает права палестинского народа на самоопределение и образование своего государства и направлен на то, чтобы превратить Иорданию в опекуна палестинского народа. Прежде всего, подчеркивали лидеры ООП, должны быть осуществлены вывод израильских войск с оккупированных территорий, ликвидация израильских поселений и образование самостоятельного палестинского государства. Только после выполнения этих требований на повестку дня могбы быть поставлен вопрос о какой-либо форме федерации между двумя братскими государствами в силу традиционно существующих тесных связей между палестинцами и иорданцами[26]. Палестинская революция, заявляли они, будет по-прежнему использовать все способы и средства — как военные, так и политические — для восстановления своих неотъемлемых национальных прав. «Если возможности политического урегулирования путем созыва международной конференции с участием всех заинтересованных сторон будут исчерпаны,— говорил Я. Арафат,— если их окончательно похоронит оголтелый шовинизм и экспансионизм Бегина, если американские маневры будут преследовать цель извратить смысл Фесских решений, то мы вернемся на поле боя»[27].

Такая линия руководства ООП в 1981—1982 гг., находила понимание и поддержку широких масс палестинцев, прогрессивных сил арабского мира и международной демократической общественности, поднимала авторитет ООП на арабской и международной арене. Эта линия превалировала и на XVI сессии Национального совета Палестины, состоявшейся в Алжире 14—22 февраля 1983 г.— первой сессии после ухода отрядов Палестинского движения сопротивления из Бейрута. Эта сессия НСП должна была наметить программу действий ООП в новых условиях, когда вопросы сохранения национального единства всех отрядов Палестинского движения сопротивления и отношений ООП с арабскими странами, особенно со странами непосредственной конфронтации с Израилем — Сирией, Иорданией, Ливаном,— приобрели особую остроту и значимость.

Анализируя ход и итоги дискуссии, состоявшейся на XVI сессии, палестинские коммунисты отмечали, что ее главный результат состоял в сохранении палестинского национального единства и независимого курса ООП на арабской и международной арене. Это было видно прежде всего на примере подхода XVI сессии к различным проектам урегулирования палестинской проблемы и ближневосточного конфликта. В главном документе XVI сессии — Политической декларации, в частности, выражалось одобрение Фесского плана. «Национальный совет Палестины,— говорилось по этому поводу в документе,— считает решения конференции на высшем уровне в Фесе тем минимумом, на основе которого должна проводиться политика, дополняемая военными акциями со всем, что с этим связано, с целью изменения соотношения сил в пользу борьбы за права палестинского и других арабских народов»[28].

В документах сессии отмечалось «развитие и углубление отношений союза и дружбы» между ООП и социалистическими странами, прежде всего с СССР, высоко оценивались опубликованные 16 сентября 1982 г. советские предложения по ближневосточному урегулированию, включавшие удовлетворение права

палестинцев на возвращение к родным очагам, на самоопределение и создание независимого государства под руководством ООП. В то же время в Политической декларации указывалось на неприемлемость «плана Рейгана», который по своему содержанию и направленности не отвечает неотъемлемым национальным правам палестинского народа... и поэтому не может быть «подходящей основой для справедливого решения проблемы Палестины и арабо-сионистского противоборства»[29].

О сохранении самостоятельности ООП в принятии решений говорили и те разделы Политической декларации, которые касались отношений ПДС с арабскими странами. Например, подчеркивалось стратегическое значение палестино-сирийских связей для осуществления задач национальной палестинской и общеарабской борьбы. Но в то же время содержалась установка на расширение связей с патриотическими силами Ливана и со всеми арабскими странами независимо от их политической ориентации. Политическая декларация призвала к развитию отношений ООП с национально-демократическим движением в Египте, но одновременно допускала возможность восстановления отношений и с египетским правительством в случае его отказа от кэмп-дэвидского курса. Высший палестинский форум указал на существование «особых отношений», связывающих иорданский и палестинский народы, и определил будущие контуры этих отношений. «Национальный совет Палестины считает,— говорилось по этому поводу в документах сессии,— что будущая связь с Иорданией будет основываться на конфедерации двух независимых государств»[30]. Наконец, сессия подтвердила провозглашенную еще на XIII сессии НСП (1977 г.) готовность ООП к расширению контактов с демократическими кругами Израиля во главе с компартией.

Если кратко суммировать главные итоги XVI сессии НСП, то они сводились к подтверждению и закреплению курса ООП на политическое урегулирование арабо-израильского конфликта на основе Фесского плана, к сохранению ориентации на союз с социалистическими государствами и прогрессивными арабскими странами, а также к расширению диалога со всеми арабскими государствами независимо от их политической ориентации ради достижения национальных целей ПДС. Иными словами, решения XVI сессии нацеливали на продолжение палестинской революции — борьбы палестинцев за самоопределение и создание своего государства. И если учесть, что эти решения принимались спустя всего несколько месяцев после ухода палестинских бойцов из Ливана, в сложных условиях массированного натиска на ПДС и ООП со стороны американо-сионистского альянса и его союзников в арабском мире, то это наглядно иллюстрировало жизнеспособность ООП. Не случайно, как отмечали палестинские коммунисты, результаты XVI сессии породили «смятение, озлобление и ярость врагов палестинской революции»[31]. Потерпев провал в попытке разделаться с Палестинским движением сопротивления при помощи фронтальной атаки на ООП в Ливане, главные ее противники — Израиль и США изменили тактику. Теперь они поставили перед собой задачу вбить клин между ООП и отрядами арабского национально-освободительного движения, находящимися на передней линии борьбы с сионистской агрессией — Сирией, национально-патриотическими силами Ливана, активизируя одновременно подрывные действия против каждого из них в отдельности.

Углубление раскола в арабском мире и внутренний кризис в ПДС и ООП в 1983—1985 гг.

Новая кампания давления на ООП совпала по времени с углублением процесса размежевания сил в самом Палестинском движении сопротивления, вызванного событиями в Ливане, с активизацией в ПДС двух опасных течений. Первое из них — правое, соглашательское и капитулянтское, сторонники которого готовы были отказаться от идеи палестинского государства в пользу создания федерации Западного берега с Иорданией на основе «плана Рейгана». Второе — крайне левое, так называемое течение «отказа», продолжавшее выступать за «полное освобождение всей Палестины», за вооруженные методы борьбы, открыто заявлявшее о несогласии с решениями Фесского совещания в верхах и XVI сессии Национального совета Палестины. Еще одно течение, представленное широкими народными массами и влиятельными политическими силами, включающими Палестинскую коммунистическую партию, не только на словах, но и в своей повседневной практической деятельности отстаивало принципы палестинской революции: создание палестинского государства на землях, захваченных израильтянами в 1967 г., урегулирование проблемы беженцев в соответствии с решениями ООН и признание ООП единственным законным представителем арабского народа Палестины. Можно сказать, что именно благодаря этому главному течению на XVI сессии НСП возобладал здравый объективный подход, не позволивший одержать верх ни правокапитулянтскому, ни левоэкстремистскому течениям.

Разногласия между сторонниками названных течений к середине 1983 г. распространились на ряд входивших в ООП организаций, включая и крупнейшую из них — Фатх (по оценкам западных авторов, 80% всех палестинских бойцов принадлежит к Фатху)[32]. Среди группы офицеров боевых формирований Фатха возникла оппозиция курсу «умеренного» крыла ООП, возглавляемого Ясиром Арафатом. Наиболее известные среди этих офицеров — Абу Салах, Абу Кувейка (Кадри), Абу Халед аль-Амли и полковник Саид Муса (Абу Муса) — военный руководитель оппозиционной группировки, чаще других упоминавшийся средствами массовой информации[33].

В документе, обнародованном вскоре после открытого выступления против курса Исполкома ООП (май—июнь 1983 г.), они категорически возражали против всякого компромисса с Израилем и заявляли, что их цель — «освободить всю Палестину» в соответствии с Хартией ООП, которая, по их мнению, была нарушена рядом резолюций Национального совета Палестины, а также некоторыми дипломатическими акциями Я. Арафата. Они выступили против «плана Рейгана», а также плана, принятого в Фесе в сентябре 1982 г. главами арабских государств, против ведения диалога с королем Хусейном, контактов с Египтом и израильскими сторонниками мира. Они предлагали возобновить вооруженную борьбу — «единственный путь к освобождению» — повсюду: в Ливане, на сирийских Голанских высотах, на Западном берегу Иордана, с иорданской территории (после свержения режима короля Хусейна), и осуществлять операции с целью «ликвидировать американские позиции на Ближнем Востоке» и «положить конец засилию США в регионе» [34]. Критикуя председателя Исполкома ООП за принятие единоличных решений по ряду важных вопросов, Абу Муса и другие члены оппозиции потребовали «коллективного руководства» ООП. Кроме того, они выступили против сотрудничества ООП с монархическими арабскими режимами во главе с Саудовской Аравией и Иорданией.

В мае—июне 1982 г. разногласия в рядах Фатха и ООП переросли в вооруженные столкновения между отдельными боевыми отрядами, дислоцированными в долине Бекаа (Ливан), а в ноябре—декабре 1983 г. произошли еще более серьезные столкновения в г. Триполи (Ливан), в результате которых Я. Арафат с несколькими тысячами верных ему бойцов вынужден был покинуть территорию Северного Ливана.

Оппозиция в рядах Фатха и внутренние разногласия в ПДС в той или иной степени затрагивали большинство арабских государств. Разногласия, существовавшие в палестинских организациях, негативным образом влияли и на арабо-палестинские отношения. Вместе с тем несомненно существовала и обратная связь: влияние межарабских противоречий и разобщенности арабских стран на положение в ПДС, вследствие попыток руководства некоторых арабских стран играть на трудностях палестинцев. «С болью приходится констатировать,— отмечали в этой связи палестинские коммунисты,— что... некоторые арабские силы не преминули воспользоваться огромными трудностями палестинской революции, стали содействовать — сознательно либо нет — созданию в ее рядах фракций, выдвигая при этом экстремистские лозунги и тем самым давая повод реакционным арабским режимам самоустраниться от выполнения решений, принятых арабскими странами на совещании в Фесе (сентябрь 1982 г.)» [35]. По мнению Н. Ашхаба, попытки отдельных патриотических арабских режимов оказывать давление на движение сопротивления, а нередко навязывать ему собственную точку

зрения и даже пытаться поставить палестинскую революцию в определенные рамки также способствовали расколу крупнейшей и крайне неоднородной по своему социально-политическому составу палестинской организации Фатх [36].

Некоторые представители руководства ООП, объясняя внутренние разногласия в Фатхе, склонны полностью сводить дело лишь к воздействию внешних факторов. Например, один из видных деятелей Фатха и ООП Халед Хасан (Абу Саид) в опубликованной им в 1984 г. книге «Ливанские тетради» писал: «Мы не считаем, что это (события в долине Бекаа в мае 1983 г. и в г. Триполи в декабре 1983 г.— *В. К.*) внутрипалестинские противоречия, так как то, что происходит сейчас, является продолжением арабских противоречий и попытками навязать палестинцам определенные идеи и теории... Все проблемы, которые сейчас имеют место,— это проявление острых межарабских противоречий...» [37].

Хотя приведенное высказывание Х. Хасана, целиком игнорирующего существование внутренних объективных причин для разногласий в ПДС, односторонним образом трактует корни конфликта, в то же время оно подтверждает уверенность большинства палестинцев в значительном влиянии на эти разногласия политики арабских государств. При этом неверно было бы сбрасывать со счетов прямую заинтересованность правящих кругов Израиля и Соединенных Штатов в появлении и углублении раскола в палестинском движении. Израильский премьер И. Шамир, пришедший на смену Бегину, откровенно заявил: «Израилю благоприятствуют разногласия, свары и расколы внутри ООП» [38]. «Мы хотим одного,— говорил он в январе 1984 г.,— чтобы Организация освобождения Палестины исчезла с лица земли» [39]. В мае 1983 г., сразу после вооруженных столкновений между отрядами Фатха израильские и американские средства массовой информации запестрили сообщениями о неминуемом распаде Фатха и ООП, кризисе арабо-палестинских отношений, «закате» палестинского сопротивления. Одновременно участились налеты израильской авиации на лагеря палестинских беженцев и боевые отряды палестинцев в районе североливанского города Триполи, в который они были вынуждены переместиться из долины Бекаа. (До отвода палестинских бойцов в Триполи израильская авиация не могла наносить удары по палестинским частям из опасения получить отпор сирийско-палестинских частей, дислоцированных в районе Бекаа.) Перемещение палестинских отрядов из Бекаа в Триполи, «разъединявшее» их с сирийскими частями, предоставляло Израилю двойное преимущество: возможность атаковать палестинцев на севере в Триполи и в то же время продолжать оккупацию части Южного Ливана и долины Бекаа под предлогом присутствия в ней сирийских войск. На последующих этапах американо-израильский план уничтожения ООП предполагал оказание массированного нажима на Иорданию и Сирию с целью

вынудить их принять «план Рейгана» и в конце концов склонить к сделке с Израилем. Как отмечали палестинские коммунисты, уничтожения ООП ждали не только Израиль и США, этого ждали все те в арабском мире, кто возлагал надежды на осуществление американских планов решения палестинской проблемы и был так или иначе заинтересован в том, чтобы ООП либо вовсе перестала существовать, либо превратилась в простое прикрытие для протаскивания капитулянтских проектов. «К этому,— отмечали они,— пытались вести дело арабские реакционеры и подозрительные элементы, пробравшиеся в обе враждующие группировки»[40].

Американо-израильская интервенция в Ливане и последовавший за этим вынужденный уход палестинских отрядов сопротивления с ливанского плацдарма, а также наступившее в результате этих событий обострение арабо-палестинских отношений в конечном счете были первопричиной возникновения серьезных внутренних трудностей в ПДС и ООП. Позднее стали «срабатывать» и другие факторы, влиявшие на этот спад: социальная разнородность ПДС, разобщение арабских сил, межарабские противоречия, ирано-иракский конфликт, элементы личностного характера в отношениях между отдельными арабскими лидерами Фронта стойкости. Но начало кризисным явлениям в ПДС положила именно политика военно-силового давления американо-сионистского альянса, дополненная маневрами его союзников в арабском мире, склонных к сделке с Израилем и США. Заслуживает внимания в этой связи оценка ситуации вокруг ООП, данная марокканской газетой, «Опиньон» в 1983 г.: «Виновниками создавшегося положения являются США и западные державы. С помощью этого шага (т. е. нагнетания напряженности вокруг ООП.— *В. К.*) они хотят осуществить перегруппировку сил в регионе в свою пользу»[41].

В условиях очевидного тупика, в который зашло решение палестинской проблемы после ливанских событий, умеренное крыло ООП, осуществлявшее руководство организацией, оказалось перед необходимостью выбора одного из нескольких возможных путей выхода из создавшегося положения:

— встать на непримиримые позиции Фронта отказа, отвергнуть любые компромиссы, включая фесский план, и вести исключительно вооруженную борьбу, рискуя поставить палестинское движение в изоляцию на международной арене;

— принять «план Рейгана», провозглашенный 1 сентября 1982 г. (или какую-либо его модификацию), предлагающий урегулирование конфликта между Израилем и Иорданией без участия ООП и без признания за палестинцами права на создание своего государства, что, как и предыдущий вариант, вел бы к изоляции ООП, а также способствовало бы ее окончательному распаду;

— начать возрождение национального фронта на оккупированных территориях (Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа), которые после ухода палестинских бойцов из Бейрута фактически превратились в арену решающего противоборства с оккупантами, а также приступить к объединению «вооруженных формирований палестинской революции в единую национально-освободительную армию» (как того требовала резолюция, сформулированная и принятая на XVI сессии НСП), или, иными словами, взять курс на активизацию народной борьбы, не опасаясь радикализации палестинских масс в арабских странах и неодобрения такого курса Саудовской Аравией и другими арабскими монархическими режимами. Таким образом, речь шла о необходимости сохранения антиимпериалистической направленности в деятельности палестинского руководства, характерной для периода до ухода палестинских бойцов из Западного Бейрута. Возможно, это был единственно верный путь для продолжения борьбы и сохранения единства Палестинского движения сопротивления.

Однако в то время Исполком ООП не пошел по этому пути, а избрал тактику политико-дипломатического балансирования. Он стал все более расширять связи с умеренными арабскими режимами — Египтом, Иорданией, Саудовской Аравией, не порывая в то же время своих отношений с антиимпериалистическими арабскими режимами и странами социалистического лагеря.

Уже через месяц после алжирской сессии НСП начались переговоры Я. Арафата с королем Иордании Хусейном о создании конфедерации Западного берега и сектора Газа с Иорданией (март 1983 г.), а в декабре 1983 г. состоялась несанкционированная Исполкомом ООП его поездка в Египет и встреча с президентом Мубараком. При этом в беседе с одним из участников советской делегации на международной конференции «За мир и жизнь, против ядерной войны», состоявшейся в Праге летом 1983 г., Я. Арафат подчеркивал, что он по-прежнему отвергает «план Рейгана», но намерен «активизировать политические действия» с тем, чтобы, по его словам, «не дать времени работать против интересов палестинского народа»[42]. Одним из мероприятий руководства Фатха и ООП в направлении «активизации политических действий» был созыв очередной XVII сессии Национального совета Палестины в столице Иордании Аммане 22—28 ноября 1984 г. Само решение Исполкома ООП о созыве этой сессии 22 ноября 1984 г. явилось определенным отклонением от условий алжиро-аденских договоренностей между Фатхом и рядом палестинских организаций, объединившихся в Демократический блок*, которые предусматривали, в частности, согласование окончательной даты проведения XVII сессии НСП со всеми участниками встреч в Адене и в Алжире в марте—июне 1984 г.

---

* В этот блок, созданный в начале 1984 г., вошли Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП), Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), Палестинская коммунистическая партия (ПКП) и Палестинский фронт освобождения (ПФО).

Здесь необходимо отметить, что тенденция руководства ООП к сближению с Египтом и монархическими режимами в 1983—1984 гг. не только не привела к преодолению внутренних трудностей в Палестинском движении сопротивления, но, напротив, усилила кризисные явления. В этих условиях ДФОП, НФОП, ПФО и ПКП, выступавшие за последовательное проведение ООП антиимпериалистического курса и за сохранение ее единства на прогрессивной антиимпериалистической основе, обратились ко всем палестинским патриотическим силам и отрядам, в том числе и к Фатху, с призывом преодолеть внутренние разногласия и восстановить единство ПДС и ООП. В своем обращении к палестинским массам, впервые опубликованном 23 декабря 1983 г. (вскоре после встречи Я. Арафата с президентом Египта Мубараком), они предложили в качестве конкретной меры для достижения этой цели созыв заседания Центрального совета ООП для обсуждения практических действий по восстановлению единства ПДС и ООП. На своем расширенном заседании в Адене 23—26 марта 1984 г. четыре упомянутые организации повторили призыв провести общенациональные консультации между всеми палестинскими патриотическими силами. На этом заседании была выработана и конкретная программа такой дискуссии. Среди главных пунктов программы упоминались: сохранение единства ООП на прогрессивной, антиимпериалистической, антисионистской основе; подтверждение политической программы, принятой на XIV сессии НСП, и решений XVI (Алжирской) сессии НСП, отвергнувшей кэмп-дэвидский сговор и «план Рейгана»; отпор отступничеству и капитулянтству во всех его проявлениях, и в частности попыткам Иордании посягнуть на право Организации освобождения Палестины представлять интересы всего палестинского народа; укрепление стратегического союза с силами арабского национально-освободительного движения, в первую очередь с Сирией и национально-патриотическими силами Ливана, а также со всеми миролюбивыми силами во главе с Советским Союзом; создание в рамках ООП широкого патриотического фронта для сохранения ее единства, структуры и патриотического курса. При этом в коммюнике заседания подчеркивалось, что этот фронт не должен быть альтернативой ООП, а лишь формой объединения всех патриотических сил ПДС, выступающих против тенденций капитулянтства, за сохранение боевого антиимпериалистического характера ООП [43].

Предложенная участниками аденской встречи программа общенациональных консультаций открывала реальную перспективу преодоления внутренних разногласий в ПДС и восстановления единства всех его отрядов и организаций. В июне 1984 г. при активном посредничестве и помощи представителей Алжира и НДРЙ состоялась совместная встреча делегаций Фатха и Демократического блока. В этой встрече принимали участие также представители Алжира, НДРЙ и ливанских национально-патриотических сил. К сожалению, в ходе алжирской встречи представителям палестинских организаций не удалось выработать единую точку зрения на пути восстановления единства ООП. Была достигнута лишь договоренность о продолжении консультаций и об отсрочке созыва очередной XVII сессии Национального совета Палестины вплоть до завершения переговоров между различными палестинскими организациями с тем, чтобы обеспечить успешное ее проведение [44]. Центральный печатный орган ООП — журнал «Филастын ас-Саура» писал в связи с этим, что «вопрос о созыве Национального совета Палестины приобретает особую остроту потому, что на его обсуждение необходимо вынести все заботы палестинцев. Национальный совет должен поставить необходимые точки над „i" в том, что касается вопросов, волнующих сегодня всех палестинцев, и прежде всего восстановления единства Палестинского движения освобождения, способного вернуть себе утраченную силу и вновь стать необходимым элементом прогресса палестинской революции» [45].

В работе XVII сессии НСП приняли участие главным образом представители Фатха (так называемые «независимые» члены НСП, представители палестинских общественных организаций, а также палестинских общин из стран Европы и Америки, ДФОП, НФОП, ПКП, ПФО, НФ — Главное командование и Ас-Саика отказались принять участие в работе сессии). Среди иностранных делегаций, приглашенных на сессию, наиболее представительными были делегации из стран Западной Европы, Китая, Югославии и многих неприсоединившихся государств Азии и Африки. В отличие от Алжирской сессии в Аммане отсутствовали делегации СССР и других социалистических стран, а также НДРЙ. Уже само по себе эти особенности состава участников Амманской сессии НСП — преобладание на ней лояльных Исполкому ООП деятелей и отсутствие представителей палестинских организаций Демократического блока — оказали свое влияние на ход дискуссий сессии, ограничив или полностью исключив критический анализ политического отчета ООП и драматического периода, переживавшегося Палестинским движением сопротивления со времени событий в Ливане и Алжирской сессии в феврале 1983 г.

В итоговых документах Амманской сессии, и в частности в политической декларации, указывалось, что «справедливое урегулирование палестинской проблемы и ближневосточного конфликта должно основываться на признании национальных прав палестинцев на возвращение, самоопределение и создание независимого палестинского государства на палестинской земле» [46]. В этой связи в декларации упоминалось о неприемлемости «плана Рейгана» и о том, что подходящим средством справедливого решения палестинской проблемы могла бы стать международная конференция под эгидой ООН.

XVII сессия НСП подтвердила готовность ООП к развитию

и упрочению дружбы и сотрудничества с социалистическими странами, и прежде всего с Советским Союзом, заявив о своей поддержке советских предложений по ближневосточному урегулированию. Вместе с тем в работе XVII сессии достаточно четко обозначилась тенденция к все большей ориентации на сотрудничество с западноевропейскими государствами в поисках решения палестинской проблемы. Еще до Амманской сессии руководство ООП подчеркивало большое значение такого сотрудничества в своем послании XI семинару ООН по вопросу о Палестине, проходившему в Тунисе 13—17 августа 1984 г. На сессии в Аммане с призывом к западноевропейским странам сыграть бóльшую роль в ближневосточном урегулировании обратился Фарук Каддуми, особо выделяя при этом Францию, Грецию, Италию, Австрию. Логическим продолжением этих призывов было одобрение XVII сессией НСП рекомендаций Исполкому ООП «активизировать политические, экономические и культурные отношения со странами Западной Европы и Японией»[47]. Заметим, что эти призывы находили отклик в определенных кругах в Западной Европе. Например, по мнению Парламентской ассоциации за развитие европейско-арабского сотрудничества, объединяющей 650 членов различных социал-демократических партий, входящих в национальные парламенты 21 европейской страны, «в современных условиях обострения американо-советских отношений Западная Европа может взять на себя инициативу по созыву международной конференции по Ближнему Востоку». «Если бы Западная Европа при поддержке африканских, азиатских и латиноамериканских стран проявила такую инициативу,— добавляют деятели этой ассоциации,— то Соединенные Штаты изменили бы свое отношение к созыву такой конференции»[48].

Важное место в Политической декларации заняли рекомендации сессии, посвященные региональной политике ООП. Так же как и формулировки, касающиеся позиции ООП в вопросах ближневосточного урегулирования и международных отношений, эти рекомендации были столь же тщательно сбалансированы. В декларации, в частности, говорилось о необходимости стремиться к укреплению сотрудничества ООП со всеми арабскими странами, опираясь на решения Фесской конференции; продолжать усилия по развитию отношений с Иорданией с «целью координации совместных действий для осуществления общих задач: освобождения земли и палестинцев»; преодолеть напряженность в отношениях с Сирией; добиваться укрепления отношений между братскими египетским и палестинским народами и строить отношения с Египтом исходя из новых реальностей в египетской политике; расширить сотрудничество с ливанскими прогрессивными силами, национально-освободительным и исламским движением в этой стране[49].

При сопоставлении выступлений участников сессии и принятых ею документов с материалами предыдущей, XVI сессии

в Алжире нетрудно заметить определенное смещение акцентов во внешнеполитической линии ООП: от союза с антиимпериалистическими режимами к сближению с Иорданией и Египтом. Показателен в этом отношении тот факт, что, несмотря на сдержанную реакцию большинства участников Амманской сессии на предложения короля Хусейна о «совместном иордано-палестинском подходе» к ближневосточному урегулированию и на их отказ принять резолюцию Совета Безопасности № 242 в качестве основы для такого подхода, в Политической декларации этой сессии была записана рекомендация Исполкому ООП «изучить» эти предложения «с целью совместного выступления в рамках сотрудничества с арабскими странами»[50]. Подобная формулировка открывала перед Исполкомом ООП фактически полную свободу действий в предстоящих переговорах с Иорданией.

События, последовавшие за Амманской сессией НСП, подтвердили намерение Исполкома ООП использовать эту формулировку для форсирования переговоров с королем Хусейном, которые 11 февраля 1985 г. завершились подписанием в Аммане соглашения о рамках совместных действий[51].

Арабская печать опубликовала следующий текст амманского соглашения: «Территория в обмен на мир в соответствии с резолюциями ООН, включая резолюции Совета Безопасности.

Право палестинского народа на самоопределение: палестинцы осуществят свое неотъемлемое право на самоопределение, когда иорданцы и палестинцы смогут сделать это в рамках арабской конфедерации, которую предусмотрено создать между двумя государствами — Иорданией и Палестиной.

Решение проблемы палестинских беженцев в соответствии с резолюциями ООН.

Решение палестинской проблемы во всех ее аспектах.

Проведение на этой основе переговоров о мире в рамках международной конференции с участием пяти государств — постоянных членов Совета Безопасности и всех участников конфликта, включая Организацию освобождения Палестины — единственного законного представителя палестинского народа,— в рамках совместной (иордано-палестинской) делегации»[52].

Как явствует из текста соглашения, идея самоопределения палестинцев и образование независимого палестинского государства, за осуществление которого они боролись многие годы, подменялась в нем предложением создать иордано-палестинскую конфедерацию. Амманское соглашение фактически отрицало самостоятельную роль Организации освобождения Палестины как единственного законного представителя палестинского народа, поскольку предусматривало ведение переговоров о мире с Израилем иордано-палестинской делегацией, в которой палестинская сторона должна была быть представлена не руководителями ООП, а специально подобранными палестинцами, устраивавшими Израиль и Соединенные Штаты.

Тенденция к преодолению кризиса в ПДС. XVIII сессия Национального совета Палестины в Алжире в апреле 1987 г.

Прогрессивные силы арабского мира и большинство организаций палестинского сопротивления осудили амманское соглашение, равно как и предшествовавшие его подписанию решения XVII сессии НСП в ноябре 1984 г. в Аммане. Они справедливо расценили их как отход от антиимпериалистического курса ООП, одобренного всеми палестинскими организациями на XVI Алжирской сессии, как уступку нажиму на ООП со стороны Иордании, правых арабских режимов и стоявших за ними Соединенных Штатов. «Сегодня,— отмечал Н. Ашхаб в середине 1985 г.,— ООП стала пленницей отношений с некоторыми правыми режимами, которые на нынешнем этапе склоняются к принятию американских условий урегулирования на Ближнем Востоке» [53].

В совместном заявлении участников совещания представителей коммунистических и рабочих партий Арабского Востока указывалось, что «амманское соглашение угрожает делу палестинцев и палестинской революции, усугубляет раскол в рядах ООП, ведет к углублению противоречий между арабскими государствами, открывает путь к усилению американо-израильского влияния в регионе. Оно является следствием давления, оказываемого на руководство ООП с целью навязать ей капитулянтский курс, подорвать национальное дело арабского палестинского народа, расколоть освободительное движение арабов... Амманское соглашение попирает право палестинского народа на создание независимого государства, подрывает право ООП быть единственным законным представителем палестинцев. Оно отвергает решения Национального совета Палестины, в том числе его XVI сессии, резолюций Фесского совещания глав государств и правительств арабских стран. Соглашение является отходом от идеи проведения международной конференции по Ближнему Востоку с целью осуществления национальных чаяний палестинцев, в работе которой участвовали бы все стороны, затронутые в ближневосточном конфликте, в том числе на равных правах отдельная делегация ООП... Провозглашая на словах „переговоры под эгидой международной конференции", этот документ преследует цель прийти к сепаратным, прямым переговорам, как это произошло в результате кэмп-дэвидского сговора» [54].

В обстановке, сложившейся в ПДС после XVII сессии НСП и подписания амманского соглашения, всем палестинским патриотическим силам стала особенно ясна настоятельная необходимость восстановления единства ООП на антиимпериалистической основе, укрепления ее союза с Сирией и другими арабскими государствами антиимпериалистической ориентации. Наиболее активную роль в решении этой задачи играли участники

Демократического блока — ДФОП, НФОП, ПКП и ПФО. Эти организации наиболее энергично добивались аннулирования амманского соглашения в качестве необходимого условия для проведения общепалестинских консультаций и восстановления единства ООП.

Важным событием, способствовавшим преодолению кризиса в ООП и подготовке общепалестинских национальных консультаций, явилась встреча представителей Фатха, ДФОП и ПКП 1—5 октября 1986 г. в Праге. На этой встрече были выработаны основные принципы восстановления единства палестинских рядов в рамках ООП, которые включали: соблюдение политической программы ООП и решений сессий Национального совета Палестины; отказ от попыток сепаратного урегулирования на основе проектов типа кэмп-дэвидского соглашения, «плана Рейгана», «административной автономии», резолюции Совета Безопасности № 242 от 22 ноября 1967 г. и т. п., как не отвечающих национальным интересам палестинцев; признание ООП единственным законным представителем палестинского народа и отклонение всяких попыток ее замены; поддержка братских отношений с Сирией.

На пражской встрече представители Фатха впервые согласились с положением совместного заявления о том, что амманское соглашение от 11 февраля отныне не имеет силы и что отношения с Иорданией должны строиться на основе решений общеарабского совещания в Рабате в 1974 г., признавших Организацию освобождения Палестины единственным законным представителем арабского народа Палестины [55].

Изменение позиции представителей Фатха в отношении амманского соглашения на пражской встрече было вызвано несколькими обстоятельствами. *Во-первых*, стремлением руководителей Фатха к восстановлению единства всех палестинских рядов в рамках ООП; *во-вторых*, тщетностью надежд на то, что ценой существенных уступок по условиям амманского соглашения ООП удастся добиться от США и Израиля признания прав палестинцев (Израиль и Соединенные Штаты и после подписания амманского соглашения категорически отказывались иметь дело с ООП и предпринимать какие-либо шаги к удовлетворению законных прав палестинского народа на самоопределение и создание своего независимого государства); *в-третьих*, давлением со стороны короля Иордании Хусейна, который в ходе палестино-иорданских переговоров в 1985 — начале 1986 г. потребовал от ООП принять резолюцию Совета Безопасности № 242 в качестве условия выполнения амманского соглашения и участия представителей ООП в составе иордано-палестинской делегации на переговорах по ближневосточному урегулированию. Отказ лидера Фатха и председателя Исполкома ООП Я. Арафата выполнить это требование короля Хусейна явилось одной из причин того, что последний прервал дальнейшие контакты с руководством ООП (о чем было публично заявлено в

феврале 1986 г.) и закрыл в июле 1986 г. на территории Иордании 25 бюро Фатха [56].

Наметившаяся на пражской встрече Фатха, ДФОП и ПКП тенденция к преодолению раскола в ПДС получила свое дальнейшее развитие на новых встречах представителей различных палестинских организаций с целью выработки общей платформы для проведения общепалестинских национальных консультаций и восстановления единства ООП. Важное значение для подготовки таких консультаций имели встреча в г. Триполи (Ливия) 13—19 марта 1987 г. представителей Фатха, Фатх—Революционный совет (группа Абу Нидаля), ПФО, ДФОП, НФОП и НФОП — Главное командование и встреча руководителей Фатха, ДФОП и ПКП в Тунисе в апреле того же года. В документах по итогам этих встреч отмечалось, что все организации палестинского сопротивления должны придерживаться положений палестинской Национальной хартии 1964 г. и решений сессий НСП, кроме XVII (Амманской), сохранять приверженность ООП как единственному законному представителю палестинцев, продолжать борьбу против сионизма и израильской оккупации, а также американо-израильских планов исключения палестинской проблемы из процесса ближневосточного урегулирования. В области межарабских отношений документы подчеркивали необходимость поддержки общеарабской борьбы против сионизма, укрепления сирийско-палестинского союза и братских отношений с Сирией, развития отношений ООП со всеми арабскими странами на основе взаимного уважения и соблюдения принципа невмешательства во внутренние дела друг друга. Участники встреч в Триполи и Тунисе высказались за официальный отказ ООП от амманского соглашения. В разделах документов этих встреч, посвященных задачам ПДС на международной арене, подчеркивалось значение укрепления сотрудничества ООП с социалистическими странами, прежде всего с Советским Союзом, выражалась поддержка предложения СССР о созыве специальной международной конференции по Ближнему Востоку с участием ООП как ее самостоятельного и равноправного участника [57].

Проведенные в течение 1986—1987 гг. встречи палестинских организаций сопротивления и разработанные их участниками рекомендации создали предпосылки для созыва в апреле 1987 г. в Алжире общепалестинской национальной конференции и XVIII сессии Национального совета Палестины. Накануне открытия сессии, 20 апреля, на заседании ЦК Фатха председатель Исполкома ООП Я. Арафат официально подтвердил аннулирование амманского соглашения от 11 февраля 1984 г. Это благоприятным образом отразилось на течении дискуссии, проходившей под девизом «Сессия национального единства, стойкости лагерей и борьбы народа на оккупированной территории» [58].

В ходе всестороннего, детального обсуждения насущных

проблем и задач палестинского движения на современном этапе Национальный совет принял ряд решений, определивших основы политической платформы деятельности ООП в трех аспектах — национально-патриотическом, общеарабском и международном.

В резолюциях XVIII сессии НСП нашла свое подтверждение приверженность всех основных отрядов палестинского сопротивления идее национального единства палестинцев, где бы они ни находились — на территориях, оккупированных Израилем, или за пределами Палестины, а также признание всеми участниками сессии ООП единственным законным представителем палестинского народа и непринятие любого альтернативного ООП представительства палестинцев. В организационном плане восстановление единства ООП было зафиксировано в новом составе Исполкома, в который были избраны представители всех основных организаций ПДС, в том числе представитель Палестинской коммунистической партии.

В решениях сессии была выражена решимость ООП продолжать борьбу за осуществление неотъемлемых национальных прав палестинского народа во всех ее формах: вооруженной, массовой и политической. В то же время Национальный совет подтвердил желание палестинского народа достичь постоянного и справедливого мира, который основывался бы на осуществлении законных прав палестинцев, включая их право на возвращение на родную землю, самоопределение и создание независимого палестинского государства.

Важным итогом работы XVIII сессии НСП был записанный в ее решениях отказ НСП от любых проектов сепаратного урегулирования ближневосточного конфликта, таких, как кэмп-дэвидские соглашения, «план Рейгана», «административная автономия», и т. п., и в то же время поддержка идеи созыва представительной международной конференции по Ближнему Востоку в рамках ООН и под ее эгидой, с участием всех заинтересованных сторон, включая Организацию освобождения Палестины наравне со всеми другими участниками.

Большое внимание участники сессии уделили нормализации межарабских отношений, необходимости преодоления раскола и разобщенности арабского мира. Сессия НСП призвала к укреплению арабской солидарности и консолидации всех сил арабов для освобождения оккупированных арабских земель, к оздоровлению отношений между ООП и Сирией на основе совместной антиимпериалистической борьбы, равенства и взаимного уважения, в духе резолюций, принятых в Рабате и Фесе, к необходимости укрепления связей и сотрудничества с национально-патриотическими силами Ливана, к сохранению «особых отношений» ПДС с Иорданией.

Во всех докладах и решениях сессии отмечалась «стратегическая важность» сохранения дружественных отношений ООП с Советским Союзом, Китайской Народной Республикой и дру-

гими социалистическими странами, выражалась поддержка конструктивным инициативам СССР, направленным на предотвращение угрозы ядерной войны [59].

В целом работа XVIII сессии НСП свидетельствовала о начавшемся процессе восстановления позиций ООП на арабской арене в качестве влиятельной антиимпериалистической силы, отразила стремление палестинского руководства к новому политическому мышлению, поискам неконфронтационных подходов к решению конфликтных ситуаций и разногласий в ПДС и арабском мире. Принятая Алжирской сессией НСП программа действий по восстановлению единства палестинских рядов и призыв к улучшению отношений ООП с Сирией и другими арабскими странами, несомненно, открыли более благоприятные перспективы для улучшения межарабских отношений.

Глава шестая

ПОЗИЦИЯ СССР В ПАЛЕСТИНСКОМ ВОПРОСЕ И СОВЕТСКО-ПАЛЕСТИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Подход Советского Союза к проблемам обеспечения прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке, и в частности к решению его ключевой проблемы — самоопределения арабского народа Палестины, вытекает из основных принципов советской внешней политики, сформулированных В. И. Лениным. Это — братская, интернациональная солидарность и поддержка народов, ведущих борьбу за свое освобождение и независимость, равноправие, уважение национальных прав и интересов всех народов. Исходя из этих принципов, Советский Союз строил и строит свои отношения с народами Арабского Востока, в том числе с арабским народом Палестины.

Впервые официальная позиция Советского Союза по палестинскому вопросу была изложена в апреле 1947 г., когда советская делегация на I специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН поддержала обращение пяти арабских государств — Египта, Ирака, Сирии, Ливана и Саудовской Аравии включить в повестку дня сессии вопрос «О прекращении мандата на Палестину и объявлении ее независимости» [1]. Излагая позицию СССР на I специальной сессии, А. А. Громыко заявил: «Советский Союз хочет такого разрешения проблемы, которое отвечало бы интересам населения Палестины, Организации Объединенных Наций и международного мира и безопасности» [2]. Советский Союз первым выдвинул на специальной сессии предложение создать на территории Палестины (после ликвидации английского мандата) единое независимое демократическое государство, в котором арабы и евреи пользовались бы равными правами, или, если это предложение оказалось бы неприемлемым для арабов и евреев, рассмотреть вопрос о создании двух независимых государств — арабского и еврейского [3].

Такую же позицию Советский Союз занимал и во время обсуждения палестинской проблемы на II сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре—ноябре 1947 г. Когда стало очевидным, что объективные условия, сложившиеся в Палестине в то время, не позволяют принять проект создания единого независимого демократического государства, делегация СССР проголосовала за резолюцию № 181 (II) от 29 января 1947 г., которая предусматривала прекращение действия мандата Великобритании и образование в Палестине двух государств — арабско-

го и еврейского[4]. Позиция делегации СССР и мотивы ее голосования за резолюцию № 181 (II) на этой сессии подробно рассматривались в первой главе, здесь же отметим лишь два обстоятельства, связанные с этой позицией. Первое — решительное противодействие Советского Союза попыткам Соединенных Штатов уже на первом этапе принятия резолюции № 181 (II) по Палестине помешать ее проведению в жизнь путем замены ее предложением установить временный контроль Совета ООН по опеке над Палестиной. Эти попытки, как показал в своем выступлении советский представитель, были продиктованы стремлением США обеспечить себе контроль над нефтяными ресурсами Ближнего Востока и превратить Палестину в свою колонию[5]. План США, настоявших на созыве II специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблеме Палестины в апреле—мае 1948 г., не получил одобрения большинства ее участников и таким образом резолюция Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1947 г. № 181 (II) осталась в силе.

Второе обстоятельство — распространение в определенных кругах арабских стран утверждения, будто поддержка Советским Союзом вместе с Соединенными Штатами резолюции № 181 (II) от 29 ноября 1947 г. способствовала созданию государства Израиль и трагедии палестинского народа. Подобного рода утверждения совершенно игнорировали коренное различие в подходе к решению проблемы Палестины со стороны СССР и США, а также различие мотивов их голосования в пользу принятия этой резолюции. Если Соединенные Штаты видели в ней лишь средство для того, чтобы вытеснить из Палестины Великобританию и в дальнейшем занять ее место, то Советский Союз стремился, как уже отмечалось, обеспечить интересы *всего* (курсив наш.— *В. К.*) населения Палестины, ООН и международного мира в этом регионе. Именно в интересах *всего населения* Палестины — как арабского большинства, так и еврейского меньшинства — делегация СССР предлагала в первую очередь создание единого независимого и демократического государства в Палестине после упразднения там британского мандата. Если Соединенные Штаты, голосуя за резолюцию № 181 (II), исходили из чисто конъюнктурных соображений, о чем говорит хотя бы тот факт, что уже вскоре после ее принятия они были готовы от нее отказаться, выдвинув свой план установления опеки ООН (а в тех условиях фактически опеки США) над Палестиной, то Советский Союз наряду со своей принципиальной позицией не мог не учитывать так же и сложившиеся новые реальности в Палестине (созданные, кстати сказать, политикой империалистических держав и международного сионизма) — глубокого конфликта и неприязни между еврейской и арабской общинами.

В создавшихся условиях ликвидация британского мандата, вывод английских войск и образование двух отдельных государств — арабского и еврейского — представлялись единственно

возможными. Как показал исторический опыт, путь к миру на Ближнем Востоке проходил не через отмену резолюции № 181 (II), а через выполнение всех ее частей, включая положение об образовании палестинского арабского государства наряду с еврейским и выделение Иерусалима в международную зону с особым статусом. Лишним подтверждением тому стало признание Организацией освобождения Палестины в 1974 г. положения о возможности образования арабского палестинского государства на части территории Палестины не вместо Израиля, а рядом с ним, так же как и принятие в 1982 г. Фесской программы ближневосточного урегулирования, также исходившей из идеи сосуществования в Палестине двух государств.

Рассматривая позицию Советского Союза в палестинском вопросе, нельзя не отметить ее главную характерную черту — последовательную поддержку прав палестинского народа. Наиболее наглядно это проявилось в самый сложный и драматический период в истории арабского народа Палестины, начавшийся после 1948 г., когда он оказался лишенным национальной территории. В то время как Соединенные Штаты и пришедшие к власти в Израиле сионистские круги пытались свести палестинскую проблему лишь к проблеме беженцев и не допустить претворения в жизнь той части резолюции ООН № 181 (II), где говорится о необходимости создания арабского палестинского государства, Советский Союз неизменно рассматривал палестинскую проблему как политическую проблему самоопределения палестинского народа. Одновременно советские представители в ООН поддержали также резолюцию 194 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1948 г., которая предусматривала возможность возвращения палестинских беженцев в родные места или получения ими соответствующей компенсации.

Последовательная линия СССР на претворение в жизнь в полном объеме резолюций ООН по палестинскому вопросу получила дальнейшее развитие после обострения арабо-израильского конфликта в результате израильской агрессии в июне 1967 г. против соседних с ним стран — Египта, Сирии и Иордании и оккупации Израилем всей территории Палестины. В ответ на израильскую агрессию Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем и одним из первых потребовал немедленного вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий и восстановления попранных прав арабского народа Палестины. Примеру СССР последовал ряд других социалистических государств. В совместном заявлении участников совещания представителей коммунистических и рабочих партий Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Польши, СССР и Чехословакии, опубликованном 27 ноября 1969 г., подчеркивалось, что «наряду с другими проблемами необходимо найти справедливое решение проблемы законных прав арабского народа Палестины, который борется

за национальное освобождение и ведет антиимпериалистическую борьбу»[6].

Борьба СССР за ликвидацию последствий агрессии Израиля против соседних арабских стран и вывод войск со всех территорий, оккупированных им в июне 1967 г., была тесно связана с активными усилиями советской дипломатии в ООН и за ее пределами в поддержку права арабского народа Палестины на самоопределение и образование самостоятельного государства. Эти усилия в немалой степени способствовали принятию резолюции № 3210, приглашавшей представителя Организации освобождения Палестины принять участие в обсуждении вопроса о Палестине на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН (сентябрь—ноябрь 1974 г.), и резолюции № 3236, в которой было подтверждено неотъемлемое право арабского палестинского народа на самоопределение и образование своего независимого государства. Характеризуя роль СССР в принятии этого решения, Исполком ООП отмечал в своем заявлении, что этот успех «оказался возможным благодаря помощи Советского Союза, являющегося верным другом и союзником арабского народа Палестины, поддержке других социалистических стран, а также многих государств Азии и Африки, освободившихся от колониального гнета»[7].

Яркой иллюстрацией глубокого понимания Советским Союзом национальных чаяний арабского палестинского народа явилось согласие Советского правительства на установление официальных отношений между СССР и Организацией освобождения Палестины — политическим авангардом палестинского народа и его единственным законным представителем. Это согласие было дано в ответ на обращение Исполкома ООП к Советскому правительству во время официального визита делегации ООП в Москву в июне 1974 г. и переговоров с советским руководством. По просьбе ООП советская сторона дала также согласие на открытие в Москве представительства Организации освобождения Палестины, которое официально начало действовать с 27 июня 1976 г.[8].

Установление официальных отношений между СССР и ООП положило начало качественно новому этапу в советско-палестинских отношениях. Этот этап характеризовался развитием разносторонних связей и контактов между советскими и палестинскими общественными организациями, обменом мнениями и консультациями между руководящими деятелями Советского Союза и ООП, расширением помощи советских общественных организаций — Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, Советского комитета защиты мира, Комитета советских женщин и других — палестинцам—жертвам израильской агрессии в форме поставок продовольствия, одежды, медикаментов, школьного оборудования, предоставлением возможности получить подготовку в высших учебных заведениях Советского Союза. Комментируя развитие советско-палестинских отношений

на этом этапе, центральный печатный орган ООП журнал «Филастын ас-Саура» писал: «Согласие Советского Союза увеличить свою помощь палестинской революции, а также открытие в Москве представительства ООП и другие обязательства, которые взял на себя СССР, дают палестинской революции возможность окрепнуть и шире развернуть борьбу... Мы высоко ценим искреннюю позицию наших друзей в СССР и других социалистических странах и считаем необходимым работать над укреплением взаимных контактов, ибо эта дружба является одним из условий победы над врагами»[9].

Выступая в поддержку справедливого права палестинского народа на самоопределение и создание своего независимого государства и всемерно укрепляя советско-палестинские отношения, Советский Союз исходит из того, что Палестинское движение сопротивления носит объективно антиимпериалистический прогрессивный характер, являясь составной частью арабского национально-освободительного движения. Его борьба направлена против господства империализма на Ближнем и Среднем Востоке, против попыток превратить этот регион в стратегический плацдарм для борьбы против Советского Союза, стран социализма и национально-освободительного движения народов Азии и Африки.

Последовательная линия Советского Союза на поддержку Палестинского движения сопротивления отражена в ряде документов Советского правительства и в материалах съездов КПСС. Так, в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорилось, что «Советский Союз будет и впредь последовательно поддерживать правое дело арабских народов, подвергшихся израильской агрессии, их усилия, направленные на восстановление попранных прав, на обеспечение справедливого политического урегулирования на Ближнем Востоке, на защиту законных прав арабского народа Палестины»[10]. XXV съезд КПСС также указал на настоятельную необходимость незамедлительного решения палестинской проблемы как одного из важнейших условий обеспечения прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке, отметив, что нерешенность этой проблемы может стать одним из детонаторов нового взрыва в этом регионе[11]. «Для подлинного мира на Ближнем Востоке,— подчеркивалось в Отчетном докладе Центрального Комитета XXVI съезду КПСС,— должна быть прекращена израильская оккупация всех захваченных в 1967 г. арабских территорий, реализованы неотъемлемые права арабского народа Палестины, вплоть до создания собственного государства, обеспечены безопасность и суверенитет всех государств этого региона, в том числе Израиля»[12]. XXVI съезд КПСС предложил ради достижения этих целей созвать международную конференцию, в которой бы наряду с арабскими странами, Израилем, СССР и США в качестве единственного законного представителя арабского народа Палестины на равноправной основе участвовала и ООП.

В развитие положений XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС 15 сентября 1982 г. Советский Союз выдвинул новые предложения по всем основным аспектам урегулирования ближневосточного конфликта и палестинской проблемы.

Во-первых, должен быть строго соблюден принцип недопустимости захвата чужих земель путем агрессии, что подразумевает возвращение арабам всех территорий, оккупированных Израилем с 1967 г.— Западного берега р. Иордан, сектора Газа, Голанских высот, ливанских земель. Границы между Израилем и его арабскими соседями должны быть объявлены нерушимыми.

Во-вторых, должно быть на практике обеспечено неотъемлемое право арабского народа Палестины на самоопределение, на создание собственного независимого государства на палестинских землях, которые будут освобождены от израильской оккупации,— на Западном берегу р. Иордан и в секторе Газа. Палестинским беженцам должна быть предоставлена предусмотренная решениями ООН возможность возвратиться к своим очагам или получить соответствующую компенсацию за оставленное ими имущество.

В-третьих, восточная часть Иерусалима, где расположена одна из главных мусульманских святынь, оккупированная Израилем в 1967 г., должна быть возвращена арабам и стать неотъемлемой частью палестинского государства. Во всем Иерусалиме верующим должна быть обеспечена свобода доступа к почитаемым местам трех религий.

В-четверых, должно быть обеспечено безопасное и независимое существование и развитие всех государств района, разумеется, при соблюдении полного равноправия, ибо нельзя обеспечить безопасность одних, попирая безопасность других.

В-пятых, должно быть прекращено состояние войны и установлен мир между арабскими государствами и Израилем. Это значит, что все участвующие в конфликте стороны, в том числе Израиль и палестинское государство, должны взять взаимные обязательства уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность друг друга, решать возникающие споры мирными средствами, путем переговоров.

В-шестых, должны быть выработаны и приняты международные гарантии урегулирования, причем роль гаранта могли бы взять на себя постоянные члены Совета Безопасности ООН или же Совет Безопасности в целом [13].

В приведенных предложениях Советского Союза обращает на себя внимание комплексный подход к решению ближневосточного конфликта и палестинской проблемы, основанный на триединой формуле: вывод израильских войск со всех оккупированных арабских территорий, предоставление палестинскому народу права на самоопределение, обеспечение права на независимое существование всех государств—участников конфликта. Эти конструктивные предложения Советского Союза могли

бы открыть перспективу справедливого, всеобъемлющего и справедливого урегулирования палестинской проблемы и арабо-израильского конфликта.

Следует отметить, что основные принципы советских предложений по урегулированию ближневосточного конфликта и палестинской проблемы во многом совпадали с взглядами руководства ООП и большинства лидеров арабских стран. Это подтвердилось, в частности, во время состоявшейся 3 декабря 1982 г. в Москве встречи руководителей Советского Союза и представителей арабских стран, входивших в «Комитет семи» *. Во время этой встречи отмечалось, что путь к миру на Ближнем Востоке лежит через коллективные усилия государств, а не через сепаратные сделки, подчеркивалась необходимость созыва международной конференции по Ближнему Востоку, неизменность последовательного курса СССР в ближневосточной политике на поддержку правого дела арабских народов в борьбе против израильской агрессии и вмешательства американского империализма [14].

Необходимость комплексного подхода к урегулированию ближневосточного кризиса и решению палестинской проблемы путем объединения усилий международного сообщества и при непременном участии Организации освобождения Палестины подчеркивалась и в предложениях Советского Союза по ближневосточному урегулированию, опубликованных 30 июля 1984 г. В этом документе были обобщены инициативы, с которыми Советский Союз выступал на различных этапах ближневосточного конфликта, намечены принципы и конкретные пути его урегулирования с учетом современного развития обстановки на Ближнем Востоке. В документе выражено твердое убеждение Советского Союза в том, что «всеобъемлющее, действительно справедливое и по-настоящему прочное урегулирование может быть выработано и претворено в жизнь только путем коллективных усилий с участием всех заинтересованных сторон» [15].

Новым элементом в советской инициативе по Ближнему Востоку от 30 июля 1984 г., обратившим на себя внимание мировой общественности, была детально разработанная программа конкретных мер по осуществлению комплексного и всеобъемлющего ближневосточного урегулирования. В частности, они включали создание рабочих групп в рамках международной конференции по Ближнему Востоку, предоставление международных гарантий возвращения арабам восточной части Иерусалима, которая должна стать неотъемлемой частью палестинского государства, передачу Израилем Западного берега р. Иордан и

---

* «Комитет семи» был избран на совещании арабских стран в Фесе в сентябре 1982 г. в составе представителей Марокко, Туниса, Саудовской Аравии, Иордании, Сирии, Алжира и Организации освобождения Палестины. В его задачи входило ознакомление глав государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН с арабским планом урегулирования ближневосточного кризиса и палестинской проблемы, принятым в Фесе.

сектора Газа на короткий период, не превышающий нескольких месяцев, под контроль Организации Объединенных Наций при наличии согласия со стороны самих палестинцев (это положение предусматривалось и Фесской программой) [16].

В качестве инструмента претворения в жизнь названных принципов в документе предлагалось созвать международную конференцию с участием арабских стран — Сирии, Иордании, Египта, Ливана, а также ООП и Израиля. В документе подчеркивалось, что участие ООП в конференции является принципиальным вопросом, поскольку ближневосточное урегулирование недостижимо без решения палестинской проблемы и без участия ООП.

Эти советские предложения по решению ближневосточного конфликта и палестинской проблемы получили широкий отклик в мире, а изложенные в них принципы нашли поддержку у большинства членов ООН, многих арабских стран и Организации освобождения Палестины. Эти принципы и обоюдная заинтересованность в противодействии агрессивной политике Израиля и США на Ближнем Востоке являются долговременной объективной основой для развития советско-арабских и, в частности, советско-палестинских отношений и сотрудничества.

Как показывает исторический опыт многих арабских стран и Палестинского движения сопротивления, наибольшие их успехи в отстаивании своей свободы и независимости достигались как раз в периоды укрепления дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Об этом свидетельствуют такие факты, как отражение Египтом «тройственной агрессии» в 1956 г., успешное противостояние Сирии, Ливии, Южного Йемена натиску и давлению империалистических сил и их союзников в арабском мире в 70-е годы, наконец, рост авторитета и влияния Палестинского движения сопротивления и ООП в арабском мире и на международной арене на рубеже 70—80-х годов, который также в немалой степени был обусловлен мощной поддержкой социалистических государств, и в первую очередь Советского Союза.

Несмотря на многочисленные попытки империалистических и сионистских кругов на Западе и в Израиле извратить суть и цели политики Советского Союза на Ближнем Востоке, блокировать его мирные инициативы, помешать развитию его сотрудничества со странами этого региона, им не удалось добиться в этом ощутимых результатов. Тенденция к сближению и сотрудничеству арабских стран и Палестинского движения сопротивления с СССР укрепляется по мере нарастания национально-освободительных процессов в этих странах. И главная причина этого кроется не в каких-либо конъюнктурных моментах или «игре случая», а в действии объективной закономерности, подтверждаемой всем прошлым и современным историческим опытом самих арабских народов и в том числе палестинского народа. Этот опыт каждодневно доказывает, что

одним из залогов успешного движения вперед и отражения посягательств империализма и сионизма на их свободу и независимость является союз со странами социализма, и в первую очередь с Советским Союзом.

Значение укрепления союза арабских народов со странами социализма особенно возросло в современный период, в условиях обострения по вине империалистических кругов США и НАТО международной напряженности и возрастающей агрессивности Израиля на Ближнем Востоке. В приветственном послании Организации освобождения Палестины XXVI съезду КПСС отмечалось: «Союз арабских народов с СССР стал ныне настоятельным требованием всех национально-патриотических сил наших стран, в особенности после того, как они на жизненном опыте убедились в том, что те, кто предал интересы собственных народов, начинали именно с отрицания арабо-советской дружбы, а затем связывали свои судьбы с империализмом и сионизмом» [17].

Враги палестинцев, в первую очередь правящие сионистские круги Израиля и Соединенные Штаты, пытаются воспользоваться возникшими в Палестинском движении сопротивления трудностями, ослабить их связи с другими отрядами антиимпериалистических сил в арабском мире и с социалистическими странами. Цель, которую они при этом преследуют, очевидна — навязать арабам идею сепаратных сделок, столкнуть ООП с четких антиимпериалистических позиций. Однако им не удалось поколебать дружественные отношения между народами Советского Союза и арабских стран, в том числе арабским народом Палестины.

В послании Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по случаю 20-летия создания ООП в июне 1984 г. отмечалось: «За истекшие годы ООП не раз подвергалась тяжелым испытаниям. Она их успешно выдержала благодаря сплоченности всех палестинских патриотов на основе принципиальной антиимпериалистической платформы, глубокой вере в правоту своего дела, тесному сотрудничеству с арабскими прогрессивными силами, постоянной поддержке истинных друзей. В этом залог успеха ООП и в дальнейшей борьбе против антипалестинских планов и действий США и Израиля, за полное осуществление национальных чаяний арабского народа Палестины.

Советский Союз будет и дальше оказывать поддержку усилиям, направленным на осуществление палестинским народом своих неотъемлемых национальных прав, включая право на самоопределение и создание собственного государства, на установление справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке» [18].

Выражая солидарность со справедливой борьбой палестинского народа за осуществление его неотъемлемых национальных прав на самоопределение и создание своего независимого

государства, Советский Союз принимает справедливое урегулирование палестинской проблемы за основу своего подхода к политическому урегулированию ближневосточного кризиса в целом. Эта твердая позиция СССР была вновь продемонстрирована во время встречи палестинской делегации, возглавлявшейся руководителем политического департамента ООП Ф. Каддуми с министром иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в Москве 22—23 июня 1987 г. В совместном советско-палестинском коммюнике по итогам этой встречи отмечалось, что «вопрос об обеспечении основополагающих прав арабского народа Палестины на свободное определение своей судьбы и независимое национальное развитие был и остается сердцевиной конфликта на Ближнем Востоке. Попытки обойти этот вопрос, подменить его сепаратными сделками без учета интересов палестинцев лишь еще туже затягивают узел проблем региона, подрывают процесс ближневосточного урегулирования.

Важным моментом, характеризующим позицию СССР в палестинском вопросе и советско-палестинские отношения в целом, является совпадение или близость взглядов фактически по всем основным аспектам ближневосточного урегулирования. СССР и ООП придерживаются, в частности, единого мнения в том, что сейчас есть объективные возможности переломить опасный ход событий на Ближнем Востоке, начать практическое продвижение в направлении всеобъемлющего урегулирования существующего кризиса. «Ключ к этому — коллективные поиски честного и справедливого мира, основанного на принципах равноправия и одинаковой безопасности, в соответствии с Уставом и решениями ООН и нормами международного права» [19].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ места и роли палестинской проблемы в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке полностью подтверждает предвидение В. И. Ленина о неизбежном вовлечении ранее угнетенных народов Востока в мировую политику, их пробуждении к тому, «чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества» [1].

Отстаивая свое право на жизнь и создание независимого национального государства, палестинский народ тем самым вносит весомый вклад в общую борьбу всех арабских народов против израильской агрессии и оккупации, за полную политическую и социально-экономическую деколонизацию арабского мира, за завоевание им достойного места на международной арене. Постепенное превращение палестинского национально-освободительного движения, возникшего как ответ на колониальную экспансию западных держав и сионизма, в самостоятельный фактор международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке было с самого начала неразрывно связано с развитием антиимпериалистической революции в арабском мире, с глубокими переменами, происшедшими в Палестинском движении сопротивления в последние два-три десятилетия.

Специфика палестинского национально-освободительного движения, принявшего форму движения сопротивления сионистской колонизации и оккупации, состояла в том, что его зарождение и развитие на первых этапах — вплоть до начала 60-х годов — происходило как часть общеарабского движения за освобождение арабского мира от колониальной зависимости, за арабское единство. Палестинцы как бы искали свое «национальное лицо» через «национальное лицо» арабов. Их сопротивление английскому колониальному режиму и сионистской колонизации Палестины, а затем израильской оккупации носило преимущественно стихийный характер и протекало в рамках или под сильным влиянием политических, а отчасти и религиозных исламских течений в сопредельных с Палестиной арабских странах.

Поворотным пунктом в истории Палестинского движения сопротивления (ПДС) стало образование 1 июня 1964 г. Организации освобождения Палестины (ООП) и начало вооруженной борьбы палестинцев против израильской оккупации в канун 1965 г. (в ночь с 31 декабря 1964 г. на 1 января 1965 г.). Постепенно ООП начала играть решающую роль во всех изменениях, которые происходили в политическом и правовом по-

ложении палестинцев как одной из основных сторон арабо-израильского конфликта. Она стала выразителем воли палестинского народа, его политическим авангардом в борьбе за освобождение палестинских земель от израильской оккупации и за равноправное участие палестинцев в решении арабских и региональных проблем. Уже в 1964—1967 гг. Организация освобождения Палестины обеспечила себе заметные позиции в арабском мире, представляя палестинский народ на заседаниях Лиги арабских государств и участвуя в конференции неприсоединившихся государств в Каире в октябре 1964 г.

Большое влияние на последующий процесс становления ООП в качестве самостоятельного фактора международных отношений на региональном уровне оказала радикализация Палестинского движения сопротивления после июньской 1967 г. агрессии Израиля против арабских стран, активизация вооруженной борьбы палестинцев против израильской оккупации и их стремление взять свою судьбу в собственные руки, не полагаясь, как это было ранее, только на «братские» арабские государства. Это стремление еще более укрепилось в политическом сознании палестинцев после прихода в феврале 1968 г. к руководству ООП лидеров палестинских организаций сопротивления, выступавших за всемерное расширение вооруженной борьбы *.

Радикализация настроений палестинцев и подъем Палестинского движения сопротивления в 1967—1969 гг. способствовали его выдвижению на передовые позиции в общеарабском фронте борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, в частности преодоление шока, который арабы пережили после поражения арабских армий в так называемой «шестидневной войне» 1967 г. Именно в эти годы палестинская революция была признана в арабских странах. Это выразилось, в частности, в пересмотре отношения к ПДС и ООП правительств арабских стран, причем не только прогрессивных режимов антиимпериалистической ориентации — Египта, Сирии, Алжира, но и так называемых умеренных арабских режимов, в сторону всемерной поддержки дела палестинского народа.

Однако тенденция радикализации палестинского движения сопротивления заключала в себе и негативные моменты, осложнявшие становление отношений Организации освобождения Палестины с арабскими странами. Главный из этих моментов состоял в том, что линия на абсолютизацию вооруженной борьбы палестинцев до «полного освобождения Палестины», выработанная Национальным советом Палестины на своей V сессии в феврале 1969 г., затрудняла арабским правительствам возможность вести поиски мирного решения арабо-израильского конфликта в соответствии со своими национальными интересами, не вступая при этом в конфликт с палестинцами. Например, руководители Египта, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии фактически высказывались за решение конфликта и палестинской проблемы на основе резолюции № 242 Совета Безопасности, тогда как руководство ООП отвергало эту резолюцию.

На становление арабо-палестинских отношений существенное воздействие оказывало также революционизирующее влияние Палестинского движения сопротивления в арабском мире. Бросая вызов устаревшим традициям и режимам, вооруженная борьба палестинцев вызывала немалые опасения у руководства ряда арабских государств, и в первую очередь монархических, главной заботой которых всегда было сохранение незыблемости своей власти и недопущение каких-либо социальных потрясений под влиянием палестинской революции или иных народных антиимпериалистических выступлений. Столь противоречивое влияние Палестинского движения сопротивления на положение в арабском мире способствовало в одних случаях развитию центростремительной тенденции в межарабских отношениях, сближению арабских стран и ПДС, а в других — столкновению интересов «палестинского национализма» с национальными интересами отдельных стран. Причем иногда эти столкновения приводили к вооруженным конфликтам и, как следствие этого, к серьезному обострению отношений ООП с некоторыми странами. Наиболее нагляден в этом отношении пример иордано-палестинского вооруженного конфликта в сентябре 1970 г., приведший к серьезному кризису как в ПДС, так и в иордано-палестинских отношениях.

С точки зрения развития международных отношений в арабском регионе разногласия между ООП и некоторыми арабскими государствами по одному из центральных вопросов арабской политики — отношению арабских стран к Израилю и арабо-израильскому конфликту — затрудняли выработку арабскими странами общего подхода к решению палестинской проблемы. До некоторой степени существовавшие разногласия были сглажены на арабском совещании в верхах в Рабате в октябре 1974 г., провозгласившем Организацию освобождения Палестины «единственным законным представителем палестинского народа» с предоставлением ей «права устанавливать национальную власть на освобожденной от израильской оккупации арабской территории» и рекомендовавшем оказывать ООП всевозможную помощь, сохранять палестинское единство, не вмешиваясь во внутренние дела палестинцев [2]. Само проведение Рабатского совещания и поддержка всеми его участниками ООП как единственного законного представителя палестинского народа стали возможны в значительной мере благодаря сочетанию нескольких новых моментов в развитии ситуации на Ближнем Востоке и в Палестинском движении сопротивления к середине 70-х годов. Во-первых, это начавшееся постепенное утверждение реалистических тенденций в политике руководства ООП: признание им политических методов борьбы наряду с военными, принятие те-

* Самой крупной и влиятельной из этих организаций была Фатх, располагавшая наибольшим числом вооруженных отрядов палестинских партизан-фидаев

зиса о самоопределении палестинцев на основе сосуществования с Израилем, а также наметившаяся к этому времени ориентация ООП на сближение и сотрудничество с прогрессивными силами в арабском мире и на международной арене, на участие в политическом урегулировании арабо-израильского конфликта. Во-вторых, изменение баланса сил на Ближнем Востоке после четвертой арабо-израильской войны в октябре 1973 г. и достижение на некоторое время единства арабов в борьбе против Израиля, включая использование нефти в качестве политического оружия. В-третьих, наступившее в начале 70-х годов ослабление международной напряженности, и в частности некоторое улучшение советско-американских отношений, открывшее перспективу для политического урегулирования арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы путем переговоров на Женевской мирной конференции.

Решения Рабатского совещания глав арабских стран в октябре 1974 г. по проблеме Палестины и последовавшее за этим международное признание ООП (на XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН 22 ноября 1974 г.) в качестве единственного законного представителя палестинского народа явились важными вехами на пути укрепления международных позиций ООП и превращения Палестинского движения сопротивления в самостоятельный фактор международных отношений на Ближнем Востоке. С этого времени началось формирование независимой национальной внешнеполитической линии ООП, основанной на принципах, сформулированных в новой поэтапной политической программе, принятой на XII сессии Национального совета Палестины в июне 1974 г. Можно сказать, что после принятия этой программы и ее одобрения на Рабатском совещании глав арабских стран ООП обрела свое собственное лицо, свою внешнюю политику, отвечавшую задачам палестинской революции и палестинского национализма.

Вместе с тем укрепление международных позиций ПДС и ООП к середине 70-х годов не означало исчезновения всех серьезных трудностей, стоявших на пути утверждения действительно независимой внешней политики ООП в арабском мире и на международной арене. Как и в предшествующий период, эти трудности отчасти были обусловлены сохранявшимся двойственным отношением арабских государств к арабо-израильскому конфликту и решению палестинской проблемы, связанным главным образом с различием этапов и задач палестинской революции и национального движения в других арабских странах, но в гораздо большей степени изменениями в общей расстановке сил на Ближнем и Среднем Востоке в середине 70-х годов.

В середине и особенно во второй половине 70-х годов в международных отношениях на Ближнем Востоке достаточно четко определились две основные противоположные тенденции. Первая — стремление прогрессивных антиимпериалистических

сил арабского мира преодолеть существовавшие между различными отрядами арабского национально-освободительного движения различия взглядов на пути урегулирования арабо-израильского конфликта и решение палестинской проблемы, усиление антиимпериалистической направленности Палестинского движения сопротивления, его все большая ориентация на сотрудничество с прогрессивными силами, с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Вторая — активизация деятельности американской дипломатии в направлении взятого Соединенными Штатами еще до Женевской конференции в декабре 1973 г. курса на «частичное» псевдоурегулирование арабо-израильского конфликта без учета законных прав палестинского народа, ужесточение антипалестинской и антиарабской политики Израиля, готовность некоторых арабских режимов, и в частности Египта, заключить сепаратные сделки с Израилем за счет общеарабских, и в первую очередь палестинских, интересов. Составной частью политики США и Израиля в этот период стали всемерное разжигание внутриполитических конфликтов и дестабилизация обстановки в странах пребывания основной части палестинских беженцев и попытки втягивания в эти конфликты отдельных отрядов Палестинского движения сопротивления. Особенно наглядно это проявилось в трагических событиях в Ливане в 1975—1976 гг., приведших к гражданской войне, спровоцированной правохристианскими силами.

Кульминационным пунктом американо-израильской стратегии «частичного» псевдоурегулирования арабо-израильского конфликта явилось подписание 17 сентября 1978 г. в Кэмп-Дэвиде при посредничестве президента США Картера сепаратных соглашений между Египтом и Израилем («Рамки мира на Ближнем Востоке» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем»). В этих соглашениях были сформулированы общие принципы американо-израильской схемы «построения мира» на Ближнем Востоке, исключающие какие-либо перспективы образования независимого палестинского государства.

Заключение сепаратных кэмп-дэвидских соглашений и сепаратного мирного договора между Египтом и Израилем, означавшее выход самой крупной арабской страны из конфронтации с Израилем и фактическое согласие Египта и США на продолжение израильской оккупации Западного берега р. Иордан и сектора Газа, привело к изменению всей ситуации на Ближнем Востоке, к существенным переменам в самой структуре международных отношений в этом регионе, для которой характерны нестабильность и постоянно меняющееся соотношение сил. Наиболее характерной чертой этого периода стало гораздо более глубокое, чем раньше, размежевание политических сил по поводу подхода к ключевым вопросам международных отношений в регионе: ближневосточному урегулированию, палестинской проблеме, политическому урегулированию конфликтной ситуа-

ции в Персидском заливе. Контуры этого политического размежевания обозначились резче и контрастнее: с одной стороны — коалиция западных держав, Израиля и международного сионизма, а с другой — широкий антиимпериалистический фронт, включавший как официальные круги большинства арабских стран, не принявших кэмп-дэвидскую сделку, так и самые различные арабские общественные и политические партии и организации.

Тенденция противодействия арабских стран основанной на кэмп-дэвидских соглашениях американо-израильской политике диктата стала на рубеже 70—80-х годов одним из определяющих факторов политической борьбы вокруг решения палестинской проблемы и арабо-израильского конфликта. Американо-израильско-египетская сделка в Кэмп-Дэвиде крайне осложнила борьбу арабских народов за ликвидацию последствий израильской агрессии, за всеобъемлющее и справедливое урегулирование арабо-израильского конфликта и палестинской проблемы. В обстановке, сложившейся в арабском мире после кэмп-дэвидских соглашений, главное внимание в межарабских отношениях было перенесено с общеарабских задач борьбы против последствий израильской агрессии и оккупации арабских земель, за восстановление прав палестинского народа на межарабские противоречия, связанные с выходом Египта из общеарабского фронта борьбы против израильской агрессии. Но в то же время, и в этом заключалась противоречивость новой ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке в конце 70-х — начале 80-х годов, развитие событий привело к известной консолидации разнородных сил арабского мира, противостоящих кэмп-дэвидской политике сепаратных сделок, к возрастанию роли ООП на арабской арене и в международной политике благодаря ее активной деятельности по разоблачению кэмп-дэвидской сделки, а также курсу на укрепление союза с антиимпериалистическими режимами, и прежде всего с Сирией, Алжиром, Южным Йеменом, прогрессивными силами в арабском мире, с Советским Союзом и другими социалистическими государствами. Фактически вопреки американо-израильскому сценарию развития событий произошло не устранение Организации освобождения Палестины с политической арены на Ближнем Востоке, а, напротив, расширение ее активности и признания на региональном и международном уровне. В конце 70-х — начале 80-х годов ООП в известной степени выступала на региональной и международной арене не только как руководящий орган палестинского национально-освободительного движения, но и как организация, как бы представлявшая будущее палестинское государство.

Возросшее в начале 80-х годов военно-силовое давление Израиля и Соединенных Штатов на Палестинское движение сопротивления и особенно израильская агрессия против ПДС в Ливане в июне 1982 г. вновь поставили Организацию освобождения Палестины перед лицом тяжелых испытаний. Вынужденный уход ООП из Западного Бейрута и рассредоточение боевых формирований ПДС в различных концах арабского мира серьезно ослабили силы палестинского сопротивления. В его рядах усилились внутренние разногласия, вылившиеся в едва ли не самый острый за всю историю ПДС кризис и фактический раскол его рядов. К середине 80-х годов в палестинском сопротивлении обозначились два противоположных течения: одно — леводемократическое, выступавшее за продолжение последовательной борьбы палестинских масс против американо-израильской политики сепаратных сделок и «плана Рейгана», за союз с Сирией и другими арабскими странами антиимпериалистической ориентации, с государствами социалистического лагеря, другое — правооппортунистическое, стремившееся к решению палестинской проблемы путем совместных с Иорданией переговоров с Соединенными Штатами и Израилем о так называемой иордано-палестинской федерации, исключавшей создание независимого палестинского государства. Противоборство этих течений в ПДС, на ход которого глубоко негативное влияние оказывал сохранявшийся раскол среди арабских стран, не могло не вести к ограничению сферы воздействия ООП на региональные отношения. Однако это обстоятельство ни в коей мере не умаляет ключевого значения палестинской проблемы в международных отношениях на Ближнем и Среднем Востоке, поскольку без осуществления в полном объеме национальных прав арабского народа Палестины невозможно установить справедливый и прочный мир в этом районе[3].

Никакие репрессии и чрезвычайные меры подавления, предпринимаемые правящими кругами Израиля, не в состоянии воспрепятствовать развитию палестинской революции. Палестинский народ ведет борьбу, руководствуясь чувством национального самосознания, своей волей и решимостью добиться восстановления отнятых у него прав на родину. И каковы бы ни были трудности, стоящие перед ним на этом пути, он рано или поздно в союзе с прогрессивными силами в арабском мире и за его пределами несомненно добьется поставленной цели.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Термин «арабский мир» служит для обозначения всех арабских стран, расположенных на территории от побережья Атлантического океана на западе до Аравийского моря и Персидского (Арабского) залива на востоке (Марокко, Мавритания, Алжир, Тунис, Ливия, Египет, Судан, Иордания, Сирия, Ливан, Саудовская Аравия, Ирак, Кувейт, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Народно-Демократическая Республика Йемен и Йеменская Арабская Республика). Общая площадь всех стран арабского мира превышает 12 млн. кв. км, население составляет около 150 млн. человек.

[2] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 14.

[3] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 14.

[4] В советской литературе к странам Ближнего Востока относят арабские страны, а также Израиль и Кипр, к Среднему Востоку — Турцию, Иран и Афганистан. В зарубежной (западной) литературе все арабские страны, Израиль, Турцию, Иран и Афганистан чаще всего обозначают одним термином — «Средний Восток».

[5] *Дмитриев Е. Д.* Палестинский узел (к вопросу об урегулировании палестинской проблемы). М., 1978; *он же.* Палестинская трагедия. М., 1986; *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978; *он же.* История одного сговора (ближневосточная политика США в 70-х и начале 80-х годов). М., 1985; *Медведко Л. И.* К востоку и западу от Суэца. М., 1980; *он же.* Этот Ближний бурлящий Восток. М., 1985; *Ладейкин В. П.* Источник опасного кризиса. М., 1973; *Дмитриев Е. Д.* и *Ладейкин В. П.* Путь к миру на Ближнем Востоке. М., 1974; *Борисов Р. В.* США: ближневосточная политика в 70-е годы. М., 1982; *Захаров А. М.* и *Фомин О. И.* Политика, обреченная на провал. М., 1982.

[6] *Луцкий В. Б.* Новая история арабских стран. М., 1966; *Котлов Л. Н.* Иордания в новейшее время. М., 1962; *он же.* Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке. М., 1975; *Васильев А. М.* История Саудовской Аравии. М., 1982; *Беляев И. П.* Американский империализм в Саудовской Аравии. М., 1957; *Беляев И. П., Примаков Е. М.* Египет: время президента Насера. М., 1974; *Оганесян Н. О.* Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы второй мировой войны. Ер., 1980; *Валькова Л. В.* Саудовская Аравия в международных отношениях. М., 1979.

[7] Внешняя политика стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1984.

[8] Palestinska otazka. Praha, 1983; Aufbruch an Nil. Politik und Ideologie in der ägyptischen Befreiungsbewegung unter Gamal Abdel Nasser. B., 1976; *Robbe M.* Kein Friede im Nahost? Die Araber, ihr Befreiungskampf und Israel. B., 1978; Die Geschichte der Araber. Bd. 6. 1974—1983. Lpz., 1984.

[9] Карарат аль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний. 1964—1974. Бейрут, 1975; Мисак аль-ватаний аль-филастыний. Низам ас-Сиясий. [Б. г., б. м.]; *Хаватма Н.* Харакат аль-мукаума аль-филастыния фи-ль-вакиа ар-рахин. Дирасат накдийя. Бейрут, 1969.

[10] Карарат аль-джамиа аль-арабийя. Бейрут, 1974; *Kadi L.* Basic Political Documents of the Armed Palestinian Resistance Movement. Beirut, 1969; Palestine Lives. Interviews with Leaders of the Resistance. Beirut, 1973; Arab League Statements by Council of the Kings and Presidents of States. 17th January. Beirut, 1964.

[11] Палестинская проблема. Документы ООН, международных организаций и конференций. М., 1984; Истоки и история проблемы Палестины. Ч. I и II. Издание Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1979; United Nations Seminars on the Question of Palestine. Arusha—Vienna, 1980; Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. L., 1952; Great Britain Parliamentary Papers Command. Palestine Report on Policy by His Majesty's Government in the United Kingdom. L., 1930; Great Britain Colonial Office. Report by His Majesty's Government in the United Kingdom and Northern Ireland to the Council of the League of Nations on the Administration of Palestine and Trans-Jordan for the Year 1937. L., 1937; Jewish Agency for Palestine, Memorandum to the Palestine Royal Commission. L., 1936.

[12] *Kadi L.* Arab Summit Conferences and Palestine Problem (1936—1950; 1964—1966). Beirut, 1966; *Korany B., Dessuky A. etc.* Foreign Policies of Arab States. L., 1984; *Абдель Хади Махди.* Аль-мас'аля аль-филастыннйя ва-ль-машариа аль-хулюль ас-сиясийя (1937—1974). Бейрут, 1975; *Ас-Сагир Зайяд.* Татавур аль-кадыйя аль-филастыннйя. Бейрут, 1978; *Al-Shuaibi I.* Palestinian Statism: Entity—Consciousness and Institutional Development. Beirut, 1979; *Зухейр Мохсен.* Ас-Саура аль-филастыннйя бейна аль-хадыр ва-ль мустакбаль. Дамаск, 1973; *Hourani F.* Palestinian Political Thought (1964—1974). Beirut, 1980.

[13] *Тума Э.* Джузур аль-кадыйя аль-филастыннйя. Аль-Кудас, 1976; The Transformation of Palestine. Essays on the Origin and Development of the Arab-Israely Conflict. Ed. by Abu-Lughod. Evanston. 1971; *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. I (1914—1945). Vol. II (1945—1947). N. Y., 1970; *Sayegh Fayez A.* Zionist Colonialism in Palestine. Beirut, 1965. *Касмийя Хейрийя.* Нашат ас-сагюнийя фи-ш-шарк аль-араби ва садару (1908—1918). Бейрут, 1973; *Хиллах Камаль Махмуд.* Филастын ва интидаб аль-бриганий. Бейрут, 1974; *Сузи Ахмед.* Араб ва яхуд фи-т-тарих. [Б. м., б. г.]; From Heaven to Conquest. Beirut, 1971.

[14] *Said E.* The Question of Palestine. L., 1980; *Sid-Ahmed M.* After the Guns Fall Silent. L., 1976; *Sharabi H.* Palestine Guerrillas. Beirut, 1970; *Turki F.* The Disinherited: Journal of a Palestine Exile. N. Y., 1972.

[15] *Laquer W.* History of Zionism. L., 1972; *Gineewsky D.* Le Sionism d'Abraham à Dayan. Bruxelles, 1969; *Hurewitz I. C.* The Struggle for Palestine. N. Y., 1970; *Howe I., Gershman C.* Israel, the Arabs and the Middle East. N. Y., 1972; *Hacker F.* Terror, Mythos-Realität Analyse. Wien, 1974; *Friedlander S.* Reflexion sur l'avenir d'Israel. P., 1969; *Robinson D.* Under Fire. Israel's 20 year Fight for Survival. N. Y., 1968.

[16] *Laquer W.* History of Zionism, c. 596—597.

[17] *Friedlander S.* Reflexion..., c. 69.

[18] *Quandt W. B., Iabber F., Lesch A. M.* The Politics of Palestinian Nationalism. Berkeley — Los Angeles, 1973; *Quandt W. B.* Palestinian Nationalism: Its Political and Military Dimensions. California, 1971; *Kerr M. H.* Regional Arab Politics and the Conflict with Israel. Santa Monica, 1969; *Hudson M.* Arab Future: Critical Issues. Wash., 1979; *John R. Cooley* Green March, Black September. The Story of the Palestinian Arabs. L., 1973.

[19] *Liliental A.* What Prise Israel? Beirut, 1969; *он же.* The Other Side of the Coin. N. Y., 1965; *он же.* The Zionist Connection. What Price Piece? N. Y., 1978; *Weinstock N.* Le sionisme contre Israel. P., 1969; *Demeron P.* Contre Israel. P., 1968; *Avnery U.* Israel sans sionisme. P., 1969. *Teilor Alan R.* Preluce to Israel, 1897—1947. Beirut, 1970; *Rodinson M.* Israel and Arabs. N. Y., 1968.

[20] *Chomsky N.* Peace in the Middle East? Fontana/Collins, 1974. *Ramelson B.* The Middle East: Crises, Couses, Solution. L., 1967. *Kapeliouk A.* Israel: la fin des mythes. P., 1974; *Berque J., Couland J., Duclos J., Hadamard M., Rodinson M.* Les palestiniens et la crise Israel—Arabe. P., 1974.

[21] *Bonds J., Emerman J., John L., Johnson P., Rupert P.* Our Roots are Still Alive. The Story of the Palestinian People. San-Francisco, 1977; *Stetler R.* Palestine. The Arab-Israeli Conflict. San-Francisco, 1972; *Chaliand G.* The Palestinian Resistance. Middlessex, 1972; *Lehn W.* The Development of Palestinian Resistance. Minnesota, 1974; *Adams M., Mayhen Ch.* Publish it not... L., 1975.

[22] *Rouleau E.* Les palestiniens d'une guerre à l'autre. P., 1984; *Gresh A., Vidal D.* Proche Orient: une guerre de cent ans. P., 1984.

Глава первая

[1] *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 317.

[2] Введенное в обращение в II—I вв. до н. э. греками, слово Палестина, т. е. «страна филистимлян» (народа, населявшего вместе с финикийцами восточное побережье Средиземного моря, начиная с XIII—XII вв. до н. э.), впоследствии утвердилось для обозначения всей области лежащей между горами Ливана, рекой Иордан, Синайской пустыней и Средиземным морем.

[3] *Косидовский З.* Библейские сказания. М., 1968, с. 237; *Sayegh A.* Palestine and Arab Nationalism. Beirut, 1980, с. 11. По мнению большинства историков, палестинские арабы по своему происхождению являются потомками древних ханаан, живших в Палестине еще до прихода иудейских племен.

[4] *Abu-Lughod J.* The Demographic Transformation of Palestine.— The Transformation of Palestine. Evanston, 1977, с. 140.

[5] Там же.

[6] From Heaven to Conquest. Ed. by Walid Halidi. Beirut, 1971, с. 17—19.

[7] *Ясин Абд аль-Кадер.* Татаувур ар-расмалий фи Филастын.— Афак арабийя. Багдад, 1976, № 8, с. 7—19.

[8] Там же.

[9] См.: *Котлов Л. Н.* Становление национально-освободительного движения на Арабском Востоке. М., 1975, с. 12, 15.

[10] Там же, с. 22.

[11] Там же, с. 117—121.

[12] Большая заслуга в расширении системы образования и просвещения в Палестине и в сопредельных с ней странах Арабского Востока в конце XIX — начале XX в. принадлежала Российскому палестинскому обществу, которое помимо научно-исследовательской деятельности, изучения истории, географии, экономики Палестины и соседних с ней стран вело большую просветительскую работу среди местного населения. К началу 1914 г. Российское палестинское общество имело в Палестине 101 русскую школу, в том числе две учительские духовные семинарии. В них получали образование многие представители арабской интеллигенции Палестины, Сирии, Ливана, Египта, некоторые из них продолжали затем учебу в России. Из стен этих школ вышло немало видных арабских писателей, журналистов, преподавателей, переводчиков на арабский язык произведений русских классиков.

[13] См.: *Луцкий В. Б.* Новая история арабских стран. М., 1966, с. 115.

[14] Цит. по: *Sidebothan H.* British Interests in Palestine 1917.— From Heaven to Conquest, с. 125—142.

[15] Подробнее см.: *Эрлих В.* Сионизм: теория и практика.— Против сионизма и израильской агрессии. М., 1974, с. 92; *Иванов Ю. С.* Осторожно, сионизм! М., 1970, с. 36.

[16] *Герцль Т.* Еврейское государство. Опыт современного решения еврейского вопроса. СПб., 1896.

[17] Подробнее см.: Международный сионизм: история и политика. М., 1977, с. 28—29.

[18] *Weinstock N.* Le sionism contre Israel. P., 1969, с. 7.

[19] *Ленин В. И.* Положение Бунда в партии.— Полное собрание сочинений. Т. 8, с. 72.

[20] The Complete Diaries of Theodore Herzl. N. Y., 1960, vol. II, с. 58.

[21] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. I. N. Y., 1970, с. 15, 17, 18.

[22] Там же, с. 18.

[23] См.: *Эрлих В.* Сионизм: теория и практика.— Против сионизма и израильской агрессии, с. 92—93.

[24] Там же, с. 94.

[25] *Sykes Ch.* Crossroads to Israel. L., 1965, с. 24.

[26] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 21.

[27] *Clawson M.* Man and Land in Israel. Tel-Aviv, 1961, vol. 35, pt. 4, с. 189.

[28] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 224—226.

[29] См.: Кооперативная колонизация в Палестине. Пг., 1917, с. 13.

[30] *Руппин А.* Современная Сирия и Палестина. Пг., 1919, с. 79—80.

[31] Там же, с. 34.

[32] Там же, с. 79.

[33] *Weinstock N.* Le sionisme contre Israel. P., 1969, с. 37.

[34] См.: *Тума Э.* Джузур аль-кадыйя аль-филастынийя. Аль-Кудс, 1976, с. 90.

[35] *Тума Э.* Джузур аль-кадыйя аль-филастынийя, с. 3.

[36] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 60.

[37] Там же, с. 61—67.

[38] ООН. История и истоки палестинской проблемы. Ч. I (1917—1948). Нью-Йорк, 1978, с. 3.

[39] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary..., с. 61—67.

[40] ООН. История и истоки палестинской проблемы, с. 8.

[41] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 101.

[42] *Folk A.* Israel. Terre deux fois promise. P., 1954, с. 18.

[43] «Международные банкирские дома братьев Лазар, Юджина Майера, Дж. У. Зелигмена, братьев Спайер и М. Варбурга производили крупные операции в Соединенных Штатах, так же как и Ротшильды, через нью-йоркский банк „Кун, Леб и К°". Их помощь имела особую ценность для союзников, поскольку в то время они уже исчерпали свои резервы золота и ценных бумаг, которые могли найти сбыт в Америке. Таковы были главные соображения, по которым английское правительство пошло на заключение контракта с еврейством» (*John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 101).

[44] *Bonds J., Emerman J., John L., Johnson P., Rupert P.* Our Roots are Still Alive. The Story of the Palestinian People. San-Francisco, 1977, с. 29.

[45] Лидеры ВСО через «своих людей» в правящих кругах Англии, симпатизировавших сионизму, обещали английским руководителям «верой и правдой» служить английским интересам на Ближнем Востоке, обеспечить эффективную защиту Суэцкого канала, а также «сплотить евреев всего мира на поддержку дела союзников». В то же время они не брезговали и откровенным шантажом, намекая английским деятелям, что «если еврейский народ не получит того, что он требует для себя в Палестине, то ... все еврейство большевизируется и выступит в поддержку большевиков во всех странах, как оно уже сделало это в России» (подробно см.: *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary).

[46] ООН. История и истоки палестинской проблемы..., с. 8.

[47] См.: *Mallison W. T.* The Balfour Declaration: An Appraisal in International Law.— The Transformation of Palestine, с. 6; *Linowith S. M.* The Legal Basis for the State of Israel.— American Bar Association Journal. Vol. 43. 1957, с. 522; *Cattan H.* Palestine and International Law. L., 1973.

[48] ООН. История и истоки палестинской проблемы... Приложение V, с. 106.

[49] ООН. История и истоки палестинской проблемы..., с. 33—34.

[50] Там же.

[51] Цит. по: *Носенко В. И.* Деятельность сионистов в Палестине и арабское национально-освободительное движение в период между двумя мировыми войнами.— Международный сионизм: история и политика. М., 1977, с. 44. После официального провозглашения независимости Трансиордании 25 мая 1946 г. она стала официально называться Иорданское Хашимитское Королевство (Иордания).

[52] Аль-Хизб аш-шуюий аль-филастыний. Аль-Барнамадж. 1983. [Б. м., б. г.], с. 36—37.

[53] *Тума Э.* Национально-освободительное движение и проблема арабского единства. М., 1977, с. 147.

[54] Там же, с. 177.

[55] Цит. по: ООН. История и истоки палестинской проблемы..., с. 27.

[56] *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 6, 35—36.

[57] *Тума Э.* Национально-освободительное движение и проблема арабского единства, с. 146—147.

[58] *Ленин В. И.* Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.— Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 327—328.

[59] Цит. по: Новейшая история арабских стран. М., 1968, с. 23.
[60] Коммунистический Интернационал в документах. М., 1933, с. 125.
[61] *Тума Э.* Национально-освободительное движение..., с. 177.
[62] Цит. по: ООН. История и истоки палестинской проблемы, с. 41.
[63] Там же, с. 35.
[64] Immigration and Settlement. Jerusalem, 1973, с. 48.
[65] ООН. История и истоки палестинской проблемы, с. 48.
[66] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 206, 209.
[67] Там же, с. 208.
[68] Documents of German Foreign Policy 1918—1945 on Havara Agreement· U. S. Government Printing Office. Wash., 1953.
[69] В Германии до прихода нацистов к власти подавляющая часть еврейской общины, насчитывавшей 503 тыс. человек, отвергала сионизм. В сионистских организациях состояло тогда всего 8739 членов, или менее 2% численности еврейской общины. *Аббас М.* Алякат ас-сыррия бейна зайонизм ва фашия. Бейрут, 1982, с. 62.
[70] Immigration and Settlement, с. 32.
[71] *Abu Lughod J.* The Demographic Transformation...— The Transformation of Palestine, с. 150.
[72] Документы Коммунистической партии Израиля. Резолюция XVI съезда.— Против сионизма и израильской агрессии, с. 14.
[73] Цит. по: *Ладейкин В. П.* Источник опасного кризиса. М., 1973, с. 71.
[74] *Тума Э.* Национально-освободительное движение..., с. 215.
[75] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 259.
[76] Цит. по: *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 47.
[77] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 265.
[78] Там же, с. 222, 260, 263.
[79] Там же, с. 267.
[80] *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 49.
[81] *Тума Э.* Национально-освободительное движение..., с. 216—217.
[82] Аль-Хизб аш-шуюий аль-филастыний. Аль-Барнамадж. 1983, с. 25—26.
[83] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 292.
[84] Там же, с. 312, 313, 317.
[85] *Zogby J.* The Zionist Movement and the Origin of the State of Israel. Paper Presented to the First Session of the UN. Seminar on the Question of Palestine 14—18 July 1980. Arusha, с. 298, 348.
[86] Подробнее об этом см.: *Оганесян Н. О.* Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы второй мировой войны. Ер., 1980.
[87] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 337.
[88] Новейшая история арабских стран, с. 29.
[89] Там же, с. 30.
[90] Аль-Хизб аш-шуюий аль-филастыний. Аль-Барнамадж. 1983, с. 27—28.
[91] Там же.
[92] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 325—326.
[93] ООН. История и истоки палестинской проблемы, с. 86.
[94] Этот комитет был создан после второй мировой войны по настоянию Соединенных Штатов для расследования положения в Палестине и подготовки рекомендаций для правительств Англии и США по палестинской проблеме.
[95] ООН. История и истоки палестинской проблемы, с. 82.
[96] Там же.
[97] Там же, с. 77.
[98] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 341.
[99] *Тума Э.* Национально-освободительное движение..., с. 299—300.
[100] *Vilner M.* The Palestine Problem and Israeli-Arab Dispute. Tel-Aviv, 1946, с. 20.
[101] По данным Н. Вайнштока, из 2562 тыс. евреев — жертв нацизма, которые бежали за границу в 1935—1943 гг., лишь 8,5% поселились в Палестине. Въезд в США был разрешен только 6,6% (170 тыс.), в Великобританию — 1,9% (50 тыс.). Большинство же европейских евреев нашли убежище в Советском Союзе: 1930 тыс., или 75% всех еврейских беженцев. (*Weinstock N.* Le sionisme contre Israel, с. 20—21).

[102] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 356.
[103] В то время в Лигу арабских государств входило семь формально независимых стран: Египет, Сирия, Ливан, Ирак, Трансиордания, Саудовская Аравия и Йемен.
[104] *Kadi L.* Arab Summit Conferences and the Palestine Problem. Beirut, 1966, с. 17; *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 365.
[105] *Тума Э.* Национально-освободительное движение.., с. 274.
[106] Цит. по: *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary, с. 370—371.
[107] *Kadi L.* Arab Summit Conferences..., с. 13.
[108] ООН. История и истоки палестинской проблемы..., с. 82—83.
[109] *Kadi L.* Arab Summit Conferences..., с. 27.
[110] Там же, с. 30—31.
[111] Там же.
[112] Там же.
[113] Подобная политика руководителей арабских государств проявлялась, в частности, в их попытках побудить США и Англию пойти навстречу арабским требованиям в палестинском вопросе, изложенным в упоминавшихся выше письме короля Саудовской Аравии президенту США Рузвельту, обращении египетского премьер-министра Нокраши-паши и совместном заявлении короля Египта Фарука и саудовского короля Ибн Сауда в январе 1946 г., адресованных правительствам Англии и США.
[114] ООН. История и истоки палестинской проблемы, с. 85.
[115] *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 64.
[116] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. II, с. 178—180.
[117] *Kadi L.* Arab Summit Conferences..., с. 41; *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. II, с. 173.
[118] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. II, с. 181—182.
[119] Аль-Хизб аш-шуюий аль-филастыний. Аль-Барнамадж. 1983, с. 36—37.
[120] *Kadi L.* Arab Summit Conferences..., с. 52, 53, 55.
[121] Там же.
[122] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 (II). от 22 ноября 1947 г.— Палестинская проблема. Документы ООН и международных организаций и конференций. М., 1984, с. 5—29.
[123] Там же, с. 223.
[124] Там же.
[125] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. II, с. 259—264.
[126] Цит. по: *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. II, с. 259—264.
[127] Там же.
[128] Такой комментарий, в частности, опубликовала лондонская газета «Таймс» после дискуссии в Специальном комитете ООН по вопросу Палестины на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в апреле 1946 г. (Цит. по: *Lohn R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. II, с. 202.)
[129] Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. II сессия. Пленарные заседания. Т. II, 124 заседание, с. 291.— ООН. Истоки и история палестинской проблемы, с. 37—38.

Глава вторая

[1] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 181 (II) от 29 ноября 1947 г.— Палестинская проблема. Документы ООН и международных организаций и конференций. М., 1984, с. 6.
[2] ООН. Документы Комитета по осуществлению неотъемлемых прав палестинского народа. Ч. II. Нью-Йорк, 1979, с. 45—51.
[3] Там же.
[4] ООН. История и истоки проблемы Палестины. Ч. II (1947—1977 гг.), Нью-Йорк, 1979, с. 45.
[5] *Glubb J. B.* A Soldier with the Arabs. L., 1958, с. 63, 66. Цит. по: *Котлов Л. Н.* Иордания в новейшее время. М., 1962, с. 82.
[6] From Heaven to Conquest. Ed. by Halidi W. Pt IV, Beirut, 1971, с. 755.
[7] ООН. История и истоки... Ч. II, с. 53.

[8] Death of a Mediator. Beirut, 1968, с. 42.
[9] *Rodinson M.* Israel and the Arabs. N. Y., 1968; *он же.* Israel. A Colonial-Settler State. N. Y., 1973; См. также: *Clarke J. H.* The Land Question in Palestine and in Eastern and Southern Africa. A Comparative and Historical Study of Two Colonial Tragedies. United Nations. Arusha. 14—18 July 1980, с. 25—39.
[10] *Weinstock N.* Le sionisme contre Israel. P., 1969, с. 32.
[11] *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. II. N. Y., 1970, с. 349—350.
[12] *Bonds J., Emerman G., John L., Johnson P., Rupert P.* Our Roots are Still Alive. The Story of the Palestinian People. San-Francisco, 1977, с. 65—66.
[13] Цит. по: *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. II, с. 356.
[14] ООН. История и истоки... Ч. II, с. 53—54.
[15] *Weinstock N.* Le sionisme..., с. 28.
[16] Новейшая история арабских стран. М., 1968, с. 148.
[17] Разумеется, что западные державы использовали против национально-освободительного движения арабов не только арабо-израильский конфликт. Они применяли и другие методы: от попыток сколачивания военных союзов и пактов типа так называемого Средневосточного командования (1955 г.), распространения действия «доктрины Эйзенхауэра» на страны ближневосточного региона (1957 г.) до прямой интервенции против арабских стран (в октябре 1956 г.— против Египта, летом 1958 г.— против Ливана и Иордании). Но использование Западом арабо-израильского конфликта для противодействия деколонизации арабского мира имело более постоянный и широкий характер в силу дестабилизирующего влияния этого конфликта на арабский регион в целом и особенно на сопредельные с Палестиной страны: Египет, Сирию, Иорданию, Ливан.
[18] Известия. 06.11.1956.
[19] *Davis J. H.* The Evansive Peace. L., 1968, с. 1.
[20] *Аарма А. Г.* Роль межународного сионизма в процессе образования государства Израиль (1947—1949).— История и экономика стран Ближнего Востока и Северной Африки. М., 1981, с. 239—249.
[21] Там же.
[22] Маарив. Тель-Авив, 25.02. 1970.
[23] *Аарма А. Г.* Роль международного сионизма..., с. 246.
[24] Там же, с. 244.
[25] Там же.
[26] Там же, с. 245.
[27] Там же, с. 248.
[28] Tragedy of the Palestinian Arab Refuges. Beirut, 1966, с. 24.
[29] Доклад БАПОР XXII сессии ГА ООН. Приложение 13/А—6713.
[30] Там же.
[31] Там же.
[32] *Weinstock N.* Le sionisme..., с. 30.
[33] Цит. по: *John R., Hadawi S.* The Palestine Diary. Vol. II, с. 370—371.
[34] The Middle East and North Africa. L., 1970, с. 105.
[35] Документ ООН A/SPC/102, с. 2.
[36] *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978, с. 36.
[37] *Childers E.* The Worldless Wish: From Citizens to Refuges.— The Transformation of Palestine. Evanston, 1971, с. 165—202.
[38] *Abdallach H.* The Palestinian Problem. Damascus, 1971, с. 50—53.
[39] ООН. История и истоки... Ч. II, с. 58.
[40] *Сайег Ф.* Ад-Диблумасийя ас-сыгюнийя. Бейрут, 1967, с. 75—76.
[41] Там же, с. 122.
[42] *Weinstock N.* Le sionisme..., с. 30.
[43] Цит. по: *Bonds J.,* etc. Our Roots..., с. 78.
[44] *Abdallach H.* The Palestine Problem, с. 53—54
[45] Аль-Урдун. Хакаик ва ма'люмат. [Б. м.], 1956, с. 5, 24.
[46] ООН. История и истоки... Ч. II, с. 58.
[47] *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978, с. 37.
[48] Документ ООН. A/1775 доп., с. 20—26.

[49] *Hudson M. S.* The Arab States' Policies toward Israel.— The Transformation of Palestine. Evanston, 1971, с. 309—310.
[50] *Котлов Л. Н.* Иордания в новейшее время. М., 1962, с. 82.
[51] Там же, с. 87.
[52] Там же, с. 97—98.
[53] Аль-Урдун уа-ль-кадыйя аш-Шарк аль-Аусат. [Б. м.], 1981, с. 20—21
[54] *Bonds J.,* etc. Our Roots..., с. 83.
[55] *Котлов Л. Н.* Иордания в новейшее время..., с. 149.
[56] Там же, с. 98.
[57] Там же, с. 99.
[58] О задачах коммунистов во всеарабском национальном движении (резолюция, принятая на конференции коммунистических партий Палестины и Сирии в 1931 г.).— Программные документы коммунистических партий Востока. М., 1934, с. 160—161.
[59] Подробнее об этом см.: *Беляев И. П., Примаков Е. М.* Египет: время президента Насера. М., 1974; *Тума Э.* Национально-освободительное движение и проблема арабского единства. М., 1977, с. 327—334.
[60] *Bonds J.,* etc. Our Roots..., с. 93—95.
[61] Подробнее об этом см.: *Котлов Л. Н.* Иордания в новейшее время, с. 128—131, 187.
[62] *Bonds J.,* etc. Our Roots..., с. 96.
[63] Там же, с. 99.
[64] Там же, с. 100—102.
[65] Цит. по: *Ланда Р. Г.* Освободительная борьба арабов Палестины (1948—1967).— Народы Азии и Африки. 1976, № 5, с. 28.
[66] *Bonds J.,* etc. Our Roots..., с. 99.
[67] Там же.
[68] *Дмитриев Е.* Палестинский узел. М., 1978, с. 206.
[69] Аль-Ахрам. Каир, 10.03.1963.
[70] *Дмитриев Е.* Палестинский узел, с. 207.
[71] *Джирийс С.* Характер Организации освобождения Палестины.— Второй семинар ООН по проблеме Палестины. Вена, 1980, с. 437.

Глава третья

[1] *Kadi L.* Arab Summit Conferences and the Palestine Problem. Beirut, 1966, с. 94.
[2] Документы Палестинской коммунистической партии (ПКП): Аль-Хизб аш-шуюий аль-филастыний. Аль-Барнамадж. 1983. [Б. м., б. г.], с. 20—40.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Palestinian Leaders Discuss the New Challenges for Resistance. Beirut, 1974, с. 46.
[6] *Абдель Рахман А.* Организация освобождения Палестины: прошлое, настоящее и будущее. Первый семинар ООН по вопросу о Палестине. Аруша. 1980, с. 197—198.
[7] Там же.
[8] Там же.
[9] Карарат аль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний. 1964—1974. Бейрут, 1975, с. 140; *Абдель-Рахман А.* Организация освобождения Палестины..., с. 199.
[10] *Kadi L.* Arab Summit Conferences..., с. 200—204.
[11] Карарат аль-маджлис аль-ватаний..., с. 41—72.
[12] Там же.
[13] What do you know about the P. L. O. [Б. м., б. г.], с. 13.
[14] Там же, с. 15; См. также: *Rashid H.* What is the P. L. O. The Palestinians Selected Essays. Wash., 1976, с. 5; *Абдель Рахман А.* Организация освобождения Палестины..., с. 204—208; *Джирийс С.* Характер Организации освобождения Палестины.— Второй семинар ООН по проблеме Палестины. Вена, 1980, с. 440—441.
[15] Там же.

[16] *Абдель Рахман А.* Организация освобождения Палестины..., с. 208.
[17] См. Правда. 02.06.1983.
[18] *Джирийс С.* Характер Организации освобождения Палестины, с. 441.
[19] *Rashid H.* What is the P.L.O., с. 5—26.
[20] *Quandt W. B., Jabber F., Lesch A. M.* The Politics of Palestinian Nationalism. Berkeley—Los Angeles, 1973, с. 200.
[21] *Джирийс С.* Характер Организации освобождения Палестины, с. 435—441.
[22] *Chaliand G.* La resistance palestinienne. P., 1970, с. 61—104.
[23] *Ланда Р. Г.* Освободительная борьба арабов Палестины (1948—1967).— Народы Азии и Африки. 1976, № 5, с. 31.
[24] *Абдель Рахман А.* Организация освобождения Палестины, с. 200.
[25] *Kadi L.* Arab Summit Conferences..., с. 102.
[26] Там же, с. 137.
[27] The Economist. 20.02.1966.
[28] *Абдель Рахман А.* Организация освобождения Палестины, с. 200.
[29] *Ash-Shuabi I.* Palestinian Statism: Entity—Consciousness and Institutional Development. Beirut, 1979, с. 240.
[30] Аль-Ахрам. 24.08.1970.
[31] См.: *Ланда Р. Г.* Освободительная борьба арабов Палестины..., с. 29.
[32] *Bonds J., Emerman J., John L., Johnson P., Rupert P.* Our Roots are Still Alive. The Story of the Palestinian People. San Francisco, 1977, с. 113.
[33] The Jerusalem Post. 18.04.1968.
[34] Внешняя политика Советского Союза 1967. Док. № 50—51, с. 153—155.
[35] Внешняя политика Советского Союза 1967. Док. № 52, с. 155—156.
[36] Резолюция Совета Безопасности ООН № 242 от 22 ноября 1967 г.— Палестинская проблема. Документы ООН и международных организаций и конференций. М., 1984, с. 157—158.
[37] См.: *Ланда Р. Г.* Из истории палестинского движения сопротивления (1967—1971).— Народы Азии и Африки. 1976, № 4, с. 19.
[38] Там же, с. 24.
[39] Там же, с. 29.
[40] *Джирийс С.* Характер Организации освобождения Палестины, с. 377.
[41] *Chaliand G.* The Palestinian Resistance, Middlessex, 1972, с. 74; Bonds J., etc. Our Roots..., с. 122.
[42] См.: Revolution africaine. Alger, 1970, № 356, с. 16—17.
[43] Материалы заседания Президиума Всемирного Совета Мира 11—13 ноября 1968 г. Лахти, с. 36.
[44] What do you know about P.L.O., с. 10.
[45] Аль-Хизб аш-шуюйи аль-филастыний. Аль-Барнамадж. 1983, с. 45.
[46] Карарат аль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний. Ад-Даура аль-хамиса. Аль-Кахира, 1969, с. 135—140.
[47] *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 126.
[48] Там же, с. 146.
[49] Там же, с. 151—153.
[50] Там же, с. 153.
[51] Цит. по: *Nyang Suleyman S.* Palestinians and Human Rights.— Second United Nations Seminar on the Question of Palestine. Vienna, 1980, 25—29 August, с. 273.
[52] *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 122.
[53] *Зухейр Мохсен.* Ас-Саура аль-филастыннийя бейна аль-хадыр ва-ль-мустакбаль. Дамаск, 1973, с. 20.
[54] Карарат аль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний. Ад-Даура аль-хамиса. Аль-Кахира, 1969, с. 135—140.
[55] Там же.
[56] См.: *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 120.
[57] Afrique — Asie. 26.10.1970.
[58] *Ланда Р. Г.* Из истории палестинского движения сопротивления..., с. 30.
[59] См.: *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978, с. 130—147.
[60] Цит. по: *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 127.

[61] Цит. по: Palestine. P.L.O. Information Bulletin. Beirut, 1974.
[62] *Ланда Р. Г.* Современный этап борьбы палестинского движения сопротивления (1971—1976).— Народы Азии и Африки. 1976, № 5, с. 17.
[63] *Rashid H.* What is the P.L.O., с. 18.
[64] Карарат аль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний. Ад-Даура ат-тамина. Аль-Кахира, 1971, с. 175—183.
[65] Карарат аль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний. Ад-Даура аль-ашира. Аль-Кахира, 1972, с. 195—224.
[66] Там же.
[67] *Ашхаб Н.* Палестинский аспект ближневосточного кризиса.— Проблемы мира и социализма. 1974, № 4, с. 61.
[68] *Дмитриев Е.* Палестинский узел. М., 1978, с. 87—88.
[69] *Ланда Р. Г.* Современный этап борьбы..., с. 20.
[70] Карарат аль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний. Ад-Даура аль-хадия ашара. Аль-Кахира, 1973, с. 225—245.
[71] *Зухейр Мохсен.* Ас-Саура аль-филастыннийя..., с. 128.
[72] См.: Life. 1970, № 12, с. 20.
[73] *Дмитриев Е. Д., Ладейкин В. П.* Путь к миру на Ближнем Востоке. М., 1974, с. 63—64.
[74] См.: *Дмитриев Е. Д., Ладейкин В. П.* Путь к миру...; *Примаков Е. М.* Четвертая арабо-израильская война.— Проблемы мира и социализма. 1973, № 12.
[75] *Ашхаб Н.* Палестинский аспект ближневосточного кризиса, с. 60.
[76] *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 120.
[77] См.: *Ланда Р. Г.* Палестинское движение сопротивления на современном этапе.— Народы Азии и Африки. 1976, № 5, с. 22.
[78] Palestinian Leaders Discuss the New Challenges for the Resistance, с. 13—15.
[79] Карарат аль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний. Ад-Даура ас-сания ашара. Аль-Кахира, 1975, с. 247—252.
[80] *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 145.
[81] Карарат аль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний. Ад-Даура ас-сания ашара, с. 247—252.
[82] Там же.
[83] *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 146.
[84] Resolutions Passed at the Conference of Islamic Nations. Lahore, 23.02.1974.— Journal of Palestine Studies. (Далее — JPS). Beirut, 1974, № 12, с. 209—210.
[85] *Ash-Shuaibi I.* Palestinian Statism..., с. 240.
[86] The Palestine Resolution of the Seventh Arab Summit Conference. Rabat, 1974.— JPS. 1975, № 14, с. 177—178.
[87] *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 146.
[88] The Speech of Yasser Arafat.— JPS. 1975, № 14, с. 181—192.
[89] Резолюция ГА ООН № 3236 от 22 ноября 1974 г.— Палестинская проблема. Документы ООН. М., 1974, с. 53.
[90] Резолюция ГА ООН № 3237.— Там же, с. 52.
[91] Цит. по: Palestine. PLO. Information Bulletin. 1974, № 12.
[92] *Bonds J.*, etc. Our Roots..., с. 151—153.
[93] Le Monde. 22.05.1975.
[94] См.: Daily Mail. 23.10.1973.
[95] См.: Stern. 11.10.1970.
[96] См.: Le Monde. 02.10.1976.
[97] Le Monde. 25, 26.06.1975; *Tuma E. H., Drabkin H. D.* The Economic Case for Palestine. L., 1978, с. 34, 47, 60, 70.
[98] См.: *Tuma E. H., Drabkin H. D.* The Economic Case..., с. 47.
[99] Карарат аль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний. Ад-Даура аль-хамиса, с. 135—140.
[100] *Sharabi H.* The Development of Palestine Liberation Organization Peace Policy.— The Second United Nations Seminar on the Question of Palestine. Vienna, 1980, с. 345—350.

[101] *Тума Э.* Национально-освободительное движение и проблема арабского единства, с. 413.
[102] *Ash-Shuaibi I.* Palestinian Statism..., с. 140.
[103] Ад-Дустур. Бейрут, 22.01.1974.
[104] Ас-Саура. Дамаск, 20.03.1975; Аль-Баас. Дамаск, 28.04.1975.
[105] Аль-Баас. 30.07.1976.
[106] *Самад Н.* Напряженность сохраняется.— Проблемы мира и социализма. 1975, № 9, с. 79.
[107] *Quandt W. B., Jabber F., Lesch A. M.* The Politics of Palestinian Nationalism. Berkeley — Los Angeles, 1973, с. 186—199.
[108] *Валькова А. В.* Саудовская Аравия в международных отношениях. М., 1979, с. 72—73, 98—99.
[109] Аль-Баас. 23.07.1976.
[110] Аль-Ахрам. 19.10.1974.
[111] La question palestinienne dans ses rapports avec le développement de le lutte revolutionnaire en Tunisie. Fevrier 1968. Tunisie, с. 9—10.

Глава четвертая

[1] *Борисов Р. В.* США: ближневосточная политика в 70-е годы. М., 1982, с. 76, 144.
[2] *Warburg J.* Crosscurrents in the Middle East. A Survey Arab-Israel Relations in Historical and European Perspective. L., 1969, с. 236.
[3] The Arab-Israel Conflict. Readings and Documents. Princeton, 1977, с. 1222.
[4] *Примаков Е. М.* История одного сговора. М., 1985; *Захаров А. М., Фомин О. И.* Кэмп-Дэвид: политика, обреченная на провал. М., 1982.
[5] *Kissinger H.* White House Years. Boston—Toronto. 1979, с. 1289.
[6] Department of State Bulletin. Wash., 1976—1981, 14. July, 1975, с. 56.
[7] *Heikal M.* The Road to Ramadan. L., 1975, с. 203.
[8] Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1974. Сборник документов М., 1975, с. 195; American Foreign Relations. A Documentary Record Council on Foreign Relations. N. Y., 1977, с. 17—18.
[9] Agreement on Desengagement between Israeli and Syrian Forces. May 31, 1974, U. N. Doc. S/4302/Add. 1/Annex 1.— American Foreign Relations. 1974. A Documentary Record Council of Foreign Relations. N. Y., 1977, с. 157—158; В советской литературе подробный анализ египетско-израильских и сирийско-израильских соглашений о разъединении войск содержится в работах Е. М. Примакова (История одного сговора, Анатомия ближневосточного конфликта), Р. В. Борисова (США: ближневосточная политика в 70-е годы), А. М. Захарова, О. И. Фомина (Кэмп-Дэвид: политика, обреченная на провал).
[10] Text of Interim Agreement between Egypt and Israel. Sept. 1—4. 1975.— Journal of Palestinian Studies (далее — JPS), № 17/18, vol. Autumn 1975/Winter 1976, с. 264—268.
[11] Внешняя политика Советского Союза. 1975. М., 1976, с. 56; Правда. 10.11.1975.
[12] *Kissinger H.* White House Years, с. 506.
[13] Там же, с. 161.
[14] Там же, с. 559 (подробно о тайной дипломатии Г. Киссинджера см.: *Sheehan E.* The Arabs, Israelis and Kissinger. A Secret American Diplomacy in the Middle East. N. Y., 1976; *Sheehan E.* Step by Step in the Middle East.— JPS № 15/20, с. 352. Vol. V. Spring/Summer.
[15] Time. 05.04.1971, с. 29.
[16] Подробно об этом см.: *Примаков Е. М.* История одного сговора, с. 31—41.
[17] Аль-Ахрам. Каир, 15.02.1971.
[18] Аль-Ахрам. 29.09.1972.
[19] Ас-Сафа. Бейрут, 30.09.1972.
[20] Примечательно следующее замечание израильского журналиста М. Галана в его книге «Секретные переговоры Генри Киссинджера: «Садат никогда не касался чувствительных проблем, таких, как Иерусалим и палестинцы, которые могли бы поднять политическую температуру в Израиле». (*Galan M.* The Secret Conversations of Henri Kissinger. N. Y., 1975, с. 172).
[21] Аль-Ахрам. 05.07.1974.
[22] Совместная акция арабских государств в поддержку ООП в Рабате объяснялась не только успехами палестинского сопротивления и ростом его влияния в арабском мире, но и нежеланием лидеров этих государств, в том числе Египта, противопоставлять себя общеарабскому фронту сопротивления израильской агрессии. «Лидеры арабских государств понимали,— писал по этому поводу Э. Руло,— что любое решение о мире с Израилем носило бы компромиссный характер и предусматривало бы уступки, в первую очередь за счет палестинцев; они не хотели брать на себя ответственность за неизбежные компромиссы и ручательства самих палестинцев». Кроме того, добавляет Э. Руло, «они учли то обстоятельство, что к этому времени Я. Арафат и другие лидеры ООП проявили готовность в принципе согласиться с политическими методами урегулирования ближневосточного конфликта» (*Rouleau E.* Le peuple palestinienne: histoire d'une consciense national.— Le Monde diplomatique. 1975, Janvier).
[23] Аль-Баас. Дамаск, 04.09.1975.
[24] L'Opinion. 13.10.1975.
[25] Аш-Шааб. Бейрут, 12.04.1975.
[26] Примечательно, что, как только начались вооруженные столкновения между ливанскими правохристианскими силами и отрядами национально-патриотических сил Ливана, А. Садат поспешил заявить, что он не намерен вмешиваться в ливанские события даже в качестве посредника. «Египетская политика в Ливане,— отмечал в связи с этим известный египетский политический деятель, лидер Национально-прогрессивной партии Халед Мохи ад-Дин,— помогла движению сепаратистов, поддерживаемых Израилем» (цит. по: Анба Моску. 1982, № 49).
[27] Бейрут. 15.01.1975.
[28] The Washington Post. 27.07.1976.
[29] Financial Times. 11.03.1977.
[30] Toward Peace in the Middle East. Report of a Study Group. Brooklings Institut. Wash., 1976, с. 2—17.
[31] The Middle East: U. S. Policy, Israel, Oil and the Arabs. Wash., 1977, с. 3.
[32] Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., 1978—1980, с. 358—370.
[33] Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. М., 1987, с. 170.
[34] Weekly Compilation of Presidential Documents. Wash., 1978—1980, 10.10.1977, с. 1482.
[35] Израильское правительство и сионистское лобби в США встретили в штыки советско-американское заявление по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 г. В Белый дом посылались письма и протесты с обвинениями в «предательстве» государства Израиль, в нарушении взятых Соединенными Штатами обязательств обеспечить безопасность и «выживание» Израиля. По данным американской печати, лишь с 1 по 4 октября 1977 г. в Белый дом поступило от сионистских организаций и отдельных лиц 7268 «разгневанных телеграмм» и 827 телефонных звонков (Time, 11.09.1978). Срочно созванное совещание координирующего органа сионистских организаций США — конференции президентов основных еврейских организаций — направило государственному секретарю С. Вэнсу «заявление протеста» против отказа США от их «исторических обязательств» в отношении защиты Израиля. В развязанной сионистскими кругами и израильской печатью истерической кампании принял участие также ряд сенаторов и членов палаты представителей конгресса США (Г. Джексон, Р. Доул, Д. Мойнихен, Дж. Джэвитс, Г. Бейкер), заявивших о своем «беспокойстве» в связи с подписанием советско-американского заявления.
[36] В связи с визитом А. Садата в Иерусалим в западной и особенно американской печати усиленно распространялась версия, будто «мирная инициа-

тива» Садата исходила исключительно от него самого и Соединенные Штаты подключились к переговорам между Египтом и Израилем лишь из желания поддержать эту инициативу. Однако позднее сам А. Садат признал решающую роль США в организации его поездки в Иерусалим. По его словам, фактором, побудившим его начать сепаратные переговоры с Израилем, было письмо президента Картера, в котором последний призывал его к «смелым действиям».

[37] Special Document. The Camp David Agreement for Middle East.— JPS. № 30. Vol. VIII, Winter 1979, с. 205—214; *Sayegh Fayez A.* The Camp David Agreement and Palestine Problem.— JPS. № 30. Vol. VIII, Winter 1979, с. 3—40. В советской литературе наиболее подробный анализ кэмп-дэвидской сделки см.: *Примаков Е. М.* История одного сговора. М., 1985; *Захаров А. М., Фомин О. И.* Кэмп-Дэвид: политика обреченная на провал. М., 1982; *Борисов Р. В.* США: ближневосточная политика в 70-е годы. М., 1982.

[38] Special Document. The Camp David Agreement for Middle East.— JPS. № 30. Vol. VIII, Winter 1979, с. 205—214.

[39] Там же.

[40] The Egypt-Israel Peace Treaty, 26 March 1979.— JPS. № 32, Vol. VIII, Summer 1979, с. 189—212.

[41] Le Monde diplomatique. 1979, Janvier.

[42] «Эретц Исраэль» («Земля Израилева») — библейское название Палестины, используемое сионистами для обоснования своих притязаний на всю территорию этой страны, включая Западный берег р. Иордан (в сионистской терминологии — Иудея Самария) и сектор Газа.

[43] Цит. по: *Смирнов В. И.* Политические партии Израиля и национальное самоопределение арабского народа Палестины.— Народы Азии и Африки. 1981, № 5, с. 43.

[44] Haaretz. 22.05.1979.

[45] *Звягельская И. Д., Носенко В. И.* Борьба арабского народа Палестины за свои национальные права.— Расы и народы. М., 1984, с. 56.

[46] Israel Settlements in the Occupied Territories.— JPS. 1978, № 29, с. 101—109; Правда. 17.07.1979.

[47] Правда. 12.07.1979.

[48] The Middle East. 1981, December.

[49] Jewish—Arab Simposium. Information Bulletin Communist Party of Israel (далее — IBCPI). Tel-Aviv, 1974, № 4, с. 25.

[50] XVIII съезд Коммунистической партии Израиля. М., 1979, с. 58.

[51] Зо-Гадарех Тель-Авив, 23.11.1977.

[52] Arbeiter Zeitung. Wien, 20.04.1980.

[53] *Touma E.* United States and Palestinian Question.— IBCPI. 1976, № 3, с. 38—54.

[54] *Said E.* The Question of Palestine. L., 1980, с. 202.

[55] Department of State Bulletin. Wash., 1978, с. 12.

[56] International Gerald Tribune. P., 06.11.1979.

[57] Department of State Bulletin. Wash., 1980, с. V.

[58] Резолюция XXXIII сессии ГА ООН № 33/113 от 18.12.1978.

[59] Резолюция XXXIII сессии ГА ООН № 33/28, разделы А—С. 07.12.1978.

[60] Resolution Adopted by the Limited Arab Summit Conference. Riyadeh, 18.10.1976.— JPS. № 22, Vol. VI, Winter 1977, с. 192—194.

[61] The New York Times. 22.10.1976.

[62] L'Unita. 26.10.1976.

[63] По мнению лидеров перечисленных палестинских организаций, вошедших в так называемый Фронт отказа, создание на части территории Палестины арабского «мини-государства» не могло решить палестинской проблемы, а лишь привело бы к утрате ее значимости на международной арене и даже к «концу палестинской революции». Свою позицию они мотивировали тем, что идея образования палестинского государства лишь на Западном берегу и в секторе Газа означала бы отказ палестинцев от остальной части Палестины, в том числе той, которая по резолюции ООН от 29 ноября 1947 г. должна была отойти к арабскому палестинскому государству. Такая позиция выражала в основном настроение палестинских беженцев 1948—1949 гг., их

опасения, что в случае образования независимого палестинского государства лишь на Западном берегу и в секторе Газа они не только не смогли бы вернуться к своим родным очагам, но оказались бы перед перспективой утраты международно-правовой основы для продолжения борьбы за это возвращение.

[64] Проблемы мира и социализма. 1975, № 2, с. 84.

[65] *Дмитриев О.* Палестинский узел. М., 1978, с. 168.

[66] Цит. по: *Звягельская И. Д., Носенко В. И.* Борьба арабского народа Палестины..., с. 55.

[67] Муназзамат ат-тахрир аль-филастыниййа. Маджлис аль-ватаний аль-филастыний. Ад-Даура ас-салиса ашара. 1977, с. 186—192; Resolutions of the Thirteenth Palestine National Council. Cairo, 21—25.05.1977.— JPS. № 23. Vol. VI, Spring 1977, с. 188—197.

[68] Там же.

[69] Барнамадж ас-саура. Бейрут, 1977, с. 5—6.

[70] Statement of the Tripoli Summit Conference.— JPS. № 27. Vol. VII, Spring 1978, с. 186—188; *Jiryis S.* The Arab World at the Crossroads: the Opposition to Sadat.— JPS. № 26. Vol. VII, Winter 1978, с. 32—33.

[71] JPS. № 26, 27, Winter/Spring 1978, с. 26—41, 186—188.

[72] Draft Statement of the Arab Front for Steadfastness and Confrontation. Algeria Summit Conference. Algiers, February 4, 1978.— JPS. № 27, Spring 1978, с. 207—208.

[73] JPS. № 27, Spring 1978, с. 186—188; Аль-Джихад. Триполи, 06.12.1977.

[74] Statement by the Executive Committee of the PLO on President Sadat's Visit to Israel.— JPS. № 26, 1978, с. 185—186; Le Figaro. 13.12.1978.

[75] Final Communiqué of the Third Summit Conference of the Arab Front for Steadfastness and Confrontation in Damascus, 23.09.1978.— JPS. № 30. Vol. VIII, Winter 1979, с. 184—187. Ас-Саура, Дамаск, 22.09.1978.

[76] Там же.

[77] Аль-Кифах аль-Араби. 10.10.1978; Филастын ас-Саура. 29.11.1978.

[78] Аль-Ирак. 06.11.1978.

[79] Statement, issued by the Nineth Arab Summit Conference in Bagdad. November, 1978.— JPS. № 30, Vol. VIII, Winter 1979, с. 202—204.

[80] Там же.

[81] Washington Post. 06.11.1978.

[82] По данным саудовской газеты «Эр-Рияд», только за шесть лет, предшествовавших заключению сепаратной сделки с Израилем, Египет получил от Саудовской Аравии, Кувейта, Катара и ОАЭ помощь в сумме более 13 млрд. долл. (Resolution Passed at the Conference of Arab Foreign, Economy and Finance Ministers. Bagdad, March 31. 1979.— JPS. № 32. Vol. VIII, с. 163—167, 183—186).

[83] Аль-Хуррия. Бейрут, 09.04.1979.

[84] Тишрин. Дамаск, 08.11.1978.

[85] Middle East International. 1979, № 3, February, с. 7—8.

[86] New Outlook. 1980, Janvier.

[87] Муназзамат ат-тахрир аль-филастыниййа. Маджлис аль-ватаний. Ад-даура ар-рабиа ашара. Дамаск, 15—22 января 1979 г.; Political and Organisation Programm Approved by the Palestine National Council at its Fourteenth Session, Held in Damascus, January 15—23, 1979.— JPS. № 31. Vol. III, Spring 1979, с. 165—169.

[88] Там же.

[89] Political Programme Approved by the Fourth General Conference of the Palestinian Liberation Movement Fateh. May 22—31, 1980.— JPS. № 27, Vol. 10, Autumn 1980, с. 184—192.

[90] Муназзамат ат-тахрир аль-филастыниййа. Маджлис аль-ватаний. Ад-даура ар-рабиа ашара, с. 64—65.

[91] Ад-Дустур. Амман, 12.06.1980.

[92] Political Programme...— JPS. № 27, Autumn 1980, с. 184—192.

[93] Зо-Гадарех. Тель-Авив, 11.05.1977.

[94] Зо-Гадарех. 11.10.1980.

[95] *Singham A. W., Nune S.* The Non-Aligned Movement and the Interna-

tionalization of the Palestine Question.— U.N. The Second United Nation Seminar on the Question of Palestine. Vienna, 25—29 August 1980, с. 351—373.
[96] Там же, с. 354—358.
[97] *Singham A. W., Shireley H.* The Non-Aligned Movement..., с. 366.
[98] Там же, с. 366—373.
[99] Резолюции VII чрезвычайной сессии ГА ООН по вопросу о Палестине. Июль 1980. М., 1984, с. 135—154.
[100] Тишрин. Дамаск, 01.08.1980.
[101] The New York Times. 31.07.1980; Christian Science Monitor. 03.08.1980.
[102] The New York Times. 28.07.1980.
[103] Le Soir. Bruxelle. № 304, 28—29.12.1980, с. 1—3.
[104] Le Monde diplomatique. 1977. Avril.
[105] *Singham A. W., Hune S.* The Non--Aligned Movement..., с. 371—373.

Глава пятая

[1] Аш-Шааб. Алжир, 03.08.1980.
[2] *Ашхаб Н.* Палестинская революция после битвы за Бейрут.— Проблемы мира и социализма. 1983, № 6, с. 73.
[3] Haaretz. 07.02.1982.
[4] *Rouleau E.* Les palestiniens d'une guerre à l'autre. P., 1984, с. 120.
[5] За рубежом. 1982, № 50.
[6] Al-Hamishmar. 11.07.1982.
[7] Известия. 02.08.1982.
[8] Правда. 19.07.1982.
[9] Правда. 22.07.1982.
[10] В конце декабря 1982 г. в Ливане находилось 1200 морских пехотинцев США в составе так называемых многонациональных сил. Этот воинский контингент, состоявший из подразделений США, Франции и Италии, был введен в Западный Бейрут согласно ливано-палестинско-американскому соглашению об эвакуации палестинских отрядов из Западного Бейрута, подписанному 7 августа 1982 г. при активном участии американского эмиссара Ф. Хабиба. В задачу «многонациональных сил» входило обеспечение безопасности гражданского населения города и лагерей палестинских беженцев в течение месяца с возможным продлением срока пребывания этих сил по согласованию между заинтересованными сторонами.
[11] Middle East Peace Proposal of President R. Reigan. September 1, 1982.— JPS. № 44. Vol. XI—XII, Summer 1982, с. 340—342.
[12] Там же, с. 340—342.
[13] Цит. по: Правда. 26.12.1982.
[14] The New York Times. 31.12.1982.
[15] Азия и Африка сегодня. 1983, № 1, с. 8.
[16] *Ашхаб Н.* Палестинская революция..., с. 73.
[17] ~~Цит. по: *Примаков Е. М.* История одного сговора. М., 1985, с. 233.~~
[18] Подсчитано по: UNCTAD. Handbook of International Trade and Development Statistics. 1979. N. Y. 1979, с. 475—477, 484—485; OAPEC Bulletin. 1983. Vol. 12, с. 20; U. N. Monthly Bulletin of Statistics. 1984, February, с. 1—5.
[19] Statement by Saudi crown Prince Fahd on the Latest Political Developments in Arabian Region.— JPS. № 44. Vol. XI, Autumn 1981, с. 241—243.
[20] Journal of Palestinians Studies. № 41. Vol. XI, August 1981; Bulletin Palestine. 1981; Филастын ас-Саура. 98.09.1981.
[21] Final Statement on the XII Arab Summit Conference at Fez, 9 September 1982.— JPS. № 46. Winter 1983, с. 202—203.
[22] Правда. 15.09.1982, 04.12.1982.
[23] Final Political Statement of the Fifteenth Session of the Palestine National Council Meeting in Damascus. April 11—12. 1981.— JPS. № 50. Vol. X, 1981, с. 182—187; Palestine. 1981, № 7, с. 9.
[24] Там же.
[25] Jeune Afrique. 20.10.1982.
[26] Новое время. 1982, № 48.

[27] Проблемы мира и социализма. 1982, № 11, с. 14.
[28] Final Resolutions Adopted by the Palestine National Council (Sixteenth Session). Algiers, February 14—22, 1983.— JPS. № 47. Vol. XII, 1983, с. 250—254; Проблемы мира и социализма. 1983, № 6, с. 74.
[29] Там же.
[30] Там же.
[31] *Ашхаб Н.* Палестинская революция..., с. 79.
[32] Foreign Affairs. Vol. 61, 1983, № 1, с. 138—156; *Rouleau E.* The Future of the PLO. Le Mond diplomatique. 1982.
[33] Полковник Абу Муса — наиболее типичная фигура среди оппозиционно настроенных офицеров. Он получил военное образование в английской академии в Сэндхерсте, пользовался всеобщим уважением за свою компетентность, храбрость и дисциплинированность. Он отличился во время вооруженного конфликта между фидаями и иорданской армией в 1970 г., во время гражданской войны в Ливане (1975—1976) и особенно в 1982 г., в дни осады израильской армией Западного Бейрута, оборону которого он возглавил.
[34] Foreign Affairs. 1983, № 1, с. 138—156.
[35] *Ашхаб Н.* Палестинская революция..., с. 74.
[36] *Ашхаб Н.* На трудном, крутом повороте.— Проблемы мира и социализма. 1984, № 3, с. 11.
[37] *Хасан Халед.* Любнанийят. Аурак сиясийя. Эль-Кувейт, 1984, с. 166.
[38] International Gerald Tribune. 27.06.1983.
[39] International Gerald Tribune. 05.01.1984.
[40] *Ашхаб Н.* На трудном, крутом повороте, с. 20.
[41] Цит. по: Литературная газета. 16.09.1983.
[42] *Примаков Е. М.* История одного сговора, с. 309.
[43] L'Orient—Jour. P., 23.12.1983.
[44] Баян аль-кияда ль-муштарика джабха ад-демократийя шаабийя ли тахрир филастини, аль-джабха аш-шаабийя ли тахрир филастини, джабха ат-тахрир аль-филастинийя.— Аль-хизб аш-шуйюий аль-филастиний. Аден, 1984.
[45] Филастын ас-Саура. 20.07.1984.
[46] Ад-Даура ас-сабиа ашара ли-ль-маджлис аль-ватаний аль-филастыний.— Аль-Афак. Никосия, 29.11.1984, с. 5—14.
[47] Там же.
[48] The IXth Regional Seminar United Nations Organization on Problem of Palestine. Tunis, August 1984, с. 5—14.
[49] Ад-Даура ас-сабиа ашара..., с. 5—14.
[50] Там же.
[51] Arab Times. 12.02.1985.
[52] Там же.
[53] Правда. 20.08.1985.
[54] Правда. 28.02.1985.
[55] Palestine. P.L.O. Information Bulletin. № 51, August—September 1986, с. 12—14.
[56] Там же.
[57] См.: Democratic Palestine. № 23. April, 1987, с. 8.
[58] Итоговый документ XVIII сессии Национального совета Палестины. Информационный бюллетень ООП № 5. М., 1987, с. 1—15.
[59] Там же.

Глава шестая

[1] ООН. Официальные отчеты II сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Доп. № 11. Специальная комиссия Организации Объединенных Наций по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблеи. Т. I. Нью-Йорк, 1947, с. 11.
[2] Там же, с. 1.
[3] ООН. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Стенографические отчеты 16 сентября — 29 ноября 1947 г. Т. 2. Нью-Йорк, 1947, с. 317.
[4] Специальная комиссия Организации Объединенных Наций по вопросам

Палестины. Доклад Генеральной Ассамблее. Т. 3. Нью-Йорк, с. 62, 213—218, 266—273.

[5] ООН. Доклад Совета Безопасности. 16 июля 1947 г.— 15 июля 1948 г. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. II сессия. Док. № 2 (A/620). Нью-Йорк, 1948, с. 92—94.

[6] Внешняя политика Советского Союза. М., 1969, с. 252.

[7] Правда. 19.10.1974.

[8] *Горбатов О. М., Черкасский Л. Я.* Борьба СССР за обеспечение прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке. М., 1980, с. 169.

[9] Филастын ас-Саура. 07.08.1974.

[10] Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 29.

[11] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 14.

[12] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1984, с. 14.

[13] Правда. 18.09.1982.

[14] Известия. 04.12.1982.

[15] Правда. 30.07.1984.

[16] Там же.

[17] Приветствия XXVI съезду КПСС. М., 1981, с. 387.

[18] Правда. 02.06.1984.

[19] Правда. 25.06.1987.

Заключение

[1] *Ленин В. И.* Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока. 22.XI.1919 г.— Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 328.

[2] The Palestine Resolution of the 7th Arab Summit Conference. Rabat, 1974.

[3] Известия. 25.09.1985.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава первая. Генезис палестинской проблемы 13

Глава вторая. Палестинская проблема в региональных международных отношениях в 1948—1963 гг. 57

Глава третья. Становление Палестинского движения сопротивления и его место в международных отношениях на Ближнем Востоке в 1964—1974 гг. 90

Глава четвертая. Палестинская проблема во второй половине 70-х — начале 80-х годов 137

Глава пятая. Курс Израиля и США на силовое решение палестинской проблемы и обострение региональных международных отношений в начале и середине 80-х годов 178

Глава шестая. Позиция СССР в палестинском вопросе и советско-палестинские отношения 207

Заключение 217

Примечания 224